

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.



1897, № 4.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. Янчука.



МОСКВА.

Высочайше уполномочен. Т-во Скорое. А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.

1897.

**Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологін и Этнографін.**

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Обычное право («адаты») киргизовъ Семирѣченской области. II. Союзъ родителей и дѣтей. III. Союзъ родственниковъ. IV. Союзъ родовой. <i>Н. Изразцова</i>	1
II. Къ исторіи народнаго театра. I. Живой вертепъ. <i>А. Н. Малинки</i>	37
III. Очерки Пошехонья. I. Семейные нравы и обычаи: 1. Отношеніе къ женщинѣ; бракъ. 2. Увеселенія. <i>А. В. Балова</i>	57
IV. Изъ матеріаловъ по этнографіи якутовъ. II. Очерки общественной жизни: 1. Рабство. 2. Умыканіе. <i>М. Овчинникова</i>	77
V. Памяти А. Θ. Гильфердинга. (Къ 25-лѣтней годовщинѣ его смерти). <i>А. М. Лободы</i>	89
VI. Федоръ Ивановичъ Буслаевъ (1818—1897). <i>В. Щепкина</i>	99
VII. Смѣсь:	
«Вѣны» Весьегонскаго уѣзда, Тверской губ. Запис. <i>Ю. Готье</i>	112
«Причѣты» Ношехонскаго уѣзда, Ярославск. губ. Запис. <i>Я. Ильинскій</i>	120
«Крики» Ряжскаго уѣзда, Рязанской губ. Запис. <i>Ал. Виноградовъ</i>	122
Къ легендамъ и новѣрьямъ о змѣяхъ. Сообщенія <i>М. К. Васильева, Н. Пузырева, С. Шарова</i> и др.	125
Къ исторіи собранія русскихъ былинъ. Сообщ. <i>Н. М. Мендельсона</i> и <i>А. Е. Грузинскаго</i>	128
Народные толки 1897 г. Сообщилъ <i>М. Дикаревъ</i>	132

VIII. Критика и библиография:

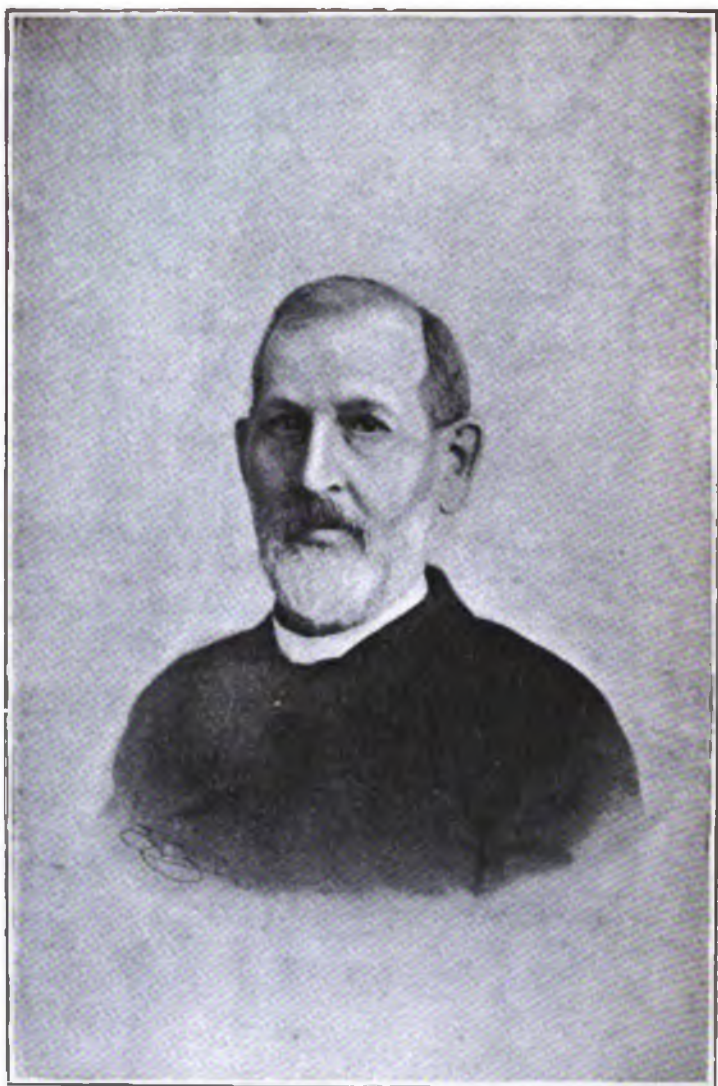
1. Книги, повременныя ученыя изданія. 134—163
 А. Мюллеръ. Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ
 временъ. Перев. съ нѣм., подъ ред. Н. А. Мѣдника, т. III
 и IV. *Д. Крымскаго* (134).—Н. Я. Никифоровскій. Про-
 стоверодныя примѣты и повѣрья. Суевѣрные обряды и обы-
 чан, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Собр. въ
 Витебской Вѣлорусси. *Ест. Личкаго* (137).—А. Е. Бурцевъ.
 Сказки, рассказы и легенды крестьянъ сѣвернаго края. *Д.
 Соболевскаго* (141).—Н. А. Смирновъ. Русскія народныя
 пѣсни новѣйшаго времени. *Д. С.* (142).—Труды VIII Архео-
 логическаго Съѣзда въ Москвѣ 1890 г., т. III. Подъ ред.
 П. С. Уваровой. *Н. Х.* (144).—Извѣстія И. Академіи Наукъ.
 Т. IV и V (147).—Извѣстія Вост.-Сибирскаго Отдѣла И. Р.
 Геогр. Общества, 1896 г. Т. XXVI (150).—Кавказская жизнь.
 Вып. I (1896 г.). *Хазова*. (152).—*Anthropologie*, 1896 (152).—
Globus. 1896 (155).—*Internationales Archiv für Ethnographie*.
 1896. Bd. IX (159).—*Mittheilungen der Anthropolog. Gesellschaft*
 in Wien, 1896. Bd. XXVI (160). Периодическо Списание на
 българското книжно дружество въ Сръдецъ. Кн. XLIV,
 XLV, XLVIII, XLIX—L, LI, LII—LIII, LIV.
2. Газеты и журналы. 164—174
3. Новости этнографической литературы. 175—183

IX. Извѣстія и замѣтки:

- Засѣданія Приамурскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества 11 и
 13 ноября 1897 г. (Чествованіе Н. Л. Говдатти) 184
 Красноярскій музей. *Д. Мастокевича*. 188
 Автобіографіи этнографовъ (А. А. Дявлевъ, С. А. и П. А.
 Дилакторскіе). 191

Приложеніе: портретъ Ѳ. И. Булаева.

Объявленія.



О. И. БУСЛАЕВЪ.

(1818 — 1897).

ОБЫЧНОЕ ПРАВО („АДАТЪ“) КИРГИЗОВЪ СЕМИ-РѢЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.¹⁾

II. Союзъ родителей и дѣтей.

I. Права и обязанности личныя. Власть родителей.

Власть родителей неограничена и простирается даже на жизнь дѣтей. Конечно, въ здоровомъ умѣ никто не рѣшится убить свое дитя, развѣ только нечаянно, но, какъ бы то ни было, дѣтоубійца не преслѣдуется ни въ какомъ случаѣ и даетъ отвѣтъ одному Богу.

Родители считаются естественными защитниками своихъ дѣтей. Отецъ ищетъ за обиду малолѣтнихъ и за убійство дѣтей. Замужнихъ дочерей защищаетъ мужъ, а отъ мужа отецъ.

Сообразно такой власти и заботамъ, дѣти должны безусловно подчиняться родителямъ, почитать и уважать ихъ. Непокорнаго сына родители наказываютъ сами, а не въ силахъ будутъ справиться—сзываютъ родственниковъ, и всѣ сообща расправятся, выдерутъ и нагайками. Зятѣмъ родственники стараются примирить сына съ отцомъ, заставляя перваго просить прощенія. Жалобы дѣтей на родителей по обычаю не должны приниматься, кромѣ жалобы о томъ, что отецъ не женить и не отдѣлать, ибо родители вольны во всѣхъ своихъ поступкахъ. Неисправимаго сына отецъ прогоняетъ, собравъ родственниковъ и объяснивъ имъ причины, предоставляя ему жить, гдѣ и какъ угодно. Выдѣлъ прогнаннаго зависитъ вполнѣ отъ воли отца; впрочемъ, это одинаково и по отношенію всѣхъ дѣтей за исключеніемъ только женитьбы, то есть прогнаннаго сына можетъ и не женить. Отецъ дастъ ему, сколько вздумается, а и не дастъ, то претендовать никто не смѣетъ. При неповиновеніи дочери одна только мать и другія родственницы наказываютъ. Отецъ рѣдко вмѣшивается въ женское дѣло. Непокорная дочь, однако, не выгоняется,—ве выгодно; ее стараются поскорѣе сбыть съ рукъ, выдавъ замужъ.

1) См. Этногр. Обзор., XXXIV.

Этнограф. Обзор. XXXV.

Власть родителей простирается и на выборъ мужа для дочери и жены для сына. Согласія дѣтей родители могутъ и не спрашивать; все это предоставлено обычаемъ ихъ личному усмотрѣнію, чѣмъ они и пользуются, сговаривая дѣтей еще въ колыбели. Сынъ, если не былъ сговоренъ въ малолѣтствѣ, всегда женится съ согласія отца. Да это и понятно, такъ какъ, не дай отецъ скота, сыну не чѣмъ заплатить и калымъ. Даже и отдѣленные сыновья при вторичной женитьбѣ спрашиваютъ отца, хотя вполне могли-бы обойтись безъ его позволенія и согласія. По отношенію замужества дочери власть отца еще болѣе неограничена. Взрослый сынъ могъ бы и не жениться на выбранной отцомъ дѣвушкѣ, но взрослая дочь должна непремѣнно выйти за того, кому отдалъ ее отецъ. Теперь администрація, смягчая нѣсколько обычаи и дозволяя дѣвушкѣ выходить и за невыбраннаго отцомъ, заставляетъ—конечно въ огромномъ меньшинствѣ случаевъ—родителей принимать симпатіи дочери къ свѣдѣнію.

Съ женитьбой и выдѣломъ сыновей и выходомъ дочерей замужъ власть родителей значительно ограничивается. Напримѣръ, наказаніе отдѣленнаго сына и замужней дочери не всегда уже возможны; отобраніе скота у отдѣленнаго сына вовсе невозможно, и при непочтительности его отцу остается отказаться отъ негоднаго и не помогать ему въ нуждѣ. Но случаи неуваженія, непочтительности рѣдки; вообще говоря, у киргизъ почетъ, оказываемый дѣтьми, очень великъ; отецъ и мать принимаются, какъ дорогіе почетные гости. Зато и отецъ при нуждѣ не жалѣетъ средствъ для дѣтей. Богачи платятъ за нихъ огромный калымъ и даютъ такое же приданое. Поминки по умершимъ устраиваются возможно пышно, и призы на байгѣ поглощаютъ иногда много скота и денегъ. Я, напримѣръ, знаю о призахъ въ 2—3 тысячи, и это еще не изъ больныхъ, бывали въ 6—7 тысячъ рублей.

2. Права и обязанности по имуществу.

а) Выдѣлъ дѣтей.

Сыновей выдѣляютъ только послѣ женитьбы, при чемъ бѣдные киргизы никогда не выдѣляютъ какъ по неимѣнію средствъ дать новую юрту, такъ и потому, что раздѣливъ скотъ, ни отецъ, ни сынъ не могли бы существовать. Но кромѣ бѣдныхъ и богатые, случается, не выдѣляютъ дѣтей. Богачъ иногда завѣщаетъ сыновьямъ не раздѣляться, и они свято исполняютъ волю отца. Живутъ хотя и совершенно отдѣльно другъ отъ друга, а имуществомъ пользуются сообща, при чемъ старшій изъ нихъ распоряжается на правахъ главы. Дѣтей своихъ выдѣлять можно по общему согласію.

Примѣръ этому виденъ на Атханѣ (бывшій младшій помощникъ Копальскаго уѣзднаго начальника) и Даркембаѣ. Они владѣли имуществомъ сообща; Атханъ, какъ старшій, распоряжался самостоятельно. Изъ этого имущества, по согласію Атхана и Даркембая, выдѣлена часть сыновьямъ перваго: Балкану и Иркембаю при ихъ женитьбѣ. Затѣмъ у Атхана еще пять сыновей, дочь и двѣ жены. Юрты женъ отдѣльныя, во скота нѣтъ ни у одной. У Даркембая тоже есть дѣти. Послѣ смерти Атхана весь скотъ перешелъ въ распоряженіе Даркембая; ни Сеильханъ, 20-лѣтній сынъ Атхана, ни прочіе его братья, кажется, не будутъ раздѣляться; Сеильханъ же и Даркембай не раздѣлятся ни въ какомъ случаѣ.

Помимо этихъ исключеній, богатые и средняго состоянія киргизы всегда выдѣляютъ женившимся сыновей. Размѣръ выдѣла обыкновенно зависитъ отъ воли отца, и если отдѣленный недоволенъ, то говоритъ родственникамъ, эти отцу, и если послѣдній прибавитъ—ладно, не прибавитъ—тоже ладно; участіе родственниковъ кончается, да и отдѣленный не можетъ требовать отъ отца ничего больше.

Чтобы вполнѣ правильно и ясно понимать выдѣлъ, необходимо помнить обычай, приведенный въ имущественныхъ правахъ супруговъ, то есть отецъ выдѣляетъ сына лишь изъ имущества, давнаго во владѣніе матери отдѣляемаго. Количество скота, даваемого выдѣляемому, хотя и зависитъ отъ воли отца, но обыкновенно оно приблизительно равно всему количеству скота, даннаго матери выдѣляемаго, раздѣленному на число сыновей отъ той же матери. Напримѣръ, если въ пользованіе женѣ дано 200 головъ и у ней 4 сына, то при одновременномъ выдѣлѣ каждый изъ троихъ первыхъ получилъ бы по 40 головъ, а остальные 80 головъ остаются въ пользованіе меньшаго сына и юрты. Младшій сынъ не выдѣляется никогда, ему достается все оставшееся отъ выдѣла братьевъ, и онъ живетъ постоянно съ матерью. Поэтому на долю младшаго приходится всегда болѣе скота, да еще юрта, домашнее имущество и зимовка.

Доли выдѣляемыхъ, конечно, не равны, ибо въ промежуткѣ между выдѣломъ количество скота можетъ уменьшиться или увеличиться, и доля послѣдующаго можетъ быть болѣе или менѣе доли старшаго брата. Впрочемъ, если выдѣленный обидѣнъ или если послѣ его выдѣла богатство отца значительно увеличилось, то и ему отецъ дастъ еще скота.

Отдѣленный сынъ можетъ жить и кочевать вмѣстѣ съ отцомъ; а если жены ихъ не ладятъ, то сынъ кочуетъ въ другомъ мѣстѣ.

Дочерей не выдѣляютъ никогда, вся забота о нихъ: выдать замужъ, приготовить приданое, а затѣмъ, когда у ней родится ребенокъ, отецъ даритъ ей скотъ.

Калымъ за сыновей платится изъ имущества, даннаго ихъ матери; калымъ за дочерей поступаетъ тоже въ имущество матери.

По смерти отца и при опеке матери выдѣлъ производится по ея усмотрѣнію, такъ же какъ и при жизни отца. Если же опекуномъ будетъ родственникъ отца, то имущество дѣлится на части строго равныя въ моментъ выдѣла. Впрочемъ, иногда младшему все-же достается немного болѣе скота, да юрта съ имуществомъ.

б) Опекунъ.

Опекуномъ долженъ быть непременно ближайшій по старшинству родственникъ. Само собою разумѣется, что безтолковымъ, глупымъ, опека не поручается. Даже воля умирающаго не можетъ измѣнить порядка опеки; кому бы онъ ни поручилъ опеку, все равно его не слушаютъ, и опека переходитъ къ ближайшему родственнику. Отказъ отъ опеки дозволенъ, и тогда опекуномъ становится слѣдующій родственникъ.

Опекунъ беретъ къ себѣ дѣтей умершаго, скотъ, имущество. На его обязанности лежить: одѣвать, кормить и заботиться о сиротахъ, какъ о своихъ собственныхъ дѣтяхъ, что обыкновенно и исполняется, такъ какъ опекунъ не отдѣляетъ сиротъ отъ своихъ дѣтей. Какъ только сироты подрастутъ и женятся, ихъ выдѣляютъ. Выдѣлъ лежитъ на обязанности и совѣсти опекуна; никто въ это не вмѣшивается, если только опекаемые въ ладахъ съ опекуномъ. Если же сироты не вѣрятъ опекуну и ссорятся съ нимъ, то раздѣлъ производится при помощи родственниковъ сиротъ.

Отчета по опеке никому не дается; если бы случился обманъ, и сироты узнаютъ, то ищутъ съ опекуна черезъ бѣговъ.

Скотъ, въ моментъ выдѣла женившагося сироты, дѣлится на равныя части по числу сиротъ; младшему иногда все-же оставляютъ немного болѣе прочихъ, да отцовскую юрту съ имуществомъ. Дочери не имѣютъ права на имущество отца, и если бы случилось, послѣ раздѣла имущества, остаться дѣвушкамъ-сироткамъ, то онѣ переходятъ къ младшему или другимъ отдѣленнымъ братьямъ; могутъ остаться и у опекуна, хотя это бываетъ крайне рѣдко. Въ послѣднемъ случаѣ опекунъ все-же не оставляетъ у себя скота для пропитанія сиротокъ; онъ оставляетъ лишь женское платье, которое и идетъ послѣ съ ними въ приданое. Калымъ въ этомъ случаѣ идетъ опекуну. Точно также поступаетъ и братъ, взявшій сестеръ отъ опекуна. Однимъ словомъ, калымъ идетъ тому, кто воспиталъ и выдалъ дѣвушку. Однако, надо здѣсь сказать, богатые и даже небогатые честные киргизы калымъ за сиротку обращаютъ ей въ приданое. Если сироты дѣвушки будутъ выданы замужъ ранѣе выдѣла опекуномъ ихъ братьевъ, то калымъ поступаетъ въ общую массу наслѣдства. Опекунъ за свою заботу о сиротахъ не пользуется никакимъ вознагражде-

ніемъ. Права его къ опекаемымъ—права отца; онъ защищаетъ ихъ, женить. Если умереть мать, то объ опекѣ нѣтъ и рѣчи, дѣти продолжаютъ жить у отца, подъ его надзоромъ. Если умереть мужъ, а вдова, имѣя сыновей, выйдетъ за ближайшаго родственника, то съ ней переходитъ весь скотъ и дѣти, а новый ея мужъ становится опекуномъ съ правами, указанными выше. Это при малолѣтнихъ все дѣтяхъ. Если же у вдовы есть взрослый женатый сынъ, то иногда скотъ отца и имущество остается въ распоряженіи взрослого, который и становится опекуномъ; у него же остаются и всѣ его братья. Мать же съ дочерьми переходитъ къ новому мужу безъ всего. Впрочемъ, если дѣти очень малы, то всѣ они—значить и сыновья—идутъ съ матерью. Возможно, что съ матерью не идутъ даже дочери: это если онѣ не хотятъ жить у отчима, и тогда мать идетъ къ новому мужу одна.

У киргизовъ бываютъ и такіе случаи: вдова, выйдя вторично замужъ, все-же живетъ съ дѣтьми отъ перваго брака и управляетъ наслѣдствомъ, новый же ея мужъ живетъ у себя, навѣщая ее по временамъ. Если по смерти мужа вдова не выйдетъ замужъ (возможно только тогда, когда есть сыновья), то вступаетъ въ права умершаго и распоряжается всѣмъ: растить дѣтей, заботиться о нихъ и скотѣ, женить сыновей, выдаетъ дочерей и вообще распоряжается такъ неограниченно, какъ распоряжался бы и ея мужъ, будь онъ живъ.

Понятно, каждая изъ отдѣленныхъ женъ опекаетъ только своихъ дѣтей и распоряжается только даннымъ ей скотомъ.

Имуществомъ сумасшедшаго, до совершеннолѣтія сыновей, управляетъ жена, а если жены нѣтъ—ближайшій родственникъ.

Въ случаѣ расточительности мужа жена можетъ обратиться къ родственникамъ его, которые и принимаютъ мѣры. Мѣры эти сначала состоятъ въ увѣщаніи, наказаніи нагайками, а не помочь—въ отобраніи имущества, которое передается въ распоряженіе женѣ или одному изъ взрослыхъ сыновей. Если бы мужъ и не согласился на такое ограниченіе его правъ, то на это не обращаютъ вниманія, и всякій считаетъ обязанностью удерживать его порывы, считая его больнымъ. Конечно, если мужъ исправится, то опять становится неограниченнымъ главой юрты.

в) Наслѣдство.

Имущество умершаго киргиза есть собственность его сыновей, внуковъ, а нѣтъ ихъ—его братьевъ и такъ далѣе. Умирающій, при всемъ желаніи, не можетъ нарушить этотъ обычай, то есть онъ не можетъ лишить наслѣдниковъ наслѣдства, и если даже и завѣщаетъ свое имущество кому-либо, то завѣщаніе не исполняется, а все поступаетъ въ собственность прямыхъ наслѣдниковъ.

На наслѣдство имѣютъ право одни мужчины; поэтому послѣ отца наслѣдуютъ сыновья, жены же и дочери никогда. Отдѣленные при жизни отца сыновья не имѣютъ никакихъ правъ на наслѣдство, если только есть другіе не отдѣленные. Если же послѣднихъ нѣтъ (это возможно только въ случаѣ смерти меньшаго), то все имущество умершаго переходитъ къ отдѣленнымъ сыновьямъ и дѣлится между ними поровну. Вдовъ же, если онѣ не выходятъ замужъ, и сестеръ они берутъ къ себѣ, кормятъ и одѣваютъ ихъ, а послѣднихъ и замужъ выдаютъ. Если у умершаго было нѣсколько отдѣленныхъ женъ, то сыновья наслѣдуютъ только имущество своихъ матерей.

Младшій сынъ не выдѣляется никогда и живетъ съ матерью; поэтому по смерти отца онъ и получаетъ все оставшееся отъ выдѣла своихъ братьевъ. Если у одной изъ отдѣленныхъ женъ умершаго сыновей нѣтъ, то имущество и скотъ переходитъ къ дѣтямъ прочихъ женъ, имѣющихъ сыновей, и дѣлится между ними поровну.

Сыновья умершаго киргиза вступаютъ въполнѣ въ права отца, и если бы, напримѣръ, ихъ дядя умеръ бездѣтнымъ, то они наслѣдуютъ имущество на тѣхъ же правахъ, какъ бы наслѣдовалъ и ихъ отецъ. Если бы у умершаго бездѣтнаго дяди былъ еще братъ, то имущество дѣлится между этимъ братомъ и племянниками, при чемъ послѣдніе получаютъ долю нѣсколько меньшую противъ доли перваго. На вдову умершаго дяди—тетку племянники имѣютъ, однако, менѣе правъ, чѣмъ имѣлъ бы ихъ отецъ, будь онъ живъ. Именно, тетка помимо племянниковъ переходитъ къ слѣдующему ихъ дядѣ, и только если всѣ братья умершаго откажутся или число вдовъ болѣе числа братьевъ, то иногда и племянники берутъ ихъ. Однако, при жизни своего отца тетку берутъ рѣдко—стыдятся.

Имущество киргиза, пропавшаго безъ вѣсти, дѣлится между наслѣдниками точно такъ же, какъ бы по смерти его. Однако, если пропавшій вернется, то получаетъ все обратно, но безъ женъ, если онѣ вышли замужъ.

Имущество сумасшедшаго наслѣдуется сыновьями, которые и должны заботиться о больномъ отцѣ. За неимѣніемъ сыновей вдова и имущество сумасшедшаго переходятъ къ ближайшимъ родственникамъ.

Однимъ словомъ, наслѣдство дѣлится между не отдѣленными сыновьями, нѣтъ ихъ—между отдѣленными; если сыновей и ихъ потомства нѣтъ, имущество переходитъ къ братьямъ и ихъ потомству и такъ далѣе (дядямъ и ихъ потомству, дѣдамъ)—все къ мужчинамъ. Женщины не имѣютъ никакихъ правъ на наслѣдство.

III. Союзъ родственниковъ.

1. Права и обязанности.

а) Личныя.

Всѣ члены союза равноправны и исполнѣ самостоятельны, не завися одинъ отъ другого. Отношенія ихъ между собой совершенно свободны, какъ равнаго къ равному. Главенства нѣтъ. Мнѣніе старѣйшаго родственника не обязательно, равно какъ и подчиненія ему не существуетъ.

Правда, хорошій добрый старецъ пользуется общимъ уваженіемъ, но не властью. Уважаютъ въ немъ старость, но эта же старость причиной тому, что мнѣнія его по дѣлу почти что не спрашиваютъ, считая непримѣннымъ нынѣ.

Кромѣ старцевъ уважаютъ и другихъ, даже подчиняются нѣкоторымъ, но это не значить, что они имѣютъ на уваженіе и почетъ какое-либо право по происхожденію; въ нихъ уважаютъ личность или положеніе. Тѣ киргизы, коихъ администрація зоветъ почетными, уважаются и своими; совѣты ихъ, мнѣнія исполняются часто въ точности, но, присмотрѣвшись къ такимъ личностямъ ближе, видимъ большей частью, что уваженіе и подчиненіе оказывается собственно не имъ, а ихъ положенію, богатству и т. п. Такія личности большей частью міровѣды, кулаки; имъ подчиняются, ихъ слушаютъ, терпятъ, кланяются изъ расчета, а не за добро, никогда ими не оказываемое.

Внимательства родственниковъ въ частныя дѣла другъ друга нѣтъ и не допускается, развѣ только этого внимательства будетъ просить одинъ изъ нихъ. Собравшія родственниковъ случаются: при раздѣлѣ пахотныхъ земель, при примиреніи ссорящихся родственниковъ, при наказаніи и примиреніи непокорнаго сына съ отцомъ, при дѣлѣжѣ наслѣдства, при распредѣленіи наряда на отбываніе какой-либо повинности, при рожденіяхъ, свадьбахъ, похоронахъ, байгахъ и тому подобное. Общихъ совѣтовъ передъ тѣмъ или другимъ дѣломъ не бываетъ, развѣ только дѣло касается всѣхъ родственниковъ, напримѣръ при искахъ куна; одинъ спрашиваетъ совѣта другого, болѣе опытнаго, но не по обязанности, а потому—умъ хорошо, а два лучше. Родственникъ, пріѣхавшій въ юрту другого, имѣетъ право на угощеніе и пріютъ. Впрочемъ, киргизы вообще гостепріимны. Гость даръ Бога и его слѣдуетъ накормить, не жалѣя средствъ. У нихъ принято считать, что все, дѣлаемое для гостя, дѣлается для Бога. Гостепріимствомъ пользуются такъ широко, что не обходится иногда и безъ комичныхъ сценъ: гости объѣдаютъ хозяевъ на чрезвычайныхъ сѣздахъ; отказать грѣшно, ну хозяева и бѣгутъ подальше отъ грѣха и гостей. Обидѣтъ родственника, украсть у него лошадь

не считается особенно тяжкимъ грѣхъ и наказуется одинаково съ обидой и воровствомъ у посторонняго.

Единственныя неоспоримыя права родственниковъ—право на вдовъ, имущество, на помощь при поминкахъ, при платежѣ куна-по опежѣ и тому подобное. Бездѣтная, не имѣющая сыновей, вдова—собственность родственниковъ умершаго мужа. По обычаю, она обязана быть женой старшаго брата и вообще ближайшаго по старшинству родственника умершаго. Исключеніе бываетъ для вдовъ старухъ, которымъ предоставляется свобода жизни безъ новаго замужества. Въ пожизненное пользованіе наслѣдники оставляютъ немного скота, юрту и необходимое имущество. Иногда въ пользованіе такихъ старухъ оставляютъ все, чѣмъ владѣлъ ея мужъ. (Напримѣръ, послѣ смерти киргиза Бексента, три его брата не взяли ничего изъ его имущества, а оставили все въ пользованіе вдовы Наутекъ и двухъ ея дочерей). Если имѣющій права на вдову молодъ, то она при желаніи ждетъ его совершеннолѣтія, а не желаетъ ждатъ—выходить за слѣдующаго. Не захочетъ старшій братъ взять вдову, беретъ слѣдующій, соблюдая очередь по старшинству лѣтъ. Само собой разумѣется, что по общему согласію братьевъ они могутъ и не придерживаться старшинства лѣтъ и отдать вдову тому, кто болѣе въ ней нуждается или къ кому она сама болѣе благоволяетъ.

При нѣсколькихъ вдовахъ каждый беретъ по одной; одинъ не можетъ взять всѣхъ безъ согласія прочихъ братьевъ. Если число вдовъ болѣе числа братьевъ, то берутъ племянники и слѣдующіе родственники. То же случается, если братья умершаго откажутся отъ вдовы. Бываетъ, что братья и сами съ общаго согласія отдають вдову за того или другаго изъ ея племянниковъ (по мужу, конечно).

Примѣры: 1) Киргизы Алмень, Кулиманъ и Кулдулды Кошетеровы родные братья. Младшій Кулдулды умеръ, оставивъ трехъ вдовъ, двѣ юрты, 100 лошадей, 6 верблюдовъ, 300 барановъ и 5 коровъ. Алмень взялъ вдову съ юртой и половину скота; Кулиманъ взялъ другую вдову съ юртой и остальную половину скота; третью же вдову взялъ сынъ Алменя—Вибитъ и съ нею получилъ лошадь, верблюда, постели, одежду ея и сѣдло, данныя ей въ приданое.—2) Киргизы Ковурбургской волости Кулуке, Беккулы и Кангучукъ родные братья. Младшій Кангучукъ умеръ, оставивъ сына и вдову. Послѣдняя съ согласія Кулуке и Беккулы вышла за сына Кулуке—Иглинка, конечно безо всего.

Старшій изъ братьевъ беретъ и старшую вдову, болѣе же молодыя выходить за слѣдующихъ. Причемъ старухи, остающіяся свободными, въ счетъ не идутъ.

Конечно, симпатія къ той или другой вдовѣ нарушаютъ порядокъ старѣйшинства. Въ тѣхъ случаяхъ, когда вдова, не смотря на то, что, не пожелаетъ выйти за имѣющаго на нее право, а поже-

ласть за другого, хотя бы и отдаленнаго родственника, то ее уже не неволятъ; но если ободенный не доволенъ такой свадьбой, то ищетъ со счастливецъ убытки, калымъ.

Напримѣръ, киргизы Конурбургской волости Чаунъ и Алпыспай ближайшіе родственники киргиза Машай. Послѣдній умеръ, оставивъ бездѣтную вдову Тумпай. Она не шла ни за Чауна, ни за Алпыспая, а желала выйти за Чуюнчалы дальнаго родственника Машай. Тогда Чаунъ предъявилъ къ Чуюнчалы искъ, и бѣи присудили ему 12 лошадей. Между тѣмъ Тумпай раздумала и вышла за Алпыспая. Чаунъ ничего не имѣлъ противъ этого брака потому и не искалъ. Въ данномъ случаѣ съ Чуюнчалы было присуждено 12 лошадей, но присуждаютъ и мѣтѣ, напримѣръ девятку отъ лошади и даже лошадь и халатъ, смотря по близости родства.

Если же вдова выйдетъ за посторонняго, то присуждаютъ полный калымъ, который и дѣлится поровну между наслѣдниками; приданаго они, конечно, не даютъ.

Съ бездѣтной вдовой, переходящей къ ближайшему родственнику, идетъ юрта съ имуществомъ кромѣ товаровъ и денегъ. Юрта эта не входитъ въ общую массу наслѣдства. Впрочемъ если наслѣдники соорятся, то раздѣляютъ и юрту. Скотъ же и прочее дѣлится поровну между всѣми братьями, а если скота нѣтъ, то взявшій вдову и юрту долженъ дать своимъ братьямъ подарки: кому лошадь, верблюда, халатъ и тому подобное.

Обрядность заключенія брачнаго союза съ вдовой отлична отъ обрядности женитьбы на дѣвушкѣ, по этому считаю не лишнимъ ея описаніе. А такъ какъ смертью киргиза начинаются собранія родственниковъ, которыми производится выдача замужъ вдовъ, а подчасъ и дѣлежъ наслѣдства, то и описаніе я начну со смерти и похоронъ.

Киргизъ умеръ. Тотчасъ же даютъ знать всѣмъ родственникамъ. Собираются сыновья умершаго, братья и другіе родственники и посторонніе съ женами. Приѣзжаетъ и позванный мула. Начинается обмываніе, производимое 3-мя, 5-ю или даже 9-ю непременно посторонними киргизами. Затѣмъ трупъ завертываютъ въ бѣлую матерію, кладутъ въ юртѣ на устланную травой землю. и опускаютъ занавѣсь. Мулла начинаетъ читать молитвы съ начала обмыванія и читаетъ вплоть до похоронъ. Плакать по умершему въинаяется въ обязанность всѣмъ родственникамъ—мужчинамъ, женщинамъ и дѣтямъ. Киргизы хоронятъ покойника въ день смерти, но если онъ умеръ ночью или во вторникъ, то похороны отлагаются до слѣдующаго дня (нѣкоторые не хоронятъ еще въ пятницу и субботу) и въ этомъ случаѣ собравшіеся не разѣзжаются, а тутъ и ночуютъ. Ихъ угощаютъ наслѣдники изъ скота умершаго. По повѣрью киргизъ, угощеніе собравшихся на счетъ умершаго пріятно послѣднему. При выносѣ тѣла изъ юрты,

вокругъ головы покойника обносятъ чашку съ пшеницей, рисомъ или просомъ, которое потомъ высыпаютъ въ казанъ и его ѣдятъ только наслѣдники. Тѣло несутъ на носилкахъ; въ могилѣ открываютъ покойному лицо и, положивъ предъ глазами бумагу съ написанной молитвой, засыпаютъ. Затѣмъ, прочитавъ молитву, всѣ возвращаются. Мулла читаетъ молитвы въ теченіе семи—иногда болѣе—дней; его кормятъ ближайшіе родственники, всѣ же остальные разъѣзжаются. Муллѣ за чтеніе молитвъ до похоронъ платятъ различно; богатые даютъ лошадь покойника съ сѣдломъ и прочіи приборомъ, бѣдные что придется. Въ седьмой день сзываютъ родственниковъ на счетъ покойника. Размѣръ угощенія различенъ и заключается обыкновенно въ предѣлахъ отъ 10 кобылъ до барана. Въ этотъ день отдаютъ обмыавшимъ трупъ полную одежду покойника, напримѣръ шубу, чекмень, халатъ, три рубашки, поясъ, сапоги и шапку. Богатые даютъ больше, даже вдвое всего этого. Женщину обмываютъ, конечно, женщины же, и имъ платятъ тоже одеждой умершей; шубу, два халата, двѣ рубашки, поясъ, бельдемчи. Расчитываютъ и муллу за чтеніе; ему даютъ изъ имущества умершаго девятку отъ верблюда и менѣе, напримѣръ одного барана или капъ проса. Въ сороковой и сотый дни опять поминки: снова сзываютъ родственниковъ умершаго и угощаютъ; рѣжутъ много скота: 20 кобылъ, 50 барановъ и т. п., бѣдные по возможности. Обыкновенно въ 40-й и 100-й день и вообще не позже года бываетъ иногда байга, призы на которую берутся частью изъ имущества умершаго, частью же даютъ родственники умершаго (по лошади и болѣе). Цѣль этихъ подарковъ дать возможность лучше помянуть покойника. И каждый родственникъ, въ свою очередь, при нуждѣ получаетъ такую же помощь, которая отъ нѣкоторыхъ даже обязательна, напримѣръ отъ тѣхъ, за кого заплаченъ кунъ. Призы на байгахъ иногда очень велики и превышаютъ даже наличныя средства, такъ что ихъ выплачиваютъ иногда постепенно. (Байга на поминкахъ по умершемъ сынѣ бія Испера).

Черезъ годъ наслѣдники послѣдній разъ собираютъ родственниковъ, обязанность которыхъ выдача вдовѣ и дѣлаетъ наслѣдства, если наслѣдники ссорятся. Собравшись, родственники помѣщаются въ юртѣ. Киргизъ, желающій взять вдову, рѣжетъ собственнаго барана, угощаетъ и говорить собравшимся: „я хочу взять за себя бабу“. Общество посылаетъ спросить согласія вдовы, ожидающей рѣшенія своей судьбы въ другой юртѣ, и при согласіи мулла тотчасъ же и обвѣнчиваетъ. При отрицательномъ отвѣтѣ вдова приглашается къ собравшимся, ее уговариваютъ и въ концѣ ковцовъ уломать.

Покончивъ съ вдовой, родственники приступаютъ къ раздѣлу имущества между наслѣдниками. Конечно, если послѣдніе взаимно согласятся, то участіе родственниковъ не допускается, но такъ

какъ всякому охота получить побольше, то полюбовный дѣлежъ не всегда бываетъ. При неудовольствіи на раздѣлъ родственниковъ наследники могутъ обратиться къ бѣю.

Если послѣ умершаго остались сыновья, то и они собираютъ родственниковъ и послѣ угощенія говорятъ имъ: „если мать не захочетъ выходить замужъ, то мы будемъ кормить и заботиться о ней, а захочетъ—ея воля“. Ее тутъ-же спрашиваютъ и поступаютъ сообразно ея желанію, неволить же въ этомъ случаѣ нельзя. Какъ вдова переходитъ къ брату умершаго мужа, точно такъ же и дѣвушка невѣста переходитъ къ брату умершаго жениха. Заплаченный калымъ и задатокъ держать ее на привязи. Даже если у жениха нѣтъ братьевъ, то и тогда она не получаетъ свободы, а переходитъ къ дядѣ или двоюродному брату умершаго. Въ этомъ случаѣ отецъ умершаго жениха получаетъ заплаченный калымъ съ того, кому достанется дѣвушка.

О правахъ родственниковъ по опеку, наказанію непокорнаго сына, изверга мужа и прочее сказано ранѣе.

б) Имущественныя права родственниковъ.

Выше уже говорено, что женщинамъ отказано въ правѣ имѣть собственность. Это право принадлежитъ исключительно мужчинамъ. Поэтому и здѣсь я буду говорить только о правахъ мужчинъ. Собственно слѣдовало бы начать съ наследства, но о немъ все сказано выше. Какъ дѣлятъ наследство братья умершаго, такъ дѣлятъ и прочіе родственники, когда оно имъ достается. Общій порядокъ наследства: 1) сыновья, внуки, правнуки и такъ далѣе; 2) братья, племянники и ихъ потомство; 3) дяди и ихъ потомство, и такъ далѣе. Вторая категорія наследуетъ, когда нѣтъ никого изъ первой, третья — когда нѣтъ никого изъ первой и второй. Въ каждой степени наследство дѣлится между всѣми поровну. Хотя дѣлежъ наследства поровну, несомѣнно, обычный и общій, но встрѣчаются киргизы, убѣжденные въ справедливости иного порядка раздѣла наследства, завѣщаннаго будто бы дѣдами и отцами. Они убѣждены, что старшій наследникъ можетъ взять, сколько заблагоразсудится. Къ сожалѣнію, мнѣ удалось узнать всего одинъ примѣръ такого дѣлежа.

Киргизы Андбозумовской волости Андіаръ, Бексентъ, Токсентъ и Далба —родные братья. Бексентъ умеръ еще во время владычества китайцевъ, оставивъ жену—Наутекъ—и двухъ дочерей. Наутекъ стара, братья не взяли ее и въ пожизненное ея пользованіе оставили все, чѣмъ владѣлъ Бексентъ. Потомъ умеръ Далба, оставивъ жену (бездѣтную), 10 коровъ, лошадь и юрту съ имуществомъ. Андіаръ, какъ старшій, взялъ вдову съ съ юртой, лошадь и 6 коровъ; Токсентъ удовольствовался 4 коровами. Въ настоящее время живъ лишь Токсентъ, ему 61 годъ. На мой вопросъ

—за что его так обидѣли при дѣлѣжѣ? онѣ отвѣтили: „Я не обиженъ. Мы съ братомъ раздѣлялись сами. Старики говорили намъ, что старшій братъ беретъ что и сколько захочетъ, остальное идетъ младшему. Послѣ смерти Наутекъ и я возьму много, а сыновьямъ Алдіара дамъ немного“.

Перехожу теперь къ вопросу о платѣ за кровь — „кунъ“.

Убійство въ настоящее время влечетъ за собой только имущественные расчеты. (Прежде возможно было требованіе крови, но объ этомъ ниже). Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣсто денежныхъ расчетовъ дѣло кончается выдачей дѣвушекъ, но вѣдь онѣ идутъ вмѣсто скота и, стало быть, на это надо смотрѣть какъ на имущественную сдѣлку. Затѣмъ, въ виду принадлежности дѣтей отцу, жены — мужу и такъ далѣе, искъ куна, по обычаю, зависитъ отъ усмотрѣнія самаго ближайшаго родственника или естественнаго защитника убитаго, помимо котораго, конечно, при жизни его, никто не можетъ жаловаться на убійство. Напримѣръ: если отецъ не желаетъ искать кунъ за сына, то и никто другой не долженъ искать. Послѣ смерти отца дѣло измѣняется и сыновья убитаго или братья могутъ начать искъ. Откажутся и они искать, опять слѣдующіе родственники могутъ вмѣшаться въ дѣло только по смерти брата и такъ далѣе. (Примѣръ: дѣло Бургутеня.)

Какъ ни ясно и опредѣленно такое постановленіе обычая, тѣмъ не менѣе не надо забывать, что убійство касается всѣхъ родственниковъ вообще, и часто настоянія послѣднихъ и помимо брата или другого ближайшаго родственника заставляютъ предъявить искъ. Здѣсь все дѣло заключается въ силѣ, которою пользуется въ волости ближайшій родственникъ убитаго: вліятельнѣе онъ — и всѣ молчатъ, нѣтъ — и всѣ соединенными силами заставляютъ его искать, а то обойдутся и безъ его согласія. Для ясности приведу одинъ изъ примѣровъ, которыми киргизы разясняли мнѣ обычай по иску куна. Ближайшіе родственники убитаго два брата. Старшій не желаетъ искать кунъ, младшій желаетъ. Если старшій пользуется вліяніемъ въ волости, то народъ на его сторонѣ, и другой братъ, оставленный всѣми, поневолѣ подчиняется и молчитъ. Наоборотъ, если младшій вліятельнѣе перваго и народъ приметъ его сторону, то искъ состоится непременно, хотя бы и безъ участія старшаго.

Въ настоящее время обыкновенный размѣръ куна:

Въ Вірненскомъ уѣздѣ.

Въ Коспальскомъ уѣздѣ

за мужчину — 200 лошадей, 100 барановъ, лошадь по выбору истца (чаган'ать) и верблюды;	за мужчину — 200 лошадей;
за женщину — половина куна за мужчину.	за женщину — 100, иногда 50 лошадей = Тоже и у Атбановъ бывшаго Южнаго участка.

Однако, кунъ въ этихъ размѣрахъ присуждается не часто; при рѣшеніи принимается во вниманіе множество условій, существенно вліяющихъ на присужденное количество скота. Главной причиной этому являются обстоятельства совершенія убійства, то есть большая или меньшая виновность убійцы. Напримѣръ: если киргизъ убить въ дракѣ, имъ же начатой и вызванной, убить воръ во время грабежа, убійца родственникъ убитому и тому подобное, то полный кунъ никогда не присуждается. Привести всѣ причины, вліяющія на уменьшеніе размѣровъ куна, конечно, нельзя; эти причины отчасти будутъ видны изъ приводимыхъ ниже примѣровъ, здѣсь же я скажу лишь, что даже количество времени между убійствомъ и искомъ вліяетъ на размѣръ куна; напримѣръ, если въ этотъ промежутокъ времени отецъ, сынъ, братъ убитаго почему либо не искали, то послѣ ихъ смерти слѣдующему ближайшему родственнику не присуждаютъ полного куна.

Кунъ увеличивается: 1) убытками—розыскъ виновныхъ, поминки, байга и тому подобное; 2) оскорбленіемъ трупъ—собаки, волки, птицы объѣдаютъ, а это указываетъ, что виновные недостаточно позаботились о трупѣ (кунъ за Чишканбая), и 3) баралта.

Убійство доказывается, кромѣ признанія конечно, показаніями свидѣтелей, а если ихъ нѣтъ, истецъ выбираетъ изъ общества отвѣтчика (изъ дѣлой волости) четырехъ человекъ на присягу. При кунѣ за женщину на присягу выбираютъ только двухъ человекъ.

Когда станетъ очевиднымъ, что присяга будетъ принята и, стало быть, отвѣтчикъ оправданъ, то истецъ часто вступаетъ въ добровольную сдѣлку съ отвѣтчикомъ при посредствѣ присяжныхъ. Начинаются общія совѣщанія (понятно, въ случаѣ не вымышленнаго иска), и обыкновенно истецъ отказывается отъ иска, мирясь съ отвѣтчикомъ и получивъ съ него, по рѣшенію присяжныхъ, 4 верблюдовъ и 4 лошадей, болѣе или того менѣе. Послѣ такой сдѣлки дѣло считается оконченнымъ, и присягу уже не принимаютъ. Если станетъ очевиднымъ, что присягу не примутъ, то стороны всетаки очень часто вступаютъ въ соглашеніе; имъ помогаютъ всѣ участвующіе въ дѣлѣ, особенно присяжные, которые главнымъ образомъ и являются вершителями судьбы, и истцу по мировой сдѣлкѣ даютъ 100 или болѣе или менѣе лошадей. Дѣло опять таки считается конченнымъ безъ привода выбранныхъ къ присягѣ вѣрнѣе сказать, недопустивъ выбранныхъ до отказа отъ присяги.

Мировыя сдѣлки, конечно, бываютъ и при всякомъ положеніи дѣла, но въ только что приведенныхъ случаяхъ онѣ имѣютъ особый смыслъ и значеніе: онѣ какъ бы избавляютъ отъ присяги, а стало быть и отъ возможности согрѣшить, которой хорошіе киргизы вообще избѣгаютъ. Кунъ платитъ убійца и самая близкая родня его. Добровольная помощь со стороны остальныхъ

родственниковъ бываетъ всегда, хотя бы убійца былъ очень богатъ. А если бы у убійцы и родни не было средствъ, то платятъ всѣ родственники—близкіе больше, дальніе меньше—по раскладкѣ бородачѣхъ и почетныхъ киргизъ. Если убійство случилось при дракѣ, въ которой принимала участіе вся волость, или въ дракѣ, возникшей за нарушеніе правъ рода, волости, то кунъ платится всей волостью по раскладкѣ, производимой стариками и лучшими людьми при участіи народа. Зачинщики драки, однако, платятъ немного болѣе другихъ.

Кунъ платится всей волостью и въ томъ случаѣ, если убійца неизвѣстенъ и достоверно лишь, что убійство совершено членомъ этой волости. Кунъ выплачивается не однимъ только скотомъ и деньгами, а и всѣмъ, чѣмъ придется: не хватить у убійцы средствъ, у него или его сына, брата берутъ за недоплаченное дѣвушку, которая и дѣлается женой наслѣдника убитаго. Взамѣвъ полнаго куна присуждаютъ 2—4 дѣвушки съ подаркомъ „куитъ“, и расчетъ по куну тѣмъ и кончается.

Просватанныхъ дѣвушекъ, понятно, не присуждаютъ и не даютъ.

Большихъ подробностей привести здѣсь нельзя, такъ какъ невозможно предвидѣть всѣ комбинаціи уплаты, и достаточно сказать, что въ уплату принимается рѣшительно все.¹⁾ Въ прежнее время платили и джотымъ.

По полученіи куна начинаются новые расчеты и раздѣлъ полученнаго между родственниками.

Получившій кунъ не можетъ воспользоваться имъ одинъ. Онъ долженъ дать часть волости, то есть своимъ сородичамъ. При полученіи полнаго куна роду отдается почти половина, которая и дѣлится по 2—3 головы на каждыя 50 юртъ. Въ свою очередь здѣсь идетъ новый раздѣлъ и обыкновенно получаютъ бородачи и почетные. Изъ остальной половины дается часть ближайшимъ родственникамъ. Поскольку дать—зависитъ отъ усмотрѣнія получившаго кунъ, но не дать нельзя, и не получившіе жалуются лучшимъ старымъ людямъ, а эти заставляютъ дать по 1—2 лошади и болѣе до девятки отъ верблюда, смотря по близости родства. Остаточная затѣмъ часть дѣлится между сыновьями убитаго, а если ихъ нѣтъ—между братьями. Но не надо забывать, что расходы на поминкахъ похоронахъ и т. п. значительны, и потому наслѣдникамъ достается не много.

Если мужъ убьетъ жену, то кунъ ищетъ и получаетъ отецъ послѣдней; дѣти убитой ничего не получаютъ. Если же жену убьетъ не мужъ, а кто либо другой (родственникъ мужа или посторонній—все равно), то кунъ дѣлится поровну между отцомъ и мужемъ убитой (дѣло Тастана Алматинской волости отцу за кость).

1) Я былъ очевидцемъ уплаты четверти куна ситцемъ, матой, сукномъ.

За просватанную дѣвушку кунъ получаетъ отецъ, а жениху предоставляется на выборъ—или взять сестру убитой, или получить обратно калымъ.

Въ некоторыхъ случаяхъ убійство ничѣмъ не наказывается. Это если отецъ убьетъ сына или сынъ отца. Въ послѣднемъ случаѣ сына однако бьютъ, считая дуракомъ. При убійствѣ брата братомъ: при жизни отца кунъ отнюдь не платится; если отца нѣтъ, то до суда все же не доходитъ, и убійца платитъ неинного дѣтямъ убитого или другимъ роднымъ, если дѣтей у убитого нѣтъ. Главное же наказаніе въ этихъ случаяхъ—обязательная и крупная помощь при поминкахъ.

Кромѣ убійства кунъ ищется и за увѣчье: выбитый глазъ, сломанную руку, ногу, раны. Высшій размѣръ куна:

За глазъ—100 лошадей.

За руку—25 или три девятки (одна отъ верблюда и двѣ отъ лошади).

За ногу—50 лошадей.

За каждый палець—по девяткѣ отъ верблюда.

За легкую рану на головѣ—лошадь и халатъ, тоже и вообще за побои.

За всѣ подобные поврежденія у женщины присуждается половинный размѣръ куна.

Въ случаяхъ увѣчья, какъ и при убійствѣ, размѣръ присуждаемаго различенъ, и причины уменьшенія тѣ же: виновность изувѣченнаго, неумышленное увѣчье и т. п.

Лишеніе глаза считается самымъ тяжкимъ увѣчьемъ; лишеннаго обоихъ глазъ считаютъ мертвымъ и присуждаютъ полный кунъ.

Все выше сказанное о размѣрѣ куна и прочее относится до настоящаго времени, въ прежнее же время какъ размѣръ куна былъ иной, такъ и полученіе куна сопровождалось обрядностями, а такъ какъ это еще не вывелось, я нынѣ, хотя изрѣдка, все же доводится наблюдать, то я считаю не лишнимъ привести здѣсь все, что удалось узнать.

Полный составъ куна за мужчину въ прежнее время:

6 „джаксы“=125 лошадей;

100 „колбы“ то есть лошадей съ волосами;

100 „джунды“ барановъ—съ шерстью;

1 „чинтимес'ат“—бѣгуонецъ по выбору истца;

8 лошадей по выбору истца (канд'атъ);

1 „кара—клем“—коверь;

1 „кара нар“—верблюдъ;

1 „кара—тон“—шуба;

1 „кара—кунг“—невольница или вмѣсто нея 25 байталъ;

Девятка отъ лошади (выкупъ за юрты);

5 красныхъ халатовъ, носимыхъ въ теченіе года дѣвушками—дочерьми убитого, а если ихъ нѣтъ—дочерьми родныхъ;

5 черныхъ халатовъ, носимыхъ женами или замужними родственниками убитого;

Девятка отъ лошади и } взаимѣнъ заплаченныхъ муллѣ за чтеніе молитвъ;
одна лошадь }
До девятки отъ лошади за копаніе могилы.
Сверхъ всего этого закалывалось 9 кобылъ на угощеніе истцовъ.
Уплачивалось: 4 верблюда и 4 лошади—бійлыкъ для восьмерыхъ судей;
2 лошади — двумъ киргизамъ: сдающему и принимающему скотъ въ уплату куна;
1 быкъ; у него отсѣкался хвостъ въ знакъ окончанія ссоры.

Многое изъ этого состава куна платится и нынѣ, какъ увидимъ въ приводимыхъ ниже примѣрахъ. Но кромѣ этого въ прежнее время присуждали еще на обмываніе крови. Каждое убійство, если тотчасъ же не принесена повинная, вело за собой, да и теперь бываетъ довольно часто, баранту. Эта баранта имѣла особую цѣль; выражаемую уже самымъ названіемъ „канжуаръ“ (мыть кровь) и „канджугды“ (обмытая кровь), то есть родственники убитого барантовали съ цѣлю обмыть кровь убитого. Сколько бы ни отбарантовали скота: десятки или сотни головъ, но при разборѣ дѣла объ убійствѣ и при опредѣленіи размѣра куна о барантѣ въ прежнее время не велось преній, и дѣло о ней предавалось „салавату“. Все отбарантованное не возвращалось обратно. Въ случаяхъ, когда баранты не было, бѣи опредѣляли и на „канжуаръ“ нѣсколько головъ скота. Нормы на это однако не было. Въ число скота, присуждаемаго на обмываніе крови, входила и плата за „казанчайлы“ и „джаргы“.

„Казанчайлы“—обмываніе котла. Обмываніе умершаго должно быть произведено чистой водой, а такъ какъ чистой посуды, въ которой бы можно согрѣть воду, нѣтъ, то обыкновенный казанъ выжигаютъ, чистятъ и моютъ, а затѣмъ уже грѣютъ въ немъ воду для обмыванія трупа. Конечно, если бы человѣка не убили, то не понадобилось бы и мыть казанъ, а убили—плати и за это. „Джаргы“: принявъ отбарантованный скотъ домой, родственники убитого рѣжутъ кобылу, коня или корову (изъ барантованныхъ), варятъ и ѣдятъ. Иногда приглашаютъ на это угощеніе и другихъ родныхъ, не ѣздившихъ на баранту. Понятно отсюда, что при отсутствіи баранты родственники лишились бы скота для „джаргы“, ну имъ и присуждаютъ. (По иску куна съ Тыкебая въ 1880 году въ канжуаръ было присуждено 15 лошадей).

Теперь опишу порядокъ и обрядность, которыхъ придерживались, при полученіи куна.

Тотчасъ послѣ убійства и принятія мѣръ къ сохраненію трупа виновный сообщаетъ родственникамъ убитого о случившемся. По пріѣздѣ выдаетъ имъ тѣло, „кара нар“ (верблюда, на которомъ повезутъ трупъ), „нараклем“ для покрытія убитого, „каратон“ и прочіе халаты. Спустя нѣкоторое время, посылаются къ родитѣ убитого подарки—девятка отъ верблюда (эта девятка на-

зывается „таргу“ — повинная) съ просьбой прїѣхать для расчетовъ и полученія куна.

Въ назначенный день прїѣзжаютъ родственники убитаго; для нихъ все уже готово: юрты, угощеніе. Подѣзжая къ выставленнымъ юртамъ, они бросаются съ крикомъ „баврымъ“ и удаляются по юртамъ саблями и другимъ оружіемъ. Убийца и его родня просятъ не ломать юртъ и платятъ девятку отъ лошади.

Начинается разборъ дѣла, опредѣляется размѣръ и составъ куна. Постороннему человѣку, слушающему рѣшеніе, даютъ лошадей („джер-тыншартъ“). Затѣмъ слѣдуетъ угощеніе, а послѣ него расчетъ. Джигвтамъ, сдающему и принимающему скотъ, даютъ по лошади. По окончаніи расчетовъ, изъ табуна убійцы приводится быкъ, и хорошій почетный киргизъ отсѣкаетъ у него половину хвоста въ знакъ окончанія расчетовъ и ссоры. Быкъ послѣ операціи конечно убѣгаетъ, за нимъ гонятся, и кто первый захватитъ, тому онъ достается.

И въ настоящее еще время, особенно въ болѣе отдаленныхъ отъ администраціи волостяхъ, доводится наблюдать этотъ порядокъ полученія куна, но уже не часто. Нынѣ большей частію кунъ выплачивается деньгами, а хотя и скотомъ, то безъ особыхъ обрядностей. Право, жаль старины; она имѣла конечно смыслъ и ея обряды не замѣнить деньгами. Обряды эти имѣли дѣлю и сближеніе, послѣ нихъ враждъ уже не было мѣста. Это пожалуй важнѣе всего, такъ какъ убійство могло (да и теперь еще бываетъ не рѣдко) вести за собой сильную баранту, при которой страсти такъ разгораются, что примиреніе, примиреніе полное особенно желательно. Но всегда ли примиреніе достигается деньгами? Я думаю—нѣтъ. Самолюбіе родовичей убитаго удовлетворялось вѣдь не только уплатой, но и почетомъ, съ которымъ принимали ихъ виновные. Послѣдніе просили даже прощенія. И это имѣетъ большое значеніе въ глазахъ кочевника.

Прежде даже отличалось убійство случайное, не намѣренное отъ убійства обдуманнаго, вызваннаго мстью. За первое кунъ, за послѣднее же могли требовать крови. По рассказамъ стариковъ, когда виновный въ обдуманномъ убійствѣ присылалъ подарки (девятка отъ невольницы или болѣе), то родня иногда, не смотря на унарашиванія, отказывалась отъ подарковъ куна и требовала крови. Исполненіе этого требованія заключалось въ слѣдующемъ: въ извѣстный день родня убитаго въ произвольномъ числѣ членовъ дѣлала нападеніе на убійцу. Послѣднему разрешалось взять изъ своего рода лучшаго бѣгунца и спастись бѣгствомъ. Погоня продолжалась только одинъ день, и если убійца удавалось ускользнуть, то на завтра все кончается, онъ ничѣмъ уже не обязанъ, вина считается искупленной; въ противномъ случаѣ—при поимкѣ виновнаго—его убивали и тѣмъ кончали всѣ расчеты.

Лучшимъ разъясненіемъ вопроса о кунѣ служатъ примѣры рѣшеній, къ изложенію которыхъ я перехожу.

1) Въ Ворохудаирской волости, Копальскаго уѣзда, среди рода Конурбургъ, живутъ 35 юртъ рода Айтъ. Изъ нихъ 30 юртъ отдѣленія Багай и 5 юртъ отдѣленія Сады. Всѣ эти 35 юртъ простые киргизы. Старшія же лица, самые вліятельные и почетные киргизы этихъ двухъ отдѣленій въ Айтбозумовской волости Южнаго участка Кульдѣжинскаго района. Лица эти: бій Илигедай отдѣленія Сады и старшина Байбота-отдѣленія Багай.

Весною 1880 года старшаго изъ Сады, кочующихъ въ Ворохудаирской волости, киргиза Чишканбая убили киргизы Ворохудаирской же волости отдѣленія Багай—Адбанбай съ товарищами. Желая скрыть преступленіе, убійцы зарыли трупъ въ землю, но въ торопяхъ зарыли-то не глубоко, и чрезъ нѣкоторое время до него добрались собаки и порядкомъ попортили трупъ. Собаки указали дорогу и людямъ. Тѣло нашли; скоро открыли и виновныхъ, которые сознались и, пославъ въ Южный участокъ сообщить о случившемся Илигедаю и Байботѣ, просили ихъ, какъ старшихъ своихъ родовичей, пріѣхать для улаженія дѣла и полученія куна. Илигедай съ своимъ братомъ Джетенемъ, Байбота, управитель Айтбозумовской волости Адильбекъ (рода Айтъ) съ 54 киргизами (отдѣленія Сады, Багай, Кыстыкъ, Альджанъ) отправились въ Ворохудаирскую волость къ Багаямъ. Для пріѣзжихъ заранее было выставлено 10 юртъ, и едва они подѣхали какъ Багаи дали прибывшимъ Сады лошадь и халатъ, прося не разбивать юртъ. Въ этотъ же день виновные дали за угощеніе прибывшихъ 5 фунтовъ чая и 5 барановъ. Для опредѣленія размѣра куна созвали хорошихъ киргизъ изъ всѣхъ отдѣленій Ворохудаирской волости, которые и присудили заплатить: въ кунъ 2050 рублей и 9 лошадей; за невыдачу трупа и небрежное зарытіе, благодаря чему собаки осквернили тѣло, 9 верблюдовъ и 9 лошадей. Кромѣ того присудили, чтобы Багаи дали: а) по лошади четыремъ джигитамъ, пріѣхавшимъ съ Илигедаемъ, б) семи киргизамъ, обмывавшимъ трупъ, по лошади, в) за копаніе могилы 2 лошади и г) за чтеніе молитвъ 2 лошади.

Кунъ раздѣлили такъ:

Сыновья убитаго Чишканбая получили 800 рублей, 9 верблюдовъ и 18 лошадей. Почетныя лица рода Конурбургъ, Ворохудаирской волости, получили 100 рублей. Четыре юрты отдѣленія Сады Ворохудаирской волости получили 150 рублей. Отдѣленіе Багай Айтбозумовской волости получило 100 рублей. Между пріѣхавшими съ Илигедаемъ раздѣлили 900 рублей.

2) Въ началѣ 1879 года киргизъ Вѣрненскаго уѣзда Чунжинской волости—Чингыспай Байгозинъ съ тремя товарищами поѣхалъ въ Ворохудаирскую волость Копальскаго уѣзда. О цѣли поѣздки говорятъ равно: Ворохудаирцы говорятъ что Чингыспай пріѣхалъ воровать скотъ, Чунжинцы—поѣхалъ на розыскъ украденныхъ верблюдовъ.

Призналъ-ли Чингыспай своего верблюда у киргиза Ворохудаирской

волости Уркумбая, брата управителя Ворохударской волости Алимжана, или хотѣлъ его украсть—неизвѣстно, но достоверно, что у него завязалась драка съ Уркумбаемъ и во время драки Чингыснай, по словамъ Чунжинцевъ, былъ сильно равенъ ударомъ палки, по словамъ же Ворохударцевъ—умеръ отъ паденія съ лошади на ледь.

Отъ чего бы ни умеръ Чингыснай, во его товарищей схватили и связали; трупъ же помѣстили на дерево, закрыли кошмами и приставили караулъ, чтобы никто не повредилъ его. Въ это самое время отецъ Уркумбая и Алимжана, Капсаламъ, гостилъ у киргиза Чунжинской волости Тугульбая. Боясь, чтобы Чунживцы не задержали Капсалама, Алимжанъ послалъ своего джигита сказать отцу, что его требуетъ уѣздный начальникъ. По возвращеніи Капсалама, Алимжанъ послалъ къ управителю Чунжинской волости Джаманке извѣстіе о случившемся, отославъ ему же и трехъ товарищей умершаго. Прибыли родственники Чингыснай, получили трупъ и, положивъ его на верблюда и закрывши ковромъ, уѣхали, отказавшись взять „кара-тонъ“, говоря: „не знаемъ, что еще скажетъ общество“. (Верблюдъ и коверъ—кара наръ и караклемъ—были даны Уркумбаемъ). Братья похоронили трупъ, справили поминки съ байгой, стоявшей, говорятъ, 2000 рублей на однихъ только призы, да 30 кобылъ на угощеніе.

Чтобы объяснить дальѣйшія событія, необходимо предположить (впрочемъ, Чунжинцы увѣряютъ, что это было именно такъ), что Ворохударцы,—согласившіеся сначала платить кунъ и пославшіе съ этой цѣлью подарки: ямбу и 500 рублей для того, чтобы остановить баранту, имѣвшую цѣлью обмыть кровь убитого,—раздумали платитъ кунъ, увѣряя, что Чингыснай умеръ, упавъ съ лошади во время драки, возникшей съ нимъ, какъ съ воромъ. Чунживцы усилили баранту, Ворохударцы, конечно, не отставали, и взаимная баранта длилась въ теченіе полутора года. Нало, однако, думать, что Ворохударцы потерпѣли уже въ началѣ большіе убытки, потому что прибѣгли къ помощи Ворохударскаго воинскаго начальника, даваго имъ казаковъ Семирѣченскаго войска, и просили Чунжинцевъ прикончить баранту, обязуясь уплатить кунъ. Но ничего не помогало, а на просьбу былъ полученъ гордый отвѣтъ: „Кунъ намъ не слѣдуетъ, вы вѣдь сами говорили, что Чингыснай убитъ на воровствѣ“.

Баранта продолжалась, несмотря на вмѣшательство администраціи. Наконецъ, понукаемая администраціей, стороны рѣшили разсчитаться на чрезвычайномъ съѣздѣ въ выселкѣ Попутромъ (20 августа 1880 года). Переговоры сначала вели бии, открылъ ихъ Утебай (бій Чунжинской волости), требуя въ кунъ 20000 рублей. Ворохударцы отказались, говоря: „не слыхали о такомъ кунѣ“. Утебай сказалъ „Мало? прибавляемъ еще одну ямбу“. Капсаламъ спросилъ: „какъ быть съ двумястами головъ лошадей, у него украденныхъ?“ и получивъ отвѣтъ: „въ Канджауръ ихъ“, сказалъ: „не давай, такъ какъ хотя это и нашъ обычай, но ни разу не слыхалъ повторенія его при русскихъ“. Вообще переговоры велись вяло; всякій чувствовалъ, что не біямъ окончить это дѣло. Бии са-

ми считавали свое беззаконіе; вѣдь въ этомъ дѣлѣ затронуты были интересы до 1000 семей, и бій, не имѣя особаго значенія, не могли взять на себя и права постановить какое-либо общее рѣшеніе, могущее удовлетворить всѣхъ. Ну по неволѣ и разошлись.

Но дѣло все же надо было окончить, ибо имѣлось серьезное настояніе власти. Тогда Джамакко и Акимжанъ, посовѣтовавшись, пригласили самыхъ вліятельныхъ киргизъ обѣихъ сторонъ и, обсудивъ дѣло сообща, постановили: „Киргизы обѣихъ волостей клятвенно покажутъ, кто сколько угналъ скота. Если добыча Чунжипцевъ превзойдетъ добычу Ворохундирцевъ на 400 и болѣе головъ скота, то кунъ не взыскивается и дѣла предаются саловату. Если жъ разница менѣе 400, то доплатятъ до 400.

Ну какъ бы посмѣли бій постановить такое рѣшеніе? да если бы и постановили, то можно ли было ручаться, что обѣ волости выполнятъ ихъ рѣшеніе? А между тѣмъ это постановленіе именно такого свойства, что необходимо безусловное подчиненіе ему, иначе пострадаютъ интересы многихъ,

3) Торгоуты, китайскіе подданные, угнали у нашихъ киргизъ до 500 головъ лошадей. Это было въ 1880 году.

Воспользоваться добычей имъ, однако, не пришлось, ибо киргизы догнали воровъ и возвратили всѣхъ лошадей кромѣ 15, съ которыми торгоуты успѣли скрыться.

Въ отместку и киргизы угнали, спустя нѣкоторое время, у торгоутовъ до 600 лошадей: Но и они не воспользовались добычей. Дѣло было такъ: когда киргизы сочли себя безопасными отъ преслѣдованій, то остановились отдохнуть; лошадей своихъ распустили и занялись приготовленіемъ пищи. Въ это время на нихъ налетѣли торгоуты, и киргизы, растерявшись отъ неожиданности, успѣли захватить только часть лошадей — головъ 100 — и убѣжать. Во время суматохи всякій хваталъ какую попадало лошадь, лишь-бы поскорѣе скрыться. Одному киргизу Сегизсаровской волости — Труспеку не посчастливилось однако. Онъ схватилъ было кобылу, но ее отнял его товарищъ той-же волости Байсеитъ Каумовъ, говоря: „это моя, она жирна, и я по приѣздѣ домой рѣшилъ ее заблочь“. Труспеку схватилъ другого коня, но и этого отнял Байсеитъ. Между тѣмъ торгоуты были уже тутъ, и киргизы съ частью добычи скрылись. На мѣстѣ отдыха остался только несчастный Труспеку. Онъ побѣжалъ было пѣшкомъ въ горы, но пуля остановила его; онъ упалъ. Черезъ нѣсколько мгновеній Труспеку поднялся и побѣжалъ было опять, но вторая пуля убила его наповалъ. Все это видѣли товарищи несчастнаго. Торгоуты, захвативъ оставленныхъ лошадей, скрылись. Они взяли, вѣроятно, и трупъ убитаго, потому что киргизы, вернувшись, не нашли его. По приѣздѣ домой никто изъ киргизъ, бывшихъ на баравѣ, не зашелъ въ юрту убитаго Труспека и не екавалъ, что сталось съ нимъ. Однако, истина сдѣлалась скоро извѣстной, и родственникъ убитаго — Бандо-Албановъ предъявилъ къ Байсеиту искъ — „кунъ“. Стороны выбрали судьями: Ванбо — бій Ходжака, почетнаго киргиза Касабудата и киргиза Татымбека, а

Вайсентъ—бѣвъ Джансентъ, Дадая и управители Конурбургской волости Кеспера. Изъ всѣхъ шести судей только Касабулатъ и Джансентъ Сегиасаровской волости, всѣ остальные Конурбургской и Айтбузововской волостей.

Допросивъ истца и отвѣтника (хотя послѣдній и не сознался въ отнятіи лошадей у Труссека, но не только судьи, а и всѣ киргизы знали, какъ было дѣло), судьи удалили ихъ и начали совѣщаніе. Мнѣнія раздѣлились: Ходжаке настаивалъ на присужденіи половины куна, другіе—трехъ девяткокъ зипа, говоря: „Вайсентъ виновенъ не въ убійствѣ, а лишь въ томъ, что 1) не помогъ товарищу въ бѣдѣ, 2) не привезъ домой трупа и 3) не явился къ семьѣ убитаго и не рассказалъ дѣла“. И наконецъ третьи доказывали, „что если убійства не было, то о кунѣ и аипѣ не можетъ быть и рѣчи; слѣдуетъ же выискать лишь все то, что Вайсентъ привелъ съ баранты (5 лошадей), ибо онъ все-же виновенъ въ неказаніи помощи и въ оставленіи трупа“.

Долго судьи спорили, во тѣмъ не менѣе все пришли ни къ какому соглашенію и рѣшили поручить Касабулату и Джансенту окончить это дѣло, такъ какъ оно затрогиваетъ интересы только ихъ рода. Всю ночь эти двое совѣщались и наконецъ постановили: „выискать отъ Вайсента одну девятку отъ верблюда, 5 лошадей и ружье за то, что онъ не употребилъ всѣхъ средствъ выручить трупъ и привести его домой“. Такое легкое наказаніе было назначено лишь во вниманіе родства виновнаго съ убитымъ. Къ постановленію этому всѣ прочіе судьи приложили печати. Стороны остались вполне довольны приговоромъ.

4) Осенью 1876 года киргизъ Тойжанъ Сегиасаровской волости пріѣхалъ къ управителю Конурбургской волости Кесперу, какъ должностному лицу, кочевавшему поблизости, и объяснилъ, что его сына Исамилла убилъ киргизъ Сегиасаровской волости Бургутень. Кесперъ поѣхалъ. Въ юртѣ Бургутеня онъ засталъ много народу и тутъ же лежалъ убитый Исамилъ. На вопросъ Кеспера: „правда ли, что Исамилла убилъ Бургутень?“ всѣ отвѣтили: „правда“ и рассказали: „Бургутень, придя въ юрту, засталъ Исамилла съ своей женой и, подозрѣвая связь, убилъ его“. Бургутеня связали и передали аульвому его старшинѣ Аймамбету. Послали и на управителемъ Сегиасаровской волости.

Послѣ Исамилла остались жена и малевкія дѣти. Искъ куна могъ предъявить лишь отецъ убитаго, но онъ отказался искать, говоря: „Бургутеня мы всѣ считаемъ не въ полномъ умѣ, дурачкомъ, поэтому и дѣло я предоставляю Богу“. Жена Бургутеня воспользовалась этимъ и заявила русской власти, что она боится жить съ сумасшедшимъ, который можетъ и ее убить, и просила развода. Ей разрѣшили, но чтобы родъ не потерялъ женщину, то бѣнъ Сегиасаровъ постановили: „въ теченіе 3 мѣсяцевъ она должна выйти за кого-либо изъ Сегиасаровъ“. Она выбрала Вукуша Вектурова—дальняго родственника Бургутеня и Исамилла—и вышла за него. Калыма Векушъ не заплатилъ Бургутеню, потому что здѣсь вѣдалась русская власть, нарушившая своимъ приказаніемъ обычай.

Прошло 5 лѣтъ. Тойжанъ умеръ. Родные убитаго пожелали искать

кунъ, и братъ убитаго Джанузакъ явился истцомъ. Стороны выбрали биевъ, которые, принимая во вниманіе родство сторонъ, опредѣлили взыскать съ него: 100 лошадей (25 пятилѣтнихъ, 25 четырехлѣтнихъ, 25 трехлѣтнихъ и 25 двухлѣтнихъ). Вѣдлыкъ 100 рублей. Съ своей стороны, и отецъ Бургутеня—Верду—искалъ съ Букуша калымъ за невѣсту. Ему бѣи опредѣлили получить съ Букуша 30 лошадей (8 пятилѣтнихъ, 7 четырехлѣтнихъ, 7 трехлѣтнихъ и 8 двухлѣтнихъ). Уплата куна за Измаила: Верду заплатилъ 51 лошадь; его племянники Кашке, Алыбай Туинны и Бабады Байгызовъ дали по 7 лошадей; двоюродный племянникъ Бектай далъ 4 лошадей; остальные родственники дали 24 лошади.

б) Для устройства въ 1880 году летучаго сообщенія Кульджи съ Музартымъ, между прочимъ, и Конурбургская волость должна была выставить 2 джигитовъ, каждый о двухъ-конь. Джигиты обязаны были имѣть только по одной собственной лошади, а запасныхъ давало общество.

Предъ отправленіемъ джигита, когда понадобилась запасная лошадь, старшина Тыкебая позвалъ къ себѣ киргиза Койбаса и, отобравъ у него лошадь, отдалъ джигиту, тотчасъ же ухавшему. Койбасъ остался недоволенъ такимъ дѣйствіемъ старшины и выбѣжалъ изъ юрты, говоря: „догони джигита и отберу лошадь, ибо очередь не моя“. За нимъ вышелъ изъ юрты братъ Тыкебая—Алдыбай съ цѣлью удержать Койбаса. Сидѣвшіе въ юртѣ Тыкебая пять человекъ киргизъ не обратили вниманія на такое обыкновенное дѣло и продолжали разговоръ. Вскорѣ послышался крикъ, и сидѣвшіе въ юртѣ, выскочивъ, увидѣли Койбаса лежащимъ безъ памяти у ногъ Алдыбая. Бережно перенесли Койбаса въ юрту Тыкебая и тотчасъ же послали извѣстие роднѣ умирающаго. Пріѣхавъ братъ его Тойгельтыръ, началъ было спрашивать Койбаса, что съ нимъ, но отвѣта не получилъ, ибо послѣдній не приходилъ въ себя.

Распорядились отправить Койбаса домой, гдѣ онъ и умеръ на другой день. При обмываніи тѣла замѣтили большіе синяки вокругъ шеи и на обѣихъ сторонахъ верхней части живота, изъ рта трупа текла матерія, голова не держалась. На основаніи этихъ данныхъ заключили „Алдыбай душилъ Койбаса, топталъ ногами и свернулъ голову“.

Прежде чѣмъ предать тѣло землѣ, управитель Конурбургской волости послалъ старшину Токторбая спросить Тыкебая, сознается-ли онъ, что его братъ задушилъ Койбаса? Хотя Тыкебай и ни слова не сказалъ о виновности Алдыбая, все-же далъ для передачи роднѣ умершаго: карнаръ, караклемъ и каратонъ. По полученіи вещей Койбаса похоронили и тутъ же наняли дѣлать памятникъ, средства на который попросили у Тыкебая (онъ далъ 100 рублей и на прокормъ рабочихъ 18 барановъ и кашъ проса).

Переговоровъ о размѣрѣ куна еще не вели, ожидая бѣи Испера, старшаго въ родѣ Майли (Тыкебай и Койбасъ—оба Майли). Пріѣхавъ Исперъ, собралось до 200 человекъ родовичей. Стороны выбрали судей, которые, по допросѣ свидѣтелей, признали убійство доказаннымъ и опредѣлили, чтобы Алдыбай уплатилъ:

- | | | |
|---|---|-------------------------------|
| а) 200 байтагъ или 2000 рублей, | } | или за все это
360 рублей. |
| б) 2 джаксы, | | |
| в) 15 лошадей въ Конжуаръ, | | |
| г) на поминки лошади, корову и 8 барановъ, | | |
| д) вмѣсто паракунгъ 156 рублей, | | |
| е) муллъ за чтеніе молитвъ 4 лошади, | | |
| ж) двумя джигитами 2 лошади, | | |
| з) лошадь и верблюда, которыхъ Тыкебай лично долженъ подарить сыну Койбаса по приѣздѣ въ юрту послѣдняго. | | |

Уплата этого куна: два двоюродныхъ племянника дали 275 рублей; шесть троюродныхъ племянниковъ дали 248 рублей; 511 рублей заплатили киргизы отдѣленія Джаксылыкъ (Тыкебай этого отдѣленія; Джаксылыкъ—сынъ Майли); остальное заплатили почти поровну Тыкебай, Алдыбай и Алишъ Тартановы—родные братья.

6) Киргизъ Кигизбай Тойчубековъ принесъ свое сѣдло для починки къ мастеру киргизу Умбетай Ибееву. Послѣдній тотчасъ-же взялся за дѣло и просилъ Кигизбая помочь ему, именно просилъ держать сѣдло. При работѣ Умбетай нечаянно ударилъ Кигизбая по пальцу и отрубилъ часть перваго сустава съ ногтемъ и кожу съ мясомъ вдоль всего пальца. Хотя сѣдло Умбетай и починилъ, не взявъ платы за работу, но Кигизбай заявилъ бѣгъ искъ, и они постановили, чтобы Умбетай уплатилъ Кигизбаю 1 рубль 50 копѣекъ.

7) Киргизъ Сегизсаровской волости Турапъ вырвалъ клокъ волосъ изъ бороды киргиза Конаурбургской волости Кургаспая. Свидѣтелей не было, почему бѣи опредѣлили: дать присягу одному изъ общества Турапа (по выбору истца.) Не примется присяга—Турапъ заплатитъ Кургаспаю 5 р.

8) Киргиза Конаурбургской волости Тонды, ѣхавшаго въ гости, поймали каракиргизы Иссыкъ—Кульскаго убада. Отнявъ лошадь, воры бросили связаннаго Тонды въ степи. Дѣло было зимой, и Тонды отморозилъ 4 пальца на лѣвой рукѣ. По разборѣ дѣла обычный судъ присудилъ въ пользу Тонды 20 лошадей.

9) Киргизъ Конаурбургской волости Музудубай въ дракѣ съ киргизами лишился глаза. Ему присудили только 50 лошадей, потому что „самъ былъ виноватъ, вѣшавшійся въ драку“.

10) Осенью 1876 года на урочищѣ Тогуръ-тагау, около юрты киргиза Конаурбургской волости Чокомана стояла юрта калмыка рода Дурбунъ-сумунъ Чериня. Послѣдній пасъ коровъ и каждый вечеръ пригонялъ ихъ къ юртѣ. Одна изъ коровъ, приученная кормиться въ юртѣ, однажды вечеромъ, когда большихъ никого не было, зашла въ юрту Чокомана и опрокинула казанъ съ пищей на маленькаго сына Чокомана. Ребенокъ страшно обварился и умеръ. Народный судъ (4 бѣи и 4 заягя) постановили: дать присягу 4 калмыкамъ по выбору Чокомана и если присягу не примутъ, то Черинъ уплатитъ Чокоману 50 лошадей. Мотивы рѣшенія: „За убійство слѣдовало присудить полный кунъ, но Черинъ не самъ убилъ и виноватъ лишь въ небрежности, потому слѣдовало бы присудить половину куна (100 головъ), но мы присуждаемъ 50, оставляя остальные 50 головъ на отвѣтственности Чокомана, такъ какъ и онъ виноватъ, допу-

ская корову кормиться въ юртѣ". Зянгѣ Калмыковъ не соглашались начинать съ такимъ взглядомъ, говоря, что если Черинъ виновенъ въ небрежности, то о кунѣ не должно быть и рѣчи и онѣдутъ присудить „ампъ“ (въ 1—2 лошади), но послѣ согласились со взглядомъ киргизскихъ биевъ.

До принятія присяги, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что трое примутъ присягу, а относительно четвертаго было еще ненавѣстно—Ченомакъ и Черинъ примирились на двухъ лошадяхъ.

11) Въ 1876 году на Саркандскомъ чрезвычайномъ съѣздѣ киргизъ Сергіопольскаго уѣзда Узенбай искалъ кунъ за мужчину и женщину съ киргиза Копальскаго уѣзда Бекчонна. Свидѣтелей не было, и бии предложили истцу выбрать на присягу 6 человекъ (4 за мужчину и 2 за женщину). Пятеро присяжныхъ присягу приняли, а шестой не принялъ. Поэтому и на основаніи опредѣленія куна за мужчину 2000 рублей и за женщину 500 рублей, бии и опредѣлили взыскать съ Бекчонна Чингожина въ пользу Узенбая 416 рублей, то есть часть, приходящуюся на не-принявшаго присягу.

12) Киргизъ Копальскаго уѣзда Вонау искалъ кунъ съ киргиза Сексембая за убитаго имъ киргиза Бекчонна Ибраимова. Убіенство было доказано 4 свидѣтелями, и бии постановили: Сексембай уплатить 200 лошадей.

Но Сексембай на Саркандскомъ чрезвычайномъ съѣздѣ искалъ съ киргиза Балхашъ—Лепсинской волости Баубека Мурзина кунъ, утверждая, что киргиза Бекчонна Ибраимова убилъ не онъ, Сексембай, а Баубекъ, и просилъ взыскать кунъ и убытки. Сексембай представилъ суду 4 свидѣтелей, и бии опредѣлили взыскать съ Баубека 100 лошадей и 3258 барановъ, если слова свидѣтелей будутъ подтверждены присягой людей по выбору отвѣтника. Присяга была принята и Сексембай получилъ все присужденное.

Кромѣ куна родственники несутъ имущественную отвѣтственность и по расчетамъ за воровство одного изъ своихъ. Однако, обязательность платить за вора родственника является только въ случаѣ несостоятельности виновнаго. Само собою разумѣется, что сначала платитъ родня, потомъ и прочіе. Другихъ случаевъ имущественной отвѣтственности нѣтъ, и за исключеніемъ расчетовъ по куну и воровству родственники не обязаны платить за грѣхи одного изъ своихъ.

в) Пріемыши.

Киргизы отдаютъ своихъ дѣтей только въ знатъ особой дружбы, уваженія къ близкому и большей частью бездѣтному родственнику. Воспитаніе и прочія заботы всецѣло лежатъ на обязанности воспитателя; родители не вмешиваются, такъ какъ вмешательство можетъ быть сочтено за недоувѣріе. Калымъ за воспитаннику получаетъ пріемный ея отецъ, родителямъ же дѣвушки передается только часть подарковъ, подносимыхъ женихомъ, а именно „илуу“ и часть (до половины) „сют’аки“. Если роди-

телей нѣтъ въ живыхъ, то все остается у воспитателя. Равнымъ образомъ сѣтакы не передается родителямъ, если воспитатель далъ имъ подарки при полученіи дѣвушки.

Права приемыша въ новой семьѣ—права сына. А такъ какъ приемышей почти исключительно отдають лишь бездѣтнымъ родственникамъ, то они и наследуютъ все имущество воспитателя. Если же сынъ отданъ былъ не бездѣтному родственнику, то права его на имущество воспитателя значительно ограничены. Въ этомъ случаѣ по смерти воспитателя возможны слѣдующія два положенія: а) жевать приемышъ, отдѣленъ онъ при жизни приемнаго отца, и тогда наследство получаютъ лишь родныя дѣти, и б) если воспитатель умеръ, не успѣвъ женить и выдѣлить приемыша, то эту обязанность выполняютъ родныя дѣти умершаго. Они платятъ за названнаго брата калымъ, женятъ и даютъ ему немного скота, не болѣе четвертой части изъ доли меньшаго сына умершаго. По смерти единственнаго названнаго брата (бездѣтнаго) все достается приемышу. Если же братьевъ нѣсколько, то приемышъ ничего не получаетъ. Вдовы названныхъ братьевъ достаются приемышу только тогда, когда число ихъ болѣе числа братьевъ.

Почти такія же права имѣетъ приемышъ и на имущество своего родного отца; онъ наследуетъ все, если не осталось другихъ его братьевъ и ихъ дѣтей. Въ противномъ же случаѣ ему даютъ не болѣе четвертой части изъ доли его меньшаго неотдѣленнаго брата. По смерти единственнаго родного брата, не оставившаго мужского потомства, все получаетъ приемышъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ ему ничего не достается. На вдовъ родныхъ братьевъ онъ имѣетъ права, какъ самый послѣдній изъ братьевъ. Сыновья приемыша, понятно, сохраняютъ всѣ права отца.

Теперь посмотримъ, какія права имѣютъ на приемыша воспитатель, отецъ и ихъ потомство. Для яснаго пониманія необходимо помнить, что приемышу все дано воспитателемъ; поэтому по смерти его все идетъ къ воспитателю и его роднымъ дѣтямъ. Порядокъ раздѣла одинаковъ съ раздѣлами между родными братьями. Семья родного отца получаетъ наследство только въ случаѣ, если послѣ воспитателя не осталось потомства. Кунъ за бездѣтнаго приемыша получаетъ воспитатель, давая отцу не болѣе $\frac{1}{3}$.

Если киргизъ возьметъ на воспитаніе внука (сына дочери—джіень), то не даетъ ему выдѣла, и внукъ, женившись на средствахъ дѣда, уходитъ къ своему отцу, отъ котораго и получаетъ юрту и выдѣлъ. На наследство дѣда внукъ уже не имѣетъ никакихъ особыхъ въ качествѣ приемыша правъ.

IV. Союзъ родовъ.

Родъ въ былое время былъ политической единицей, значеніе которой опредѣлялось численностью членовъ.. Постоянныя усобицы между родами вели къ притѣсненію слабыхъ. Отсюда понятно, что тяготѣніе членовъ другъ къ другу, сплоченность рода вызывается необходимостью защиты своихъ правъ отъ притязаній сосѣдей. Съ нашей властью эта защита оказалась ненужной, и родъ распался. Я говорю о распаденіи общихъ родовъ (Найманы, Джалаиры, Дулаты, Албаны), союзъ же членовъ мелкихъ родовыхъ группъ, понятно, остался какъ въ силу общности интересовъ, такъ отчасти и въ силу родства. Наши волости, за небольшими исключеніями, не болѣе какъ родовыя отдѣленія, и это обстоятельство вполне разъясняетъ многія явленія, необъяснимыя при незнаніи его. Напримѣръ, какъ объяснить почему не привился судъ одного бія, аульнаго бія отвѣтника? А объясненіе просто, никто не можетъ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ. Аульный бій отвѣтника уже въ силу только родовой солидарности, не говоря о другихъ причинахъ, не можетъ вообще отнестись справедливо къ интересамъ истца, члена другой волости, иной родовой группы. Почему нарушеніе правъ члена одной волости (увозъ у него дочери и т. п.) киргизомъ иной волости ведетъ къ общей барантѣ между волостями? Почему волость, спокойная сегодня, завтра, вслѣдствіе иногда одной личной ссоры двухъ—трехъ киргизъ разныхъ подотдѣленій, раздѣляется на партіи по подотдѣленіямъ? Это объясняется все той же родовой связью: свой своему по чести брать, какъ же не защитить и не вступить? вѣдь и самому иной разъ понадобится защита. Впрочемъ, родовую солидарность между членами даже общихъ родовъ (Дулаты, Джалаиры) можно еще наблюдать и нынѣ. Напримѣръ, на чрезвычайныхъ сѣздахъ между разными уѣздами—значитъ между разными родами—киргизы cadaго уѣзда предварительно обсуждаютъ мѣры, дабы противникъ не одолѣлъ.

Выше я сказалъ, что волость—родовое отдѣленіе. Въ свою очередь отдѣленіе дѣлится на меньшія родовыя группы, и каждая изъ нихъ все равно умѣетъ вѣрно стоять за свои права и дорожить ими. При выборахъ, напримѣръ, доводится наблюдать такой фактъ: волостной управитель хорошъ, его слѣдовало бы оставить въ должности; но если въ волости есть значительная численностью родовая группа, обиженная прошлыми выборами, то какъ бы ни хорошъ былъ управитель, а выберутъ новаго изъ рода, обойденнаго на прежнихъ выборахъ, съ цѣлью удовлетворить родовое самолюбіе членовъ его. Неудовлетвореніе же самолюбія или игнорированіе, при перевѣсѣ численности противниковъ, всегда ве-

детъ къ разстройству волости. Начинаются ссоры, кляузы, выдумываются разныя небывлицы и все съ одной цѣлью отмстить за униженіе своего рода. Хотя родъ (отдѣленіе, родовая группа—все равно, далѣе я буду употреблять одно слово—родъ) и не можетъ заставить каждаго изъ своихъ членовъ сдѣлать это или то или обязать присоединиться къ общему рѣшенію, но членъ въ силу необходимости долженъ стоять за своихъ, иначе потеряетъ симпатіи и они такъ или иначе отомстятъ ему. Въ ежедневной же, будничной, такъ сказать, жизни всякій членъ занятъ собственнымъ дѣломъ и ничѣмъ не обязанъ по отношенію къ другимъ. Права членовъ родового союза на имущественную помощь при уплатѣ куна и обратно—права рода на часть куна, полученнаго членомъ, криведены выше.

Наслѣдство послѣ члена, не оставившаго наслѣдниковъ родственниковъ, достается роду. Но ему трудно получить это наслѣдство, если умершій жилъ въ другой волости. Мнѣ удалось узнать лишь одинъ подходящій примѣръ, да и то не подробно (рѣдкость такихъ случаевъ понятна, у киргизъ родство большое). Въ Нижне-Аксуѣйской волости въ 1868 году умеръ киргизъ рода Каптагай отдѣленія Чаппа, оставивъ бездѣтную вдову и скоть. Наслѣдниковъ не было, и представитель рода Каптагай, Арасанскій волостной управитель Толкунъ, предъявилъ права на вдову и скоть для раздѣла между членами „Чаппа“ (это отдѣленіе въ Арасанской волости). Говорятъ, бѣи и киргизы сильно спорили и ссорились, и Чаппа выиграла дѣло только благодаря особому вліянію, коимъ пользуются многіе Каптагаевцы. Вдову отдѣленіе выдало за киргиза Саурука, а скоть раздѣлили между старшими членами отдѣленія.

На барантѣ, байгѣ и т.п. родовичи ссылаются на помощь особымъ крикомъ—ураномъ. Уранъ рода—имя его общаго родственника: Албанъ и т. п. Уранъ волости—имя наиболѣе почтеннаго предка, напримѣръ въ Айтбозумовской волости уранъ—Раимбекъ, въ Конурбургской—Утей и т. п. При дракѣ между членами волости уранъ—родовое имя дерущихся. Впрочемъ, часто бываетъ, что отдѣленіе беретъ ураномъ не имя своего родоначальника, а имя какого-либо батыря или уважаемаго предка. Нпр. у киргизъ рода Айтъ уранъ Калыбекъ, у рода Возумъ уранъ Алмерекъ и т. п. Иногда и стыдъ мѣшаетъ взять имя родоначальника ураномъ. Напр. въ родовомъ отдѣленіи Кыстыкъ это имя никогда не служило ураномъ. Уранъ были: Ескине, Танатъ и другіе, а теперь Малай. Это обстоятельство въ связи съ легендой о происхожденіи Кыстыковыхъ. Легенда такова: у одного киргиза рода Айтъ постоянно останавливались на ночлегъ проѣзжіе сарты и татары. Одинъ изъ нихъ сошелся съ дочерью хозяина, которая и родила мальчика, названнаго Кыстыкъ. Чтобы скрыть вину дочери отъ отца, ребенокъ былъ брошенъ въ степи. Кто-то нашелъ его

и воспиталъ. Отъ этого ребенка и явились Кыстыки. Справедливая легенда или нѣтъ—все равно, но Кыстыки вѣрятъ ей и сердятся, когда смѣются надъ ихъ происхожденіемъ. Стѣясь происхожденія, они и не употребляютъ имя Кыстыкъ ураномъ.

При смѣшанныхъ бракахъ, барантахъ крѣчатъ имя или уранъ предводителя. Напримѣръ, при барантахъ и дракахъ подъ предводительствомъ Тевена уранъ всегда Аблай (это уранъ Тезека.)

Опредѣленіе правъ на зимовки и лѣтновки.

Право пастбы скота на извѣстномъ пространствѣ опредѣляется принадлежностью къ родовой группѣ, которою это пространство издавна занято. Пользованіе лѣтними пастбищами свободно для всѣхъ (общія „джайляу“, т. е. пастбища Джалаировъ, Албавовъ по рѣкѣ Текесу, Дулатовъ въ городахъ Альтау). Зимнія пастбища раздѣлены по волостямъ и только въ случаѣ ссоры по ауламъ. Зимнія пастбища принадлежатъ лицу и переходятъ по наслѣдству, какъ и прочее имущество киргиза: зимовка отца достается младшему сыну. Право на пахотную землю пріобрѣтается трудомъ, приложившимъ для орошенія, расчистки и тому подобное; почему участкомъ пашни пользуются на правахъ собственности, и не пашущіе могутъ отдавать свои участки въ аренду за вознагражденіе. Даже члены другихъ волостей не могутъ быть лишены права на участокъ, если только ими былъ приложенъ трудъ на проведеніе арыка.

Въ проведеніи арыковъ (оросительныхъ канавъ) могутъ участвовать даже отдѣльные члены чужихъ родовъ, если попросятъ; но за позволеніе они должны, предъ работой, заколоть большого жирнаго барана и угостить. Угощеніе это, называемое „Канъ-куи“, впоследствии служить доказательствомъ правъ на земли по этому арыку. Арыки вообще проводятся мелкими родовыми группами, но тамъ, гдѣ нужно болѣе рукъ и средствъ, проводятъ цѣлая волость, даже нѣсколько волостей (арыки изъ рѣки Біона проведены Арасанскою и Биевъ-Куяндянскою волостями). Ежегодныя починки арыковъ требуютъ немало труда, почему пропускъ воды по арыку, какъ окончаніе труда, празднуется. Празднество состоитъ въ угощеніи, которое устраивается родовыми группами по очереди. Право собственности пріобрѣтается еще засадкой участка деревьями и постройкой жилыхъ или хозяйственныхъ зданій.

Ограничительные обычаи.

О наказаніяхъ за нарушеніе личныхъ правъ говорено выше; здѣсь же остается лишь сказать, что народный обычай знаетъ нынѣ одинъ видъ наказавій имущественный въ видѣ штрафа (айпъ). За обиду словомъ обыкновенный айпъ—лошадь и халатъ. За оби-

ду дѣйствиємъ размѣры приведены равнѣ. Нарушеніе имущественныхъ правъ наказывается тоже аипомъ. Размѣры различны, прежде обыкновенный аипъ за кражу скотины—три, а теперь девять головъ. Впрочемъ, вѣдѣтельность администраціи въ недавнее еще время до того сбило кочевниковъ съ толку, что нынѣ общаго аипа почти нѣтъ (въ Вѣрненскомъ уѣздѣ за кражу одной скотины присуждается восемь). Возстановленіе въ правахъ достигается судебнымъ приговоромъ, а иногда въ случаяхъ несомнѣнныхъ возвращеніе захваченной зимовки, увезенной жены—распоряженіемъ власти. Наказанія понятны налагаются только бѣями.

Обрядность суда бѣевъ. Доказательства.

По обычаю, разбирать дѣло можетъ всякій, къ кому бы стороны ни обратились. Въ прежнее время обращались къ тѣмъ, кому вѣрили, что возможно было только въ случаѣ принадлежности сторонъ къ одной родовой группѣ. Этотъ выслушивалъ, спрашивалъ свидѣтелей, старался примирить стороны. Недостигалось примиренія, назначалъ очистительную присягу или приговаривалъ къ уплатѣ, если свидѣтельскія показанія были надежны и достаточны. До нашего завладѣнія степью процедура рѣшеній была такова: рѣшавшій дѣло давалъ пруть и разрубалъ его по окончаніи суда; это означало конецъ дѣла. При неудовольствіи на судъ одного шли къ другому. Съ теченіемъ времени способности, привычка къ дѣламъ или вліятельность нѣкоторыхъ личностей повели къ тому, что родичи за разборомъ дѣла обращались только къ нимъ, и такимъ образомъ кругъ бѣевъ ограничился немногими. Крупныя дѣла обсуждались во время народныхъ собраній (байга, поминки) вліятельнымъ сородичами. Само собой разумѣется, обсужденіе было общее родичами обѣихъ сторонъ.

Такія рѣшенія, не опираясь ни на какую власть, не могли, конечно, имѣть ни обязательности. Они или исполнялись безъ понужденій, изъ боязни лишиться симпатій и поддержки своихъ, или же вовсе не исполнялись, и тогда истцу оставался одинъ исходъ—насиліе. Первый судъ имѣлъ характеръ суда третейскаго, основаннаго на довѣріи къ выборному, стоявшему въ одинаковомъ (родовомъ) отношеніи къ обоимъ тяжущимся. Основаніе второй формы суда—равноправность. Эту послѣднюю форму нельзя не назвать обычной, ибо въ прежнее время только она одна прекращала распрю между родовыми группами. Ей поневолѣ приходилось подчиняться, иначе свои же могли отступить, а это грозило разореніемъ. И въ настоящее время на практикѣ встрѣчаются только эти формы суда: для сторонъ одной родовой группы свой бій, для всѣхъ прочихъ случаевъ—свободный выборъ поровну съ обѣихъ сторонъ. Правда, бывають разбирательства дѣлъ всѣми бѣими волости (по спорамъ о землѣ и т. п.), но такіе слу-

чан не часты. Мѣсто засѣданія бій—его юрта и всякое другое мѣстопребываніе бій. Судъ—гласный; присутствуютъ всѣ желающіе. Истецъ является съ отвѣтчикомъ, или послѣдняго зоветъ самъ бій. Бій вызываетъ и свидѣтелей, хотя вообще они пріѣзжаютъ съ своей стороною.

Собрались. Бій выслушиваетъ истца, отвѣтника, свидѣтелей; старается примирить тяжущихся. При неудачѣ постановляетъ рѣшеніе, а если дѣло сложное—откладываетъ приговоръ на нѣкоторое время для собранія справокъ. Или бій предлагаетъ истцу выбрать кого-либо для принятія за отвѣтника очистительной присяги. Приговоръ записывается въ книгу и выдается копія.

Такой же порядокъ соблюдается въ обычномъ видѣ. Въ немъ бій, по выслушаніи сторонъ и свидѣтелей, удаляютъ ихъ, чтобы не было помѣхи совѣщанію. Если понадобится предложить новые вопросы, стороны вновь требуются, а послѣ опять удаляются. Хотя вмѣнательство во время совѣщанія бievъ и не допускается, но вѣдь нѣтъ запрещенія, которое бы не нарушилось. Такъ и это. Тяжущіеся сидятъ недалеко и при невыгодномъ оборотѣ преній вмѣшиваются въ нихъ. Выборъ лица для дачи очистительной присяги ограниченъ нѣкоторыми условіями; точно такъ же не всякій можетъ быть и свидѣтелемъ. А такъ какъ знаніе этихъ условій необходимо, то я и разберу случаи, могущіе встрѣтиться на практикѣ.

Если на вопросъ бievъ отвѣтникъ признается въ своей виновности, то остается только установить размѣръ вознагражденія. Такимъ образомъ „тарту“—повинная—служить однимъ изъ желаемыхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ. Но сознаніе бываетъ не часто, въ большинствѣ случаевъ его нѣтъ, да нѣтъ и свидѣтелей; въ такихъ случаяхъ, а ихъ огромное большинство, дѣло кончается очистительной присягой. Бій, установивъ размѣръ вознагражденія, предлагаютъ истцу выбрать на присягу кого либо изъ общества отвѣтника. Назначаютъ и аулъ или родовое отдѣленіе, изъ котораго слѣдуетъ сдѣлать выборъ. Въ мелкихъ искахъ непременно назначается аулъ отвѣтника. При искахъ куна очистительная присяга дается 4-мя киргизами по выбору изъ всей волости,—это за убійство мужчины; за женщину присяга дается 2 киргизами; при искахъ „джесира“ выбираютъ на присягу тоже 2 человѣка. При крупныхъ искахъ число присяжныхъ соразмѣряется съ суммой иска: за 1000 рублей должны принять двое, за 2000 четверо изъ цѣлой волости. При кунѣ за глазъ 2 человѣка, за 2 глаза—4 человѣка.

Истецъ можетъ протестовать противъ назначенія выбора изъ указаннаго біями аула только въ случаѣ, если онъ, истецъ, съ этимъ ауломъ въ „спорѣ“ („спаръ“, какъ говорятъ киргизы). Точно такъ же и отвѣтникъ можетъ протестовать, если на присягу избранъ человѣкъ, находящійся съ нимъ, отвѣтчикомъ, въ

спорѣ. Что такое „спорѣ“, трудно объяснить примѣромъ, насколько можно обобщить разъясненіе киргизали этого слова—это есть ссора, дошедшая до тѣхъ предѣловъ, когда человѣкъ не разбираетъ средствъ, чтобы насолить врагу. Такая сильная ссора известна въ аулѣ, волости всѣмъ и каждому, известна она и бѣимъ.

Поэтому при несправедливомъ заявленіи тяжущихся о спорѣ съ присяжнымъ бѣи предлагаютъ выбрать на присягу другого: еслижъ знаютъ, что заявленіе ложно, то не обращаютъ на него и вниманія. Когда бѣи не вполне убѣждены въ справедливости или несправедливости заявленія о спорѣ, то сейчасъ же должны удостоверить чрезъ почетныхъ людей и при справедливости должны назначить другой аулъ для выбора на присягу или предложить истцу на присягу другого, но не отца, сына и не братьевъ киргиза, находящагося съ отвѣтчикомъ въ спорѣ. Въ послѣднее, впрочемъ, время практика разрѣшаетъ тяжущимся отводъ присяжныхъ и въ случаѣ недоказанности „спара“; но отвести можно не болѣе одного человѣка изъ аула, а изъ цѣлой волости только двухъ.

Не позволяется выбирать на присягу своего очень хорошаго накомаго (тамыръ, худа) и близкихъ родныхъ, родственниковъ (случай возможный лишь, если тяжущіеся одного родового отдѣленія): отца, сыновей, братьевъ, племянниковъ, бажа, буле, дженъ.¹⁾ Если отвѣтчикъ заявить о подкупѣ присяжнаго истцемъ, то бѣи прежде дознають фактъ подкупа и при доказанности подкупа отмѣняютъ выборъ, предлагая истцу избирать на присягу другого. Другихъ причинъ для отвода присяжныхъ нѣтъ. Если избранный на присягу находится далеко отъ мѣста суда, то бѣи назначаютъ время и мѣсто присяги: обыкновенно въ юртѣ, то есть въ присутствіи одного изъ бѣевъ, волостного управителя и другихъ почетныхъ киргизовъ. Сообщать постановленіе суда выбранному на присягу—дѣло отвѣтника; его же забота и доставить присяжнаго къ назначенному сроку. Ко времени принятія присяги стороны должны сами явиться, не явятся—не ждутъ. Непріѣздъ присяжнаго къ сроку считается за отказъ отъ присяги и съ отвѣтника взыскивается все присужденное. Впрочемъ, если бы присяжный и присутствовалъ на судѣ, все таки присягу назначаютъ чрезъ день, два и болѣе. Это дѣлается съ двойкой цѣлью: дать возможность присяжному примирить стороны или при неуспѣхѣ собрать справки, безъ которыхъ нелогично принять или отказаться отъ присяги. Администрація, незнакомая съ этимъ фактомъ, требуетъ

1) Киргизы, женившіеся на двухъ дѣвушкахъ—сестрахъ, считаются нѣкоторымъ образомъ родственниками, и родство это называется „бажа“. Дѣти этихъ двухъ паръ состоятъ между собой въ родствѣ „буле“ Дѣти (буле) къ дѣду (отцу матерей) — „дженъ“, дѣдъ къ нимъ—„нагаши“. Отцы супруговъ между собой — „худа“.

немедленнаго привода къ присягѣ, чѣмъ, конечно, подрываетъ значеніе присяги, все же непустой и для кочевника.

Формулы присяги нѣтъ. Бѣи спрашиваютъ присяжнаго: принимаешь ли присягу? получивъ отвѣтъ, дѣлають „бату“ и заносять отвѣтъ въ книгу. При отказѣ отъ присяги истцу выдается кошія. Въ случаяхъ, когда присяга отбирается не во время суда, отбирающій сообщаетъ суду о результатѣ, и судъ дѣлаеть отвѣтку въ книгѣ. Киргизы избѣгаютъ принятія присяги: нехорошо, стыдно, говорятъ они; повтому-то присяжные употребляютъ всѣ усилія къ примиренію сторонъ, въ случаяхъ справедливаго иска торгуются за отвѣтника, и на чемъ поладятъ съ истцомъ, то отвѣтникъ и обязанъ платить, хотя бы его согласія и не спросили. По окончаніи переговоровъ съ истцомъ, рѣшеніе присяжныхъ записывается въ книгу, и къ нему бѣи только прикладываютъ свои печати. Дѣло считается конченнымъ безъ привода уже къ присягѣ. Иногда въ книгу записывается просто мировая, — а то запишутъ, что и присяга принята, хотя бы на самомъ дѣлѣ этого и не было, а расчетъ ужъ дѣлается по рѣшенію присяжныхъ. На эти случаи не мѣшало бы обратить вниманіе; они вопліѣ въ обычаѣ и ничего незаконнаго, безнравственнаго въ нихъ нѣтъ, а между тѣмъ администрація иногда призываетъ такіа сдѣлки преступными. Если впоследствии одна изъ сторонъ узнаетъ, что присяжный былъ подкупленъ другою стороною и докажетъ это суду бѣевъ, то виновную въ подкупѣ сторону бѣи приговариваютъ къ уплатѣ всего присужденнаго первымъ рѣшеніемъ съ убытками, — это если присяжныхъ подкупилъ отвѣтникъ; если же подкупилъ истецъ — обязываютъ его возратить все полученное съ убытками. Подкупленный присяжный приговаривается къ уплатѣ аипа, смотря по размѣру дѣла, отъ 5—4 девятиокъ до лошади и халата. Аипъ молучаетъ тотъ, чьи права были нарушены подкупленнымъ. Но не одинъ аипъ служитъ наказаніемъ подкупленнаго, несравненно болѣе тяжелое наказаніе заключается въ ограниченіи нѣкоторыхъ правъ: его не принимаютъ свидѣтелемъ ни въ какихъ дѣлахъ, не допускаютъ и до присяги: однимъ словомъ, ему болѣе не вѣрятъ. Если очистительная присяга за отвѣтника принята, а послѣ его виновность обнаружится, то истецъ вновь ищетъ. Принявшій присягу требуетъ тоже аипъ, и ему обыкновенно присуждаютъ лошадь и халатъ. Если дѣло окончилось непринятіемъ очистительной присяги и отвѣтникъ поплатился, впоследствии же найдется настоящій виновный, то заплатившій по первому рѣшенію ищетъ съ него, и ему присуждаютъ все заплаченное съ убытками.

Иногда, крайне рѣдко, истецъ предлагаетъ самому отвѣтнику принять присягу въ доказательство своей правоты, и наоборотъ, отвѣтникъ предлагаетъ истцу доказать искъ принятіемъ присяги. Въ обоихъ случаяхъ дѣло кончается этими присягами.

Въ прежнее время—у Албановъ и въ настоящее время я былъ очевидцемъ такихъ присягъ—были разные формы присяги. Напримѣръ, требовалось обойти три раза вокругъ могилы уважаемаго человѣка, поцѣловать саблю, ножъ, дуло ружья и тогда уже сказать, принимаетъ ли присягу. Но въ какой бы формѣ ни отбиралась присяга, единственное и необходимое условіе—принять ее въ присутствіи хорошаго человѣка, заслуживающаго полного довѣрія, котораго для этой-то, цѣли и назначаютъ бѣи, если присяга принимается не при нихъ. Назначеніе формы присяги зависитъ отъ лица, выбирающаго присяжнаго. Эта форма сообщается бѣямъ.

Вотъ какъ проста и немногословна обычная присяга киргизъ; для нихъ она, конечно, имѣетъ значеніе, хотя бы традиціонное. Кажется, логично было бы придерживаться этихъ формъ и теперь, но къ сожалѣнію на практикѣ не всегда это соблюдается. Часто отъ киргиза требуютъ присяги на коранѣ. Не мнѣ, конечно, разъяснять вредъ привитія корана, но думаю, что лучше бы не приѣмлять его. Я не вдаюсь еще въ разборъ другой стороны присяги по корану, то есть не вдаюсь въ разборъ того, сильнѣе ли она дѣйствуетъ на кочевника и вызываетъ ли она болѣе правдивое показаніе. Лично самъ я имѣю данныя сомнѣваться въ этомъ (киргизъ не понимаетъ даже ни одного слова изъ печатной присяги) и считаю общую форму присяги болѣе доступной пониманію и болѣе святой для кочевника. Да, думаю, и всякій знающій киргизъ согласится, что для массы коранъ ровно ничего не значитъ.

Свидѣтели; отводъ ихъ. Доказчики.

Свидѣтелемъ можетъ быть всякій, кромѣ сумасшедшихъ, малолѣтнихъ и женщинъ. Дѣти до 15 лѣтъ не допускаются въ качествѣ свидѣтелей, не допускаются и на присягу. Затѣмъ, кромѣ неимѣющихъ права быть свидѣтелемъ, нѣкоторые киргизы теряютъ это право: уличенные въ принятіи присяги за вознагражденіе. Киргизъ, находящійся въ „спарѣ“ съ тѣмъ, противъ кого направлено его свидѣтельство, не допускается свидѣтелемъ. Равнымъ образомъ не принимаются во вниманіе показанія его отца, сыновей, братьевъ. Если другихъ свидѣтелей и нѣтъ, то дѣло рѣшается такъ, какъ бы свидѣтелей и вовсе не было. Справедливость заявленія о „спарѣ“ съ свидѣтелемъ провѣряется такъ же, какъ сказано въ отдѣлѣ о присягѣ. Затѣмъ остальныхъ киргизъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) такихъ, показанія которыхъ непременно должны быть подтверждаемы присягой, и 2) такихъ, показанія которыхъ достаточны для постановленія приговора.

Къ первой категоріи относятся: а) родственники, худа, буле, бажа, джіень, нагалии, той стороны, которая выставляетъ ихъ. Справедливость показанія ихъ непременно должна быть под-

тверждена присягой, даваемой одному изъ ихъ общества по выбору стороны, противъ которой свидѣтель выставленъ. Впрочемъ, здѣсь встрѣчаются и исключенія: если такой свидѣтель извѣстенъ всѣмъ за правдиваго, честнаго, то противная сторона сама даже не требуетъ присяги; и б) порочные, вообще ненадежные люди, а также и всѣ прочіе киргизы, нравственные качества которыхъ не приобрѣли извѣстности. Ко второй категоріи относятся почетные, уважаемые люди, киргизы, извѣстные своей честностью, правдивостью. Впрочемъ, надо здѣсь сказать, что въ Вѣрненскомъ уѣздѣ съ 1879, а въ Копальскомъ, кажется, съ 1880 года сдѣлано общее постановленіе подтверждать присягой показанія всѣхъ свидѣтелей, такъ что раздѣленіе свидѣтелей на категоріи теперь уже не имѣетъ, пожалуй, значенія. Присяга за свидѣтеля удостоверяетъ лишь то, правду ли онъ говорилъ суду. Поэтому если присягу примутъ—присуждаютъ истцу, не примутъ—отказываютъ въ искѣ. Показаніе подкупленнаго свидѣтеля не принимается во вниманіе, и дѣло рѣшается, какъ бы свидѣтеля и не было.

Скажу теперь нѣсколько словъ о доказчикѣ и его роли. Доказчикомъ называютъ того, кто 1) за вознагражденіе, или и безъ него, беретъ разыскать вора и вообще виновнаго въ данномъ дѣлѣ, и 2) зная виновнаго, требуетъ отъ потерпѣвшаго вознагражденія, опредѣляя его, торгуясь въ дѣнѣ, и обязуется открыть имя виновнаго. При этомъ вообще бываетъ всегда такъ, что если доказчикъ одного родового отдѣленія съ тѣмъ, кого хочетъ выдать, то ставитъ потерпѣвшему непремѣннымъ условіемъ держать въ секретѣ его, доказчика, имя, стыдясь роли предателя своихъ родичей и ихъ укоровъ, отчасти-же и побаиваясь ихъ. А такъ какъ иногда другихъ уликъ у потерпѣвшаго нѣтъ, и дѣло стало быть, должно окончиться присягой, то доказчикъ заранѣе указываетъ, кого слѣдуетъ выбрать на присягу, обыкновенно изъ своихъ близкихъ. Такъ и дѣлаютъ. Присяга, конечно, не принимается, ибо виновность отвѣтника присяжному извѣстна. Если доказчикъ не одного рода съ отвѣтникомъ, то лично доказываетъ виновность его.

Вотъ и всѣ обычные виды доказательствъ, практикуемыхъ въ народномъ судѣ. Нельзя не видѣть, что изъ всѣхъ доказательствъ. присяга практикуется въ огромномъ большинствѣ случаевъ; это, пожалуй, даже единственный видъ доказательствъ. Отсюда не трудно ужъ прійти къ убѣжденію о громадномъ значеніи присяги и тѣмъ необходимѣе оставить за ней обычныя освѣщенныя вѣками формы, отнюдь не навязывая кочевнику ничего чуждаго.

Бія за свои труды получаютъ плату—бійлыкъ. Плата эта 10 % съ присуждаемаго. Бійлыкъ платитъ отвѣтникъ сверхъ присужденнаго; а такъ какъ взысканія вообще тянутся крайне долго, то бія требуютъ бійлыкъ съ истца и только по полученіи его выдаютъ кошію рѣшенія. Истецъ же получаетъ бійлыкъ съ отвѣтника.

Теперь въ заключеніе отдѣла о народномъ судѣ нѣсколько словъ о чрезвычайныхъ сѣздахъ. Хотя проектъ и имѣлъ въ виду эти сѣзды лишь для крупныхъ дѣлъ, но на практикѣ они обратились въ судбища всевозможныхъ даже самыхъ мелкихъ дѣлъ. Причины вполне понятны: легкость выбора биевъ вообще и возможность воспользоваться лучшими силами. Да кромѣ того здѣсь возможенъ выборъ свободный, не стѣсняемый предѣлами утвержденныхъ биевъ.¹⁾ Последнее обстоятельство крайне важно, ибо официальные бии часто не имѣютъ никакого вліянія на своихъ сородичей и приговоры ихъ особенно въ сложныхъ дѣлахъ не удовлетворяютъ никого. На чрезвычайныхъ же сѣздахъ для обсужденія такихъ дѣлъ выбираются самые вліятельные родовичи, и только при ихъ помощи и исполнимы такіе, напримѣръ, приговоры, какъ постановленный по дѣлу между Борохудзирской и Чунжинской волостями. (смъ выше о кунѣ). Однородное почти постановленіе окончило споръ между Байджигитами и Албанами въ 1880 году). И утвержденные бии, конечно, сумѣли бы постановить такое рѣшеніе, но вѣдь дѣло не въ постановленіи, а въ исполненіи, и вотъ тутъ-то авторитетъ рѣшавшихъ, вліяніе на своихъ и необходимо. Понятно, не одинъ авторитетъ и вліяніе помогаетъ въ этихъ случаяхъ; помогаетъ уже самый сборъ массы родовичей и постороннихъ, дѣлающій возможнымъ общее обсужденіе и сближеніе сторонъ.

Если для киргизъ уѣзда необходимъ чрезвычайный сѣздъ, то для киргизъ разныхъ уѣздовъ эта необходимость доходить до крайнихъ предѣловъ: только на немъ одному кочевникъ иного уѣзда и можетъ разсчитывать на удовлетвореніе. По понятіямъ киргизъ, чужой уѣздъ—иное государство и притомъ не рѣдко враждебное,²⁾ и если въ своемъ уѣздѣ трудно получить искомое, то самое мелкое полученіе съ киргиза другого уѣзда достигается еще съ большимъ трудомъ и большими издержками. Нужно вести своего бия; отвѣтчикъ, его отчасти и бии по понятной причинѣ уклоняются отъ разбора, и приходится просить содѣйствія уѣзднаго. Время между тѣмъ идетъ, растутъ и расходы. А то иной еще, придержаваясь проекта, непремѣнно обязываетъ соблюсти постепенность суда, начиная съ ауднаго бия.

Ну а на чрезвычайныхъ сѣздахъ это достигается легче, потому, что и власти тутъ-же, есть кому заступиться. Кромѣ того, многіе киргизы часто и не являются на сѣздѣ для избѣжанія

¹⁾ Въ чрезвычайнаго сѣзда это не позволяется, и по жалобѣ одной изъ сторонъ рѣшеніе отлагается безъ всякихъ разсужденій.

²⁾ Причины этому, помимо родового начала, заключаются, по моему мнѣнію, и въ неодинаковомъ отношеніи власти къ народному суду. Всякій относится по своему, считая свой взглядъ болѣе правильнымъ или болѣе цѣлесообразнымъ. Киргизы вполне правы, говоря: „новый уѣздный, новый закъ (законы)“, и поневоля теряются въ обихѣ этихъ зановъ.

расходовъ при мелкихъ искахъ, а поручаютъ свои дѣла тому, кому нужно ѣхать. Иной разъ и доводится наблюдать, что одинъ и тотъ же киргизъ представляетъ собой 5—6 своихъ товарищей. Формальностей при этомъ не соблюдается никакихъ; если-же относиться строже и требовать довѣренности, то и она сейчасъ-же явится: мулла есть, написать недолго, и бумагу для этого возьмутъ у насъ же, а свой старшина всегда засвидѣтельствуетъ такую подложную довѣренность. Да, право, къ этому нельзя строго и относиться; стоитъ вникнуть въ суть дѣла, стоитъ сообразить, возможно-ли ѣхать за нѣсколько сотъ верстъ за бараномъ, лошадей не имѣя увѣренности въ неперемѣнномъ полученіи, и поневолѣ будешь смотрѣть сквозь пальцы на такія продѣлки, лишь бы онѣ вели къ облегченію участи кочевника.

О формѣ и обрядности суда на чрезвычайномъ сѣздѣ сказать нечего: судъ обычный, поровну съ обѣихъ сторонъ, и обрядность его, доказательства описаны выше. Существуетъ, правда, третейскій судъ („третій“ по названію кочевника), но онъ бываетъ рѣдко, и все его отличіе отъ обычнаго—выборъ сторонами однихъ и тѣхъ же биевъ въ нечетномъ числѣ. Въ случаяхъ, когда бии не придутъ къ общему рѣшенію, сторонамъ предлагается выбрать посредника, и тогда дѣло рѣшается уже по большинству голосовъ.

Н. Изразцовъ.

КЪ ИСТОРИИ НАРОДНАГО ТЕАТРА.¹

І. ЖИВОЙ ВЕРТЕПЪ.¹).

ДѢЙСТВІЕ І

(Иродъ въ мантии, въ коронѣ, со скипетромъ и державой въ рукахъ сидитъ на тронѣ).

Иродъ. Воя, воя! прѣстаньте ко мнѣ двоя въ тотъ же часъ!

(Спекуляторъ и Донской Казакъ входятъ).

Спекуляторъ. Что, цару Гироду, требуешь?

Иродъ. Пойдите вы въ нѣкоторыя страны, отыщите мнѣ нѣкоторыхъ бабъ, что варылы грибкить(?).—

(Спек. и Д. Казакъ уходятъ; Спек. возвращается).

Спек. Нѣту тутъ бабъ, шобъ варылы грибкить.

(Входитъ Казакъ и Рахиль въ ребенкомъ, сдѣланномъ изъ соломы; Казакъ пикой дѣлаетъ на караулъ; спекуляторъ правой рукой хватается за мечъ. Рахиль кланяется публично).

Спек. Что, царъ, велышь,—отпустить, или казнить?

Иродъ. Не велю отпустить, а велю казнить.

(Рахиль падаетъ на колѣна).

Рахиль О цару! пощады невинную душу!

Иродъ. Какое отпущеніе! Сія Рахиль

Одно смущеніе! Младенца родыла,

И младенецъ сей

Родылся для погибели моеи

¹) Записано въ г. Нѣжинѣ, со словъ николаевского солдата А. Збронскаго, родомъ подоляннина.

и хотѣлъ скоренить изъ собственнаго царства моего. Но надѣюсь, какъ былъ царомъ, такъ и буду.

(*Спекуляторъ вонзаетъ мечъ въ ребенка, поднимаетъ его вверхъ и бросаетъ подъ ноги Ироду; за ширмами подражаютъ плачу ребенка*).

Иродъ. Радуюсь и веселюсь! Музыка, играй! Возьмите Рахилью, прочь отъ меня отведите!

(*Казакъ и Спек. уводятъ Рахиль; за ширмами поютъ*):

Не плачь, Рахилья:	Тѣломъ убиенне,
Дитя твое живое,	Но душа спасенна.

(*Является Смерть съ косою*).

Смерть. А полно тебѣ, цару Героду, на семь свити жыты, чаю—пуншу пыты, а времяя тебѣ иты въ адъ вѣчно жыты.

(*Иродъ мечется въ разныя стороны. Смерть косою ударяетъ его по шеп; онъ падаетъ. Являются два Служителя*).

1-й Служ. Трахъ тарарахъ! Десь тутъ нашего Ирода голова?

2-й Служ. Трахъ тарарыще! Десь тутъ нашего цара Ирода туглубыще? (*Уносятъ Ирода*).

ДѢЙСТВІЕ II.

(*Выходитъ Наполеонъ съ бѣлыхъ штанахъ, ботфортахъ, мундиръ и треугольникъ*).

Наполеонъ (*кланяется публикѣ*).

Вотъ, русскіи господа,

Я прѣехалъ къ вамъ сюда.

Вы знаете, кто есть таковъ?

Я есть французскій король,

По имени-прозванью Наполіонъ;

На престолѣ сидаю

И вси земля забыраю.

Этой уголъ смотрыть на Москву,

Этой на Полтаву.

А я возьму трость и державу,

И почтутъ меня королёмъ,
Земнымъ богомъ.

(Является горбатый, старый Мужикъ, одѣтый въ лохмотья).

Мужикъ. Дай Богъ драствовать, мой паночку?

Напол. Ты кто такій?

Муж. Мы паны ваши, а вы свѣи напы; какъ мы у васъ сино рубалы, а дрова косылы, и чести не заслужылы?

Напол. Ты откуда, дуракъ мужыкъ, взялся?

Муж. Чого мій паночку?

Напол. Ты скажи мыни, съ какой ты деревни?

Муж. Деревни? О, чого мій панъ захотивъ? Я съ такой деревни, што дубы да березы да широкій листь; изъ такой я деревни. Прощайте!

Напол. Дуракъ мужыкъ! Я не того тебе спрашиваю.

Муж. А чого, мій паночку?

Напол. Кто у васъ въ деревни найстаріе?

Муж. О, чого мій панъ захотивъ! У насъ колысь-то у деревни баба тютюнница табакъ терла, такъ ужа давно ноги задержла. Отó была самая найстаріе

Напол. Дуракъ мужыкъ! я тебе не того спрашиваю.

Муж. А чого, мій паночку?

Напол. Ты скажи мыни, кто у васъ въ деревни найсильніе?

Муж. Ага! найсильніе! У насъ колысь-то въ деревни була череда, а въ череди былъ бугай, якъ иде, такъ и весь скоть перебѣе. Отó у насъ найсильніе.

Напол. Дуракъ мужыкъ, я не того тебе спрашиваю.

Муж. А чого, мій паночку?

Напол. Ты скажи мни, съ какого ты поколиньня?

Муж. Ага, поколиньня! Я съ такого поколиньня: на святого Андроса да рубавъ дрова, не попавъ по полиньню, да по колиньню, да мнивышо носа наростло. *(Суетъ палку подъ носъ Наполеону тотъ, хватается за шпату).*

Напол. Я тоби, дуракъ мужыкъ, какъ заййду, да заййду...

Муж. Та зайидь, зайидь, мій паночку: моя жинка велыку кадку буракивъ намочыла, буде васъ угощаты. А затымъ прощайте!

(Музыка.)

ДѢЙСТІЕ III.

(Донской Казакъ въ казачьемъ костюмѣ).

Д. Казакъ (*кланяется*) Гóля, гóля! я козакъ изъ чистого поля. Я козачьей природы: пропился одъ погъ я до шкуры; на мнѣ куртка и шаровары пѣзъ свыначомъ шкуры; сабля пры божу, самъ безъ оку, спереди скоды на свиню, а ззади — на ежака. Чы пехожъ я, господа, на козака? (*Поворачивается кругомъ*).—Добре мене, господа, вчорасъ у гостяхъ шавувалы, такъ положили спать коло лавы; а я спяну проспався и въ печку вбрався и прыонилъ ся мыни предивный сонъ, будто я йивъ пирогъ съ ковбасой, а саломъ заѣдавъ. Когда я проспался, у меня полный ротъ попелю да уголья напхався.—Дождался, господа, у Бога ласки: поймать у-смакъ святой паски. Крестось воскресъ!

Голосъ (*изъ-за ширмы*). Брешы, якъ песь!

Д. Каз. Чы то бакъ я повиылся, отъ на эту дивчину зады-вывея. Дивчыно сердце, што ты на мене поглядаешъ? вѣрно, любыты маешъ? Ты иды за мене, буде тоби добре въ нашей школы—якъ на татарскомъ поли: до обиды спать, а до вечора ѣсты жда-ты. А я тоби за тое пошыю шубу съ вовивъ, изъ лысыць, изъ прусакивъ, блощиць, зъ блохъ, зъ вошей, шобъ була шуба дов-ша, а жукомъ опушты, чтобъ про празыкъ проносаты.—Отъ неякъ не поддурьшъ враговой дивчины! Заспываты зъ гора да украинской писни:

Да немає лучче,

Да немає краще,

Ой якъ у насъ на Украини,

что не повидышъ ни жида, ни ляха, ни того прыскурового сына татарына.

(Является Жидъ).

Жидъ. Сорохціяне, борохціяне, цы не бапылы, цы не вылаы, якъ на сынемъ мори зыды потопалы?

Д. Каз. Ты де, бисывъ жыду, взялся?

Жидъ. Охъ! я, папоцку, на сабасъ исовъ, и до васъ зайсовъ А якъ васъ звать?

Д. Каз. Хведоръ.

Жидъ А я йивъ гугий зъ медомъ.

Д. Наз. Дай-же, бисывъ жыду, сабашковон горилки напыться.

Жидъ. Охъ, паноцку! моя сабаснова горилка черезъ три дня розбырае.

Д. Наз. Брешешъ, бисывъ жыду! Козакъ пье—душа миру знае.

Жидъ. Извольте, паноцку, звольте! (*Вынимаетъ изъ кармана бутылку; казакъ пьетъ.*)

Д. Наз. О такъ, напывъ сабашковон горилки да и повалывся.

(*Падаетъ; Жидъ осматриваетъ ея карманы.*)

Жидъ. Отъ якъ зыдеи ковацены надувають: сабашковою горилкою наповаютъ, а теперъ съ корманѣдка гроши выбырають.

(*Казакъ поднимается.*)

Д. Наз. А у насъ отъ какъ надувають, да бойбѣроу потягають! (*Бьетъ жиду.*)

Жидъ. Ну, ву, бей! ну, буде!

ДѢЙСТВІЕ IV.

(*Лыцарь и Дѣвушка.*)

Лыцарь (*обнимаетъ дѣвчушку.*)

Ужъ ты, дѣвица моя прелестна,

Лицомъ бѣла, хараша!

Только жизнь моя нещасна,

Што влюбился я въ тебя.

Дѣвица. Охъ ты, лыцарь молодой,

Неженатый, холостой!

Не люблю я тыбе,

Не пойду за тыбе.

Лыцарь (*отталкиваетъ ее.*)

Среди войны, войны кровавой

Истреблю тебя, любовь,

И разарву твое сыровое племена

За невѣрную любовь.

Охъ, Богъ!

Прыны мой вздохъ,

Отдай туда,

Хто приметъ безъ труда,

Понесы тому,

Хто мылостывъ сердцу моему.

Щасливъ я былъ,

Какъ васъ любилъ;

Отъ васъ отставъ,

Нешастнымъ ставъ,

Куда бѣжать,

Тоску-скуку дивать?

Пойду съ гѣра въ чистѣе по-
ле.

(Стрѣляетъ изъ револьвера въ двушку, та падаетъ. Занавѣсъ опускается)

(За ширмой поютъ:)

Померла наша надежда
И скончалася любовь,
Ручки къ серпію изложила,
Вся покрыта полотномъ.
Громко пѣвчая занѣла;
На кладбище понесли;
На кладбище проносили,
Зазвоны въ колола;
Въ гробъ-могилу й-опушала,
Застогнала вся земля;
Вся силена (иселеная) искажала,
Что погыбшая душа.—
Подойды, милой, поближе,
Близъ могилы икъ моей,
Уроны, мылый, слёзою
Въ конци гробу моего;
Попросы, мылой, у Бога,
Чтобы душу возратить.
Возратить души не можна,—
Знатъ, на вѣки въ земли спать,
Дружка себи ожидать.—

Хороша была да красива и наче граблями вся морда поцарапана. А что зла была покійныця—безъ миры! Туда ий дорога!

ДѢЙСТВІЕ V.

(Цыганъ и Цыганка).

Цыганъ. Люды добры, люды мылы. Не бачылы, не выдалы, не йихалы цыгане: кобыла биленька, на ногу кривенька, а ззади седила цыганочка молоденька? Нема ей тутъ, або тутъ?

(Является цыганка).

Цыганка. Ты чого тутъ ись фандою ¹⁾ распоряжаеесся?

Цыганъ. Де ты, сучья дочка, де ты скрывалася?

¹⁾ Пить.

Цыганка. Ходыла на трейте село сыровцю добываты.

Цыганъ. Сучья дочко, не лѣнься, попросы хорошенько, да поклонися нызенько: паны любви, паны мылы што-нибудь на ручку скинуть.

Цыганка (къ публикѣ). Люде добры, выручить иене отъ этой фанды, на ручку бросьте.

(Ходитъ съ тарелкой и проситъ у зрителей вознагражденія, а Цыганъ по временамъ подгоняетъ ее плетью).

(Занавѣсъ падаетъ).

Страсть римлянъ ко всякаго рода зрѣлищамъ, которыя для нихъ были такъ же необходимы, какъ и насущный хлѣбъ (вспомнимъ обычный крикъ народа *panem et circenses!*), не прекратилась и послѣ распространенія тамъ христіанства. Толпы гистрионовъ по прежнему находили себѣ вездѣ радушный пріемъ. Несмотря на суровыя мѣры, которыя принимало духовенство противъ мимовъ, этихъ веселыхъ, разгульныхъ любимцевъ народа, и противъ ихъ часто весьма циническихъ выходокъ, — скоморошество не легко было сломить. Видя безуспѣшность всѣхъ своихъ мѣръ, направленныхъ къ уничтоженію въ народѣ страсти къ зрѣлищамъ, духовенство рѣшило наконецъ само удовлетворять эту страсть, давая, по крайней мѣрѣ, иной матеріалъ для зрѣлищъ, оно рѣшило замѣнить представленія скомороховъ, выходившія часто за предѣлы приличія до крайняго цинизма, другими зрѣлищами изъ событій Священной исторіи. Такое стремленіе духовенства — съ одной стороны, уничтожить безнравственныя зрѣлища, а съ другой — объяснять простому народу истины новой вѣры и нѣважшія событія Священной исторіи посредствомъ наглядныхъ представленій — это стремленіе и было причиной возникновенія духовной драмы, мистеріи.

Почтеніе къ тѣмъ святымъ, которые должны были выступать въ мистеріи, не позволяло сперва изображать ихъ живымъ актерамъ. Святые изображались особыми куклами, такъ наз. маріонетками ¹⁾, которыя посредствомъ простаго механизма могли производить незна-

¹⁾ Первоначально — куклы, изображавшія Дѣву Марію, вслѣдствіе чего и названіе свое получили.

читольныя движенія. Все „дѣйствіе“ на первыхъ порахъ ограничивалось лишь чтеніемъ духовною особою подходящаго мѣста изъ евангелія. Но помимо маріонетокъ, въ мистеріяхъ скоро стали принимать участіе и живыя личности въ роляхъ слугъ, воиновъ и др. второстепенныхъ лицъ. Такъ какъ въ Св. писаніи рѣдко влагаются рѣчи въ уста подобныхъ лицъ, то актеры, чтобы не оставаться на сценѣ иѣмыми личностями, сами начинаютъ уже отъ себя вставлять рѣчи, соответствующія тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ изображаемаго событія. Представленія сперва происходили въ храмѣ. Уваженіе къ священному мѣсту и къ самому дѣйствію, бравшему сюжетъ, какъ уже сказано, изъ Св. исторіи, не позволяло этимъ актерамъ произносить какія-либо комическія или грубыя рѣчи.

Правда, духовная драма не могла еще уничтожить скоморошества; тѣмъ не менѣе, она также пришла по вкусу простому народу, и изъ Рима скоро стала переходить въ другія страны. Распространяясь все болѣе и болѣе, этотъ обычай—объяснять таинства вѣры посредствомъ различныхъ символическихъ обрядовъ—къ XV-му вѣку сдѣлался повсемѣстнымъ во всей Западной Европѣ. Къ этому времени мистерія уже потеряла свой первоначальный видъ; маріонетки стали замѣняться живыми актерами; рѣчи, которыя первоначально читались духовной особою по евангелію, теперь произносятся самими актерами, позволяющими себѣ уже дѣлать кое-какія добавленія въ рѣчахъ, хотя и въ религіозно-нравственномъ духѣ; не остались безъ измѣненія и второстепенныя роли; актерамъ, бравшимъ на себя эти роли, еще раньше была предоставлена нѣкоторая свобода при составленіи своихъ рѣчей. Эта возможность самостоятельнаго творчества нѣсколько оживляетъ дѣйствіе; прежніе краткіе вопросы и отвѣты воиновъ и слугъ замѣняются другими, отличающимися большею жизненностью; въ нихъ попадаются уже остроты; сами актеры позволяютъ себѣ комическія выходы. Духовенство сквозъ пальцы смотрѣло на такую вольность второстепенныхъ актеровъ и даже поощряло ее, такъ какъ видѣло, что, съ одной стороны, насмѣшки надъ Іудой и другими темными лицами мистеріи удовлетворяютъ нравственному чувству зрителей, а съ другой, комическій элементъ позволяетъ нѣсколько отдохнуть чувствамъ, взволнованнымъ представленіемъ страстей Господнихъ и прочихъ потрясающихъ сценъ. Комическая сторона мистерій, поми-

мо нѣкоторой вольности рѣчей, проявлялась также въ изображеніи разныхъ тѣлесныхъ недостатковъ. Въ этомъ комическомъ элементѣ народъ увидѣлъ нѣчто уже знакомое, напоминавшее ему комическіе выходы гистріомовъ, и эта сторона мистерій сразу привлекла къ себѣ вниманіе массы. Веселый смѣхъ и одобрительные возгласы зрителей, не умѣвшихъ по своему южному живому темпераменту скрывать чувства, поощряли актеровъ въ импровизаціи комическихъ рѣчей и остротъ, не имѣвшихъ часто прямого отношенія къ представляемому событію и намекавшихъ скорѣе на разные современные событія. Наконецъ, комическая сторона развилась до того, что духовенство увидѣло въ ней профанацію святыни и почло неприличнымъ дальнѣйшее представленіе духовныхъ драмъ въ церквахъ. Мистерія была перенесена изъ церкви на церковный дворъ и кладбище, а потомъ, когда она стала терять свой религіозный характеръ, подверглась запрещенію и совсѣмъ была изгнана изъ церковной ограды.

Однако, мистерія успѣла уже сильно привиться въ народѣ; духовенство могло запретить представленіе ея въ извѣстномъ мѣстѣ, но совершенно уничтожить ее было уже невозможно. Гонимая духовенствомъ, духовная драма выходитъ изъ церковной ограды и мѣстомъ своего представленія избираетъ площади и наиболѣе многолюдныя улицы ¹⁾.

Эта переměна мѣста значительно содѣйствовала освобожденію мистерія отъ условныхъ клерикальныхъ требованій, что, въ свою очередь, весьма сильно повліяло на измѣненіе формы прежней духовной драмы. Что считалось прежде невозможнымъ въ церковныхъ стѣнахъ, то на улицахъ, среди праздноѣ толпы зѣвакъ приобрѣтаетъ право гражданства. Служа теперь скорѣе къ развлеченію этой толпы, чѣмъ первоначальнымъ цѣлямъ духовенства, драма обращаетъ главное вниманіе на развитіе комическаго эле-

1) Впослѣдствіи іезуиты въ виду своихъ цѣлей нашли необходимымъ ввести представленіе духовныхъ драмъ въ своихъ школахъ. Наша Киевская духовная академія переняла при посредствѣ Польши этотъ обычай. Митр. Евгеній пишетъ: „Въ майскія рекреаціи всѣ ученики и учителя и сторонніе любители наукъ выходили для забавъ на гору Скавыку... Тамъ всѣ забавлялись студенты пѣли канты. Учитель поэзіи для такихъ прогулокъ обязанъ былъ сочинять комедіи или трагедіи, а прочіе учителя діалоги“ (см. „Описаніе Києво-Соч. собора“ прибавл. 223).

мента, больше интересовавшего зрителей своею жизненностью, чѣмъ другая религіозная сторона мистеріи. Этотъ комическій элементъ развился наконецъ до того, что составители новыхъ драмъ считаютъ возможнымъ и даже необходимымъ выдѣлить его въ особня комическія сцены, игравшіяся между актами серьезной духовной драмы. Эти комедіи стали называться „интермедіями“, „интерлюдіями“, а у насъ на Руси—и „между вброшенными забавными игралищами“. *) Первоначально замѣчалась связь между содержаніемъ интерлюдій и содержаніемъ тѣхъ актовъ драмы, за которыми онѣ помѣщались; но потомъ связь эта мало-по-малу теряется и для публики и для самихъ актеровъ; интермедіи являются чѣмъ-то самостоятельнымъ, нисколько независимымъ отъ драмы; поэтому онѣ свободно переставляются одна на мѣсто другой, изъ перваго антракта въ послѣдній и т. д. Наконецъ, интерлюдіи совершенно выдѣляются и играютъ уже не между актами мистеріи, а по окончаніи представленія духовной драмы одна за другой.

Сюжетъ мистерій и послѣ образованія интерлюдій брался по-прежнему изъ Св. писанія; отсюда же брались въ большинствѣ случаевъ и рѣчи для дѣйствующихъ лицъ. По выдѣленіи изъ драмы комическаго элемента, самостоятельное творчество автора уже не можетъ имѣть въ ней мѣста. Поэтому и духовныя драмы, развивающія одни и тѣ же сюжеты, представляютъ собою каждая не нѣчто самостоятельное, а просто болѣе или менѣе подробные варианты одной и той же мистеріи. Условныя границы драмы не позволяли ей развиваться; она осуждена была на застой. Но такъ какъ интересъ зрителей обращенъ былъ, главнымъ образомъ, на комическія интермедіи, игравшіяся послѣ драмы, то актеры старались сократить по возможности представленіе мистерій, сокращая рѣчи дѣйствующихъ лицъ, а иногда и выбрасывая цѣлые акты. Такимъ образомъ, въ духовныхъ драмахъ замѣчается уже регрессивный, такъ сказать, ростъ: въ то время какъ комическая сторона драмы съ теченіемъ времени развивается и получаетъ наконецъ право на самостоятельное существованіе,

*) Одна изъ интермедій, находящихся въ рукописи Имп. Публ. Библ., указанной Пекарскимъ, называется : „Интерлюдія или между вброшенная забавная игралища“.

духовная, религіозная сторона все болѣе и болѣе уменьшается въ своемъ объемѣ; постепенно выпадаютъ въ ней дѣйствующія лица, явленія и цѣлые акты; наконецъ, она сводится къ *mini-mum* у: въ „Живомъ Вертепѣ“ остался всего одинъ актъ (избѣженіе младенцевъ и смерть Ирода) изъ прежней длинной драмы Рождества Спасителя.

Совершенно въ иномъ положеніи находились интермедіи, на сторонѣ которыхъ было полное сочувствіе зрителей. Фантазія и юморъ автора, создававшего интерлюдіи не были стѣснены традиціями и условными границами, которыхъ онъ не смѣлъ переступить, какъ это было въ духовной драмѣ. Эта свобода позволяла интермедіямъ развиваться и въ количественномъ отношеніи—со стороны содержанія.

Мистеріи предназначались преимущественно для простаго народа; понятно по этому, что сюжетъ для интерлюдій брался изъ простонародной жизни, какъ болѣе понятной и интересной для зрителей. Въ интерлюдіяхъ выводились типы, съ которыми народу приходится чаще всего сталкиваться. Актеры въ игрѣ своей старались подражать наружности, манерамъ и языку выводимаго на сцену типа. Такимъ образомъ, интерлюдіи отличаются отъ собственно духовной драмы, во 1-хъ, своимъ комическимъ элементомъ, и, во 2-хъ, изобиліемъ жизненныхъ бытовыхъ чертъ.

Что касается комическаго элемента интерлюдій, то онъ, въ большинствѣ случаевъ, стоитъ въ нихъ не на особенно высокой ступени: герои тузятъ другъ друга, спотыкаются, падаютъ, острятъ довольно грубо и часто очень недвусмысленно. Для вслѣдователя эта сторона интермедій представляетъ не столько интереса сколько другая—бытовая.

Драма вообще болѣе чѣмъ другіе виды поэзіи—эпосъ и лирика, способна передавать жизнь, такъ какъ, помимо рѣчей, въ ней еще является и дѣйствіе. Интерлюдіи „всегда писались на народномъ языкѣ, часто съ соблюденіемъ провинціальныхъ говоровъ, и часто представляли вѣрныя картины обыденной жизни народа“. *) Поэтому онѣ представляютъ собою весьма важный матеріалъ для всякаго, кто бы желалъ познакомиться съ жизнью на-

*) Н. Тихонравовъ: „Трагикомедія“ О. Прокоповича: „Владимиръ“. Ж. М. Н. Пр. 1879 г. май.

роде и его взглядами на міръ другого общества, съ которыми ему приходится такъ или иначе сталкиваться.

Раньше мы сказали, что собственно духовная драма была подчинена извѣстнымъ границамъ и традиціямъ. Нельзя сказать, чтобы и интерлюдіи были совершенно свободны отъ всякой традиціи: традиціонными въ нихъ являются новаторящіеся излюбленные народомъ типы. Такими постоянными типами интермедій являются—у итальянцевъ панталонъ, типъ простоватаго, добродушнаго отца, бригелла—слуга плутъ, арлекинъ—слуга простака; любимымъ типомъ французскихъ интерлюдій является Jean Fagine, нѣмецкихъ—Hanswurst; у поляковъ на сценѣ фигурируютъ церковный сторожъ (клеха), заступившій мѣсто итальянскаго арлекина, забіяка солдатъ, трусъ еврей, обирающій простой народъ; въ малорусскомъ вертепѣ въ большинствѣ случаевъ выводятся хвастунъ полякъ, трусливый жидъ, цыганъ—лошадиный барышникъ, иногда и простой мужикъ,—вообще лица, съ которыми всего чаще приходится малороссу сталкиваться; но особенной любовью малорусскихъ интермедій пользуется запорожець, совершающій на сценѣ разные подвиги: онъ вполне безнаказанно бьетъ жидовъ, не даетъ спуска и самому чорту, издѣвается надъ хвастливыми поляками, ретирующимися со сцены при однихъ звукахъ его голоса. Такимъ образомъ, и интерлюдіи не лишены своего рода традиціи. Но эта традиція ничуть не мѣшала имъ развиваться. Возьмемъ для примѣра малорусскій вертепъ. Хотя въ малорусскихъ интермедіяхъ, въ большинствѣ случаевъ, выводятся одни и тѣ же дѣйствующія лица, тѣмъ не менѣе съ теченіемъ времени, когда измѣнялись отношенія извѣстной націи или сословія къ мужику-малороссу, измѣнялся сообразно съ этимъ и характеръ выводимаго на сцену типа; съ теченіемъ же времени та или другая нація переставала играть роль въ исторіи Малороссіи; тогда и ея представитель мало-по-малу изглаживался въ памяти народа и сходилъ со сцены, какъ типъ уже отжившій, не понятный зрителямъ; наконецъ, малороссу приходится сталкиваться въ своей жизни и съ новыми націями, къ которымъ онъ прежде не имѣлъ никакого отношенія, и вотъ на сценѣ появляются новые типы. Итакъ, мы видимъ, что интерлюдіи, имѣя дѣло съ жизнью народа, этимъ самымъ освобождены отъ того застоя, на который осуждена собственно духовная драма: отжившее, не представляющее болѣе интереса народу, схо-

дять со сцены; новое, интересующее зрителей, получаетъ право гражданства; наконецъ, старые удержавшіеся на сценѣ типы могутъ измѣнять съ теченіемъ времени свои черты.

Разсматривая выводимые въ интерлюдіяхъ малорусскихъ вертеповъ типы, ихъ характеры и взаимныя отношенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ знакомиться со взглядами нашего народа на характеръ той или другой націи и съ взаимными отношеніями представителей этой націи и малоросса. Съ этой именно стороны мы и намѣрены прослѣдить типы, выводимые въ „Живомъ Вертепѣ“.

Текстъ „Ж. Вертепа“ записанъ, какъ выше указано, въ г. Нѣжинѣ со словъ одного николаевского солдата Александра Збронскаго (роломъ изъ с. Тульчина, Каменецъ-Подольской губ., Брацлавскаго у.), который при представленіи Ж. Вертепа игралъ роль Спекулятора, но вслѣдствіе частыхъ представленій заучилъ и остальные роли. Збронскій, прослуживъ долгое время у разныхъ господъ и въ казенномъ заведеніи, считаетъ своею обязанностью говорить „по-господски“, вслѣдствіе чего у него получается смѣсь малорусскихъ словъ и формъ съ великорусскими. Текстъ „Ж. Вертепа“ записанъ отъ него буквально, безъ всякихъ поправокъ или измѣненій. По словамъ Збронскаго, „Ж. Вертепъ“ былъ составленъ солдатомъ Котляревскимъ, теперь уже умершимъ (роломъ изъ м. Носовки Нѣжинскаго у.). Этотъ Котляревскій бралъ на себя обыкновенно роли Ирода и Мужика; онъ же былъ и сценаріусомъ и гримировщикомъ, завѣдывалъ бутафорскими принадлежностями. Представленія происходили на Рождественскихъ святкахъ. Солдаты брали у своего начальства разрѣшеніе и отправлялись съ кулисами (ширмами) и прочими театральными принадлежностями по домамъ жителей города. Солдатъ, игравшій роль Донскаго Казака, входилъ въ домъ и, показавъ разрѣшеніе, спрашивалъ, желаютъ ли хозяева видѣть ихъ игру. Получивъ согласіе, солдаты-актеры сперва пѣли въ комнатѣ „Рождество твое“ и „Дѣва днесъ“, затѣмъ разставлялись ширмы, переодевались—и представленіе начиналось.

Сравнивая „Ж. Вертепъ“ съ другими вертепными представленіями, записанными, напр., Маркевичемъ ¹⁾, Галаганомъ ²⁾ и Ча-

¹⁾ въ его „Обычаяхъ, повѣрьяхъ... малороссовъ“.

²⁾ „Кіевская Старина“, октябрь, 1882 г.

лымъ¹⁾, мы видимъ, что Котляревскій, если только действительно онъ былъ составителемъ „Ж. Вертепа“, знакомъ былъ съ существовавшими раньше подобными вертепами; какъ сюжетъ, такъ и нѣкоторые типы почти буквально сходны съ содержаніемъ и типами указанныхъ вертеповъ. Тѣмъ не менѣе, на нѣкоторыхъ типахъ „Ж. Вертепа“ видна рука уже позднѣйшаго автора, быть можетъ, самого же Котляревскаго.

Въ 1-ой части „Ж. Вертепа“, собственно мистеріи, мы не находимъ ничего особенно важнаго, новаго; сюжетъ ея,—избіеніе Иродомъ младенцевъ и смерть его самого,—изображается почти въ такихъ же чертахъ, какъ и сюжеты другихъ сохранившихся мистерій, представляющихъ Рождество Спасителя и обстоятельства, сопровождавшія его. У Маркевича, напр., мы находимъ почти тѣхъ же дѣйствующихъ лицъ: Ирода, одѣтаго въ красный кунтунъ (въ „Ж. В.“ въ мантию), съ короной на головѣ и скипетромъ въ рукахъ, повелѣвающаго совершить избіеніе младенцевъ; Рахиль, ребенка которой убиваетъ воинъ; Смерть съ косою въ рукахъ и т. д.

Большей самостоятельностью, независимостью отъ прежнихъ, извѣстныхъ, по крайней мѣрѣ, образцовъ можетъ похвалиться вторая часть „Ж. Вертепа“. Сравнивая ее съ другими интермедіями, мы, съ одной стороны, не находимъ въ ней типовъ, раньше выводившихся на сцену, за то съ другой—появляются новые типы; наконецъ, нѣкоторые типы, попадавшіеся въ прежнихъ интермедіяхъ, въ „Ж. Вертепѣ“ подъ вліяніемъ времени измѣняютъ нѣ сколько свой характеръ.

Къ исчезнувшимъ типамъ принадлежитъ, прежде всего, Запорожець. Память о славномъ Запорожці и его разгульныхъ дѣтяхъ мало-по-малу исчезаетъ въ нашемъ народѣ. Знаменательными въ этомъ отношеніи являются слова кобзаря Ивана Крюковского: теперь „люде старихъ пісень и не слухають. Що прежде старики колись звали співать імъ, а теперъ молоді все позабували; ему співай про старовину, а вінъ не знає, що воно такъ и є“.²⁾ Дѣйствительно, память о прежнихъ народныхъ герояхъ и ихъ дѣявіяхъ ослабѣваетъ уже среди простыхъ малороссовъ; ослабѣваетъ поэтому и интересъ къ этимъ героямъ; этимъ отчасти

1) „Воспоминованія М. К. Чалаго.“ „Кіевская Старина“ 1889 г., январь.

2) „Кіев. Стар.“ 1882 г., дек. 485.

можно объяснить фактъ постепеннаго вымирания кобзарей—пѣвцовъ забываемой, мало уже извѣстной народу старины. Исчезаетъ память не только объ отдѣльных герояхъ, но даже о цѣломъ Запорожьи, этомъ мѣстѣ спасенія малороссовъ отъ всевозможныхъ бѣдъ. Правда, имя запорожца еще сохранилось въ устахъ народа, но уже не съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ оно связывается въ головѣ человека, слыхавшаго про нашихъ сѣчевиковъ; на малорусскихъ свадьбахъ, во время раздачи коровай, часть его отдается „запорожцямъ“, т. е. лицамъ, находящимся не въ хатѣ, а въ сѣняхъ и во дворѣ, вообще — „за порогомъ“ хаты.—Понятно поэтому, что Запорожець, выведенный въ „Ж. Вертепѣ“, явился бы анахронизмомъ. Тѣмъ не менѣе, отличительныя черты гуляваго рыцаря украинскихъ степей сохранены въ „Живомъ Вертепѣ“, только онѣ перенесены уже на Донского Казака. Подобно Запорожцу прежнихъ интерлюдій, Донской Казакъ—гуляка, не любящій никому ни въ чемъ уступать; онъ не прочь побаловаться съ дѣвушками, хотя и не приходитъ въ отчаяніе подобно Лыпарю (о немъ см. ниже), въ случаѣ неудачи; не тужить онъ, попавъ въ бѣду, подсмѣивается надъ собой и другими; Д. Казакъ любитъ свою Украину въ особенности за то, что въ ней не встрѣчаются ни татары, ни ляхи, ни жидаы—вѣчные враги малоросса. Эту вражду малоросса къ полякамъ, татарамъ и евреямъ находимъ мы и въ другихъ интермедіяхъ. Такъ, въ одномъ драматическомъ произведеніи ¹⁾, довольно вѣрно рисующемъ отношенія Малороссіи къ Польшѣ, говорится, между прочимъ:

¹⁾ Составлено оно, по мнѣнію Н. Петрова („Кіевск. Иск. Литер. XVIII в.“ Тр. К. Д. Ак. 1879 г. окт.), Θεοφανомъ Трохимовичемъ; по мнѣнію другихъ (Максимовича)—Θεοφανомъ Прокоповичемъ (см. „Малороссія въ исторіи ея литературы“ Ив. Прижова). Полное заглавіе этого произведенія такое: „Милость Божія Украинну отъ неудобъ носимыхъ обидъ людскихъ чрезъ Богдана Зановія Хивльнянцаго преславнаго войска Запорожскихъ гетмана свободившая и дарованными ему надъ ляхами побѣдами возвеличившая, на незабвенную толкихъ его щедротъ память репрезентованная въ училищахъ кіевскихъ въ 1728 году.“ Максимовичъ полагалъ, что эта драма написана была во время пребыванія въ Москвѣ малор. гетмана Данила Апостола (Чтен. 1859. I, 77), Издана Бодинскимъ въ „Чт. Им. Общ. Ист. и Др.“ 1858, Антоновичемъ и Драгомановымъ при II. т. „Ист. пѣс. мал. нар.“ и въ I т. собраніи сочиненій М. А. Максимовича; выдержки помѣщены въ указанной статьѣ Петрова.

Чого намъ не дѣлають ляхи и зъ жидами!
 Честь и славу въ нивочто нашу обращають,
 Козацкое потребить имя помышляють“.

Казаки за всѣ свои услуги полякамъ отъ нихъ
 Терпѣли толикіе, толь тяжкіе бѣды:
 Грабленія, насильства, утиски, досады,
 Узы и прочая...“

Поляки больше другихъ враговъ принесли зла казакамъ. Одни только жида могутъ сравняться въ этомъ отношеніи съ поляками. Въ „Истор. пѣсняхъ малор. народа“ (т. II, стр. 25·26). читаемъ:

...Стали жида великій одкуп давати—
 Стали один од одного на мило оранди становити...
 Як іде українській козакъ, то й корчму минає,
 А жид вибігає, та українського козака за чуб хватає,
 Та ще ёго двома кулаками по потилиці затинає...
 Коло українського козака всю зброю одбирає...

Рельефно рисуется звѣрскія отношенія поляковъ къ малороссамъ и другой писатель первой половины XVIII в. Митрофанъ Довгалева въ интерлюдіяхъ къ своимъ мистеріямъ. „Здѣсь безчеловѣчныя отношенія поляковъ къ бѣлорусскимъ и украинскимъ „хлопамъ“ представлены такъ ярко, что не смотря, на комическій характеръ интерлюдій, онѣ скорѣе производятъ трагическое впечатлѣніе и возмущаютъ читателя до глубины души. Такова особенно пятая пасхальная интерлюдія, представляющая слѣдующую сцену: ляхъ вывозитъ мужика въ клѣткѣ на торгъ и запродадетъ жида за 100 злотыхъ!“¹⁾ Подобныя жестокости поляковъ возбудили въполнѣ справедливую ненависть въ нашемъ народѣ, память о которой только теперь начинаетъ исчезать. Но жива еще ненависть малоросса къ жидамъ, такъ какъ и теперь еще иногда—

„Жидамъ кланяются и шапку въ рукахъ носятъ
 Передъ ними, и ихъ якъ пановъ якихъ просятъ.“²⁾

Наравнѣ съ жидами и поляками казакамъ приходилось бороться и съ татарами; и хотя эта борьба со степными хищниками

¹⁾ Петровъ: „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Киевской Академіи...“ Тр. К. Дух. Ак. 1866 г. ноябрь.

²⁾ „Милость Божія“ и пр.

давно прекратилась, однако, память объ ихъ набѣгахъ сохранилась еще отчасти среди малороссовъ наряду съ памятью объ еврейскихъ грабежахъ и насиліяхъ поляковъ. И вотъ отзвуки этой памяти мы и находимъ въ словахъ Д. Казака:

Да немає лучше,
Да немає краще,
О якъ у насъ на Украини,

что не повидышъ ни жыда, ни ляха ни того... татарына."

Близкій вариантъ этой пѣсни мы находимъ въ вертепахъ Маркевича и Галагана. Но она имѣетъ совершенно иное значеніе въ устахъ Запорожца и въ устахъ Д. Казака. Въ вертепѣ Галагана эта пѣсня Запорожца раздается сейчасъ же захватливыми словами поляка, который, слышавъ ее, убѣгаетъ; здѣсь она является какъ бы отрицательнымъ отвѣтомъ на угрозу поляка, что онъ

„Еденъ тшидзеги гайдамакъ забіе!"

При другихъ обстоятельствахъ поется она въ „Живомъ Вертепѣ" и оттого получаетъ совершенно иное значеніе: не успѣваетъ Д. Казакъ произнести послѣднихъ словъ пѣсни, какъ на сценѣ появляется жидъ, который какъ своимъ появленіемъ, такъ и дальнѣйшей прдѣлкой съ пьянымъ казакомъ какъ-бы наглядно доказываетъ, что этотъ взглядъ на окончательное освобожденіе Малороссіи отъ ея враговъ пока еще не болѣе, какъ не соответствующая дѣйствительности утопія. Правда, въ „Ж. Вертепѣ" не выводится ни полякъ, ни татаринъ, — ихъ роль по отношенію къ Украинѣ отошла уже въ вѣчность; народъ можетъ вспоминать о нихъ въ пѣсняхъ, преданіяхъ, но не станетъ выводить въ драмѣ, которая имѣетъ дѣло непосредственно съ текущей жизнью; но зато авторъ (который, замѣтимъ, въ этомъ мѣстѣ высказалъ замѣчательное сценическое чутье) очень кстати вывелъ на сцену еврея, который далеко еще не потерялъ и теперь своего значенія въ Малороссіи и который поэтому теперь еще вользуется народною нелюбовью, проявившейся хотя-бы въ послѣднемъ „жидотрепаніи". Конечно, евреи теперь не имѣютъ той силы, какою пользовались они при полякахъ; они теперь не могутъ открыто издѣваться надъ мужикомъ и обирать его; сцены, гдѣ жидъ покупаетъ мужиковъ и вяжетъ имъ руки и ноги (см. интерлюдіи М. Довгалевскаго), для нашего времени были бы анахронизмомъ; поэтому

жидъ, выводимый въ „Ж. Вертепъ“, уже не имѣетъ тѣхъ чертъ самонадѣянности, какія мы видимъ въ прежнихъ интерлюдіяхъ; не видя себѣ посторонней поддержки, онъ лично нападаетъ на врага только безпомощнаго, опоеннаго водкой; прежнее нахальство его значительно поубавилось; сравнительно поубавилась вслѣдствіе этого и ненависть къ нему малоросса: въ вертепахъ Галагана и Чалаго Запорожець убиваетъ Жиду, между тѣмъ какъ въ „Ж. Вертепѣ“ Д. Казакъ только наноситъ ему удары: народъ уже не требуетъ кровавой мести; да и самые удары, которыми награждаетъ Казакъ пойманнаго на мѣстѣ преступленія Жиду, скорѣе, чѣмъ дѣйствительное наказаніе, представляютъ собою насмѣшку надъ храбрымъ потомствомъ Израиля, насмѣшку, которая часто проявляется у простого народа въ обращеніи съ евреями.

Въ Жидѣ „Ж. Вертепа“ сохранена характерная черта евреевъ вообще—страсть къ наживѣ безъ разбора средствъ; пользуясь минимымъ опьяненіемъ Казака, онъ хочетъ обобрать его. Намъ кажется, что эта сцена отзывается гораздо болѣе жизненною правдою, чѣмъ подобная же сцена въ вертепѣ Галагана, гдѣ еврей не обираетъ, а душитъ колѣнками охмѣлѣвшаго Запорожца.

Въ вертепѣ Галагана выводится между прочимъ уніатскій попъ. Въ прошломъ столѣтіи этотъ типъ былъ понятенъ народу; но въ „Живомъ Вертепѣ“ уніатскій попъ, какъ непонятный и неинтересный для зрителей, уже не появляется.

Непоявляется, повидимому, въ „Ж. Вертепѣ“ и типъ поляка, такъ какъ поляки не имѣютъ теперь большого значенія особенно для восточной, лѣвобережной половины Украины. Но намъ кажется, что Наполеонъ, являющійся въ 2-мъ дѣйствиі, отчасти замѣнилъ собою поляка прежнихъ интерлюдій. Въ самомъ дѣлѣ, отличительная черта Наполеона „Ж. Вертепа“—хвастливость; эта же черта считается и особенностью поляковъ.

—„По ты, не эдукована кобито, мувишь?

Якъ Бога кохамъ,

Еденъ тшидзести гайдамакъ забіе!“—

хвастливо и гордо отвѣчаетъ полякъ своей жентѣ на ея предложеніе спрятаться съ гайдамакъ; но слышавъ только голосъ Запорожца, онъ быстро удираетъ со сцены ¹⁾. Такою же гордостью и пустою хвастливостью отзываются и слова Наполеона:

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1882 г. окт.

„На престолѣ сяду и всѣ земли забираю...

А я возьму трость и державу, и почтутъ меня королѣмъ,
земнымъ богомъ“.

Но его похвальба оказывается пустою: этого земного бога оставляетъ въ дуракахъ простой, плюгавый съ виду мужикъ. Самая форма обращенія Наполеона: „дуракъ мужикъ!“ напоминаетъ презрительное отношеніе полка къ „хлопу“, который въ его глазахъ не болѣе, какъ псы-кровь. Такимъ образомъ, Наполеона, какъ кажется, не слѣдуетъ считать вполнѣ новымъ типомъ; это, вѣроятно, тотъ же польскій павъ, только принявшій образъ французскаго императора. Впрочемъ, въ начальномъ монологѣ 2-го дѣйствія находимъ намеки и на дѣйствительнаго Наполеона (ироническій намекъ на Москву, помѣщенный вслѣдъ за хвастливыми словами о неограниченномъ могуществѣ императора¹).

Въ прежнихъ интерлюдіяхъ (напр., у Довгалевскаго), если и выводился на сцену простой народъ, то, въ большинствѣ случаевъ, въ роли обижаемаго ²). Въ вертепѣ Галагана Климиъ, представитель простого народа, уже грозитъ цыгану и дурачить „кондяка“ (дьяка), отдавъ ему вмѣсто денегъ за правоученіе сына свинью, у которой „ребра такъ и сѣются“.

„Отъ бачъ, жінко, що я можу! —

хвастаетъ послѣ этого Климиъ:

Свиньяка-бъ и дома пропала,

А дяку платитъ за сина пора настала,

Теперь же ми зъ нимъ рощитались

И цілі гроші въ насъ остались“.

Но „нельзя не замѣтить, — совершенно вѣрно пишетъ г. Галаганъ, — что какъ въ первой сценѣ свѣтской части вертепнаго представленія, такъ и въ сценѣ Клима съ его бѣднымъ хозяйствомъ, простолюдинъ изображенъ скорѣе съ оттънкомъ комическимъ, чѣмъ юмористическимъ: это, вѣроятно, произошло отъ того, что составители вертепнаго представленія того времени чувствовали себя по развитію своему неизмѣримо выше

¹) Непонятно только, зачѣмъ здѣсь рядомъ съ Москвою упоминается Полтава; не свѣшивается ли съ Наполеономъ Карлъ XII, для котораго Полтава была такимъ же роковымъ мѣстомъ, каковыиъ для Наполеона Москва?

²) Такъ, навъ колотять латина; полкаъ продаетъ жиду мужиковъ; мужика обманываютъ московскіе яриги.

³) „Кіев. Стар.“ 1882 г. окт.

посполитаго мужика, на котораго смотрѣли скорѣе съ чувствомъ снисхожденія, чѣмъ съ какимъ либо другимъ чувствомъ". Цель-зя сказать, чтобы одно только чувство снисхожденія руководило авторомъ „Ж. Вертепа," когда онъ выводилъ своего мужика. Правда, и этотъ мужикъ съ виду неказистъ; но его виѣшняя неказистость имѣетъ свое значеніе: она еще въ болѣе яркихъ чертахъ представляетъ, въ какихъ дуракахъ остался „панъ". Мужикъ уже не выводится вѣчнымъ „попихачемъ жидівськимъ"; прикинувшись дуракомъ, онъ довольно дерзко говорить съ паномъ, называетъ его своей свиньей, суетъ Наполеону подъ самый носъ палку и уходитъ, потѣшившись вдоволь надъ прежнимъ своимъ „земнымъ богомъ". Мужикъ здѣсь является какъ бы мстителемъ, незлобнымъ, правда, за свое прежнее униженіе.

Въ типѣ Цыгана и Цыганки отмѣчена, главнымъ образомъ, одна характерная черта пыганъ—ихъ попрошайничество. Роль цыганки; въ „Ж. Вертепѣ" та же, что и нишаго Савочки въ вертепахъ Галагана и Чалаго: собираніе подаваній.

Совершенно самостоятельнымъ, не имѣющимъ, кажется, ничего аналогичнаго себѣ въ прежнихъ интермедіяхъ, является все 4 дѣйствіе. Лыцарь и Дѣвушка—это дань романтическимъ требованіямъ первой половины XIX в.; самые типы эти составлены, новидимому, подъ сильнымъ вліяніемъ „новѣйшихъ пѣсенниковъ". Любовь въ прежнихъ интермедіяхъ не играла особенно видной роли: если Запорожецъ заигрываетъ иногда съ шинкаркой Фесей (вертепъ Галагана), то онъ скоро и прогоняетъ ее отъ себя; если онъ называетъ ее по временамъ нѣжными именами: „Фесю, сердце, голубко", то немедленно же угощаетъ ее и совершенно обратными эпитетами: „Відчини, капостна халява"... Любовь не имѣетъ здѣсь кровавой развязки.—Въ „Живомъ Вертепѣ" на любви основано все 4 дѣйствіе, оканчивающееся гибелью дѣвушки; любовь здѣсь не является уже забавой отъ скуки: Лыцарь жалуется, что влюбившись онъ сдѣлался навсегда несчастнымъ; только „среди войны кровавой" надѣется онъ освободиться отъ своей безнадежной любви.—Впрочемъ, и зрители и актеры чувствуютъ всю неестественность этого дѣйствія, что видно изъ послѣднихъ юмористическихъ словъ, раздающихся изъ-за ширмъ послѣ похоронной пѣсни.

А Малинна.

Очерки Пошехонья.

1. Семейные нравы и обычаи.

1. Отношеніе къ женщинамъ. Бракъ.

Крестьянская женщина въ Пошехонскомъ уѣздѣ въ большинствѣ случаевъ почти вполне равноправна мужчинѣ. И не удивительно: въ мѣстномъ хозяйствѣ она бываетъ во многомъ полезнѣе даже мужчины. Обязанности жены по дому, въ которыя мужъ уже не вступаетъ, состоятъ въ обшиваньи семьи, уходѣ за дѣтьми, стряпнѣ, уборкѣ и примывкѣ избы и, наконецъ, обработкѣ льна. Работы по сельскому хозяйству ведутся женою наравнѣ съ мужемъ. Во время ухода мужей на отхожіе промыслы многія женщины исправляютъ всѣ домашнія работы, какъ мужскія, такъ и женскія: ѣздятъ за дровами, за сѣномъ, а нѣкоторыя даже и ороютъ пашню. Неудивительно, что женщина, особенно хорошая хозяйка, пользуется глубокимъ уваженіемъ. Жена является, согласно мѣстнымъ обычаямъ, представительницею интересовъ мужа съ правомъ голоса на волостныхъ и сельскихъ сходахъ.

Нарушеніе цѣломудрія замужнею женщиною въ прежнее время встрѣчалось очень рѣдко, и на него смотрѣли, какъ на страшное преступленіе. Въ послѣднее время невѣрность со стороны мужа или жены стала появляться чаще и чаще. Зачастую можно услышать нынѣ въ народѣ поговорки: „не лужа — достанется и мужу“; „не мыло — не смылится“... На нарушеніе цѣломудрія дѣвучкою народъ смотритъ не такъ презрительно, какъ на прелюбодѣяніе; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ варушеніе цѣломудрія дѣвучкою считается дѣломъ пустяковиннымъ; поговорки: „чего хочется — нѣколи не грѣхъ“, „все равно червяки съѣдятъ“ (т. е. тѣло) и т. п., — можно слышать нерѣдко изъ устъ народа. Федосѣевцы,

странники и филипповцы вообще не считаютъ плотскаго сожитія съ жѣмъ либо за грѣхъ: ови говорятъ, что гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Всѣ эти согласы существуютъ во многихъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда. Нѣкоторые изъ раскольниковъ плотское сожитіе называютъ даже „Христовой любовью“.

Заключеніе браковъ и до сихъ поръ сопровождается многими обычаями и обрядами, хотя всѣ эти обычаи и обряды съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе исчезаютъ изъ памяти народа ¹⁾: въ настоящее время ови выполняются во всей своей цѣлости очень и очень рѣдко. Напротивъ, въ послѣднее время все чаще и чаще стали устраиваться между крестьянами свадьбы безъ всякой помпы—безъ дѣвичника, безъ поѣздовъ, и даже безъ столовъ. Пріѣдетъ женихъ къ священнику, переговорить о чемъ нужно, и въ назначенный день пріѣзжаетъ въ церковь только вдвоемъ съ невѣстой, прихвативъ развѣ только дружку или сваху. Съ одной стороны нельзя не порадоваться такому явленію, такъ какъ свадебные расходы, не говоря уже о ихъ непроизводительности, очень часто бываютъ совершенно непосильны для крестьянскаго бюджета.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда (напр. на Уятонѣ); для избѣжанія свадебныхъ расходовъ, давно уже практикуются такъ называемыя свадьбы „самоходки“ или „самокрутки“. Родители жениха и невѣсты, сдѣлавъ между собою все дѣло секретно, поручаютъ жениху увезти свою нареченную невѣсту и обвѣнчаться съ нею тайкомъ, обставивъ все дѣло такъ, какъ будто свадьба произошла противъ желанія и воли родителей. При такой постановкѣ дѣла, конечно, не можетъ быть и рѣчи о свадебныхъ пирахъ, и въ карманѣ молодыхъ остается нѣсколько десятковъ рублей, не говоря уже о томъ, что они избѣ-

¹⁾ Описаніе крестьянской свадьбы въ Пош. уѣздѣ можно найти въ ст. С. Я. Дерунова „Крестьянская свадьба“. Труды Яр. Стат. Ком. V в. 1869 г. Ярославль. Нѣкоторыя данныя объ этомъ предметѣ можно найти въ ст. „Крестьянская свадьба въ Ярослав. губ.“ (Яр. Губ. Вѣд. 1891 г. № 40 и дальнѣйшіе), статья, составленной на основаніи матеріаловъ, собранныхъ въ Ростовскомъ у. Я. Ивановскимъ, Пошехонскомъ—А. В. Валовымъ, Любимскомъ—Милославновымъ, Ярославскомъ—В. Мухинымъ, С. Борнеоглабскомъ—С. Секоловымъ и Рыбинскомъ—Георгіевскимъ и Родосскимъ. Статья эта нечтативемъ не окончена, печатаніе ея прекращено въ началѣ ея. Помѣщая описаніе свадьбы въ Пошехонскомъ уѣздѣ, мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ южную часть Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи.

гаютъ долговъ, которые приходится иногда выплачивать по нѣскольку лѣтъ.

Нельзя, конечно, не одобрить появившееся за послѣднее время между крестьянами это стремленіе избѣжать свадебныхъ расходовъ не по средствамъ, но въ то же время нельзя не указать и на другую сторону современной крестьянской свадьбы, гдѣ мы видимъ факты далеко не желательные.

Такъ, напр., со времени введенія всеобщей повинности парни въ нашей мѣстности избѣгаютъ жениться ранѣе достиженія 21 года, т. е. до отбыванія воинской повинности, а обыкновенно, отбывъ эту повинность, вступаютъ въ бракъ 26—27, а нерѣдко и 30 лѣтъ. Нелишнимъ считаемъ въ данномъ случаѣ подтвердить наши слова для примѣра цифрами относительно возраста бракосочетавшихся въ приходѣ села Борисоглѣбскаго на Согѣ, Трушковской волости. Въ означенномъ приходѣ изъ всѣхъ мужчинъ, сочетавшихся бракомъ, было не старше 21 года: въ 1865 г.—50%, въ 1866 г.—50%, въ 1867 г.—71%, въ 1868 г.—45%, въ 1869 г.—55%, тогда какъ въ 1884 г.—33%, въ 1885 г.—30%, въ 1886 г.—13%, въ 1887 г.—22%, въ 1888 г.—26%. Такое явленіе, конечно, нельзя назвать желательнымъ ¹⁾.

Въ устройствѣ крестьянской свадьбы немаловажное значеніе имѣетъ экономическая сторона. Женихъ, т. е. задумавшій жениться молодецъ, повысмотрѣвъ дѣвицъ и намѣтивъ подходящую для себя невѣсту, обращаетъ свое вниманіе и на ея приданое. Съ другой стороны и родители жениха не выдадутъ дочь свою, не узнавши нѣсколько жениха и его достатковъ.

Высматриваніе невѣсты служитъ обыкновенно прологомъ къ крестьянской свадьбѣ. Производится оно обыкновенно на хоро-водныхъ гуляньяхъ, гдѣ они сохранились, а больше на зимнихъ дѣвичьихъ „бесѣдахъ“, „свозахъ“, или собраніяхъ, на которыхъ

¹⁾ Мы беремъ цифры изъ оофициальныхъ документовъ (обычныхъ книгъ) к. села Борисоглѣбскаго. Подобное же явленіе замѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ уѣзда. Желательно бы было имѣть по данному вопросу свѣдѣнія изъ большаго района. Свѣдѣнія о бракосочетавшихся, получаемыя отъ священниковъ мѣстными статистическимъ комитетомъ, не могутъ въ данномъ случаѣ имѣть большаго значенія, такъ какъ въ нарочкахъ, рассылаемыхъ ежегодно комитетомъ, возрастъ вступающихъ определяется пятилѣтними: съ 18—20, 20—25, 25—30 лѣтъ и т. д.

больше гуляетъ задумавшій жениться молодецъ. Замѣтимъ здѣсь, что обычная практика, руководствуясь хозяйственными расчетами, приурочила совершеніе свадебъ преимущественно къ зимнему мясоѣду, какъ къ самому свободному для крестьянъ времени. Бываютъ, конечно, свадьбы и въ другое время, но въ какихъ нибудь экстренныхъ случаяхъ и по требованію особыхъ обстоятельствъ.

Пока женихъ развѣзжаетъ по окрестнымъ деревнямъ, гуляетъ на бесѣдахъ и собраніяхъ, родители и близкіе родственники его, путемъ различныхъ справокъ и развѣдокъ черезъ разныхъ кумушекъ и сватушекъ, стараются разузнать объ окрестныхъ невѣстахъ, о характерѣ ихъ, о достаткахъ и довольствѣ ихъ родителей. Приданое невѣсты въ большинствѣ случаевъ является необходимымъ условіемъ и чѣмъ богаче женихъ, тѣмъ выше предъявляемая имъ имущественныя требованія. Въ свою очередь и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ со стороны жениха дается „выводъ“ отцу и матери невѣсты, какъ вознагражденіе за потерю рабочей силы. Впрочемъ, обычай давать выводъ за послѣднее время все болѣе и болѣе падаетъ. Размѣръ вывода простирается отъ 30 до 100 и болѣе рублей.

Намѣтивши себѣ невѣсту, въ большинствѣ случаевъ изъ дѣвицъ окрестныхъ деревень, женихъ начинаетъ и открытое свадебное дѣло. Начинается оно почти всегда такъ называемыми „смотринами“ невѣсты. Въ сопровожденіи родителей и близкихъ родственниковъ женихъ пріѣзжаетъ въ ту деревню, гдѣ живетъ намѣченная имъ невѣста, пріѣзжаетъ обыкновенно къ бесѣдѣ (т. е. къ 6—7 часамъ вечера), куда всѣ тотчасъ и отираются. Если дѣвушка понравилась родителямъ жениха, то въ этотъ же вечеръ, или самое болѣе на другой день, къ родителямъ избранницы посылается „сватуня“ ¹⁾, которая и объявляетъ имъ, что товаръ любъ купцу. Сватуня, уговорившись съ родителями невѣсты, оповѣщаетъ затѣмъ жениха о днѣ „смотрины“.

На смотрины женихъ пріѣзжаетъ обязательно съ отцомъ и съ матерью. Угощеніе жениху и его роднымъ предлагаетъ невѣста. Во

¹⁾ Не слѣдуетъ смѣшивать со свахой, официальнымъ лицомъ въ свадебной церемоніи.

время смотринъ показывается жениху и его родителямъ приданое невесты, а также рѣшается вопросъ о количествѣ приданого и о выводахъ, если онъ принять въ данной мѣстности. Если та и другая сторона въ означенныхъ вопросахъ сойдутся, то назначается день, когда родители невесты должны пріѣхать смотрѣть „домъ жениха“.

Въ назначенный день родители невесты пріѣзжаютъ къ жениху и осматриваютъ его достатки, начиная съ дома и кончая рогою и сараями. Всему дѣлается самый тщательный осмотръ. Ни до осмотра, ни во время его пріѣхавшіе отъ родителей жениха никакого угощенія не принимаютъ и даже не садятся (последнее соблюдается строго).

Осмотрѣвъ имѣніе жениха, приступаютъ къ окончательнымъ уговорамъ. Если дѣло почему нибудь не сходится, то родители и родственники невесты, не принимая угощенія, сейчасъ же уѣзжаютъ домой. Если же дѣло сладится, то сейчасъ же слѣдуетъ „рукобитіе и богомолье“, послѣ которыхъ слѣдуетъ угощеніе. Угощеніемъ обыкновенно заканчиваются „смотрины дома“.

Съ этого времени дѣвушка уже получаетъ названіе „сговорѣнки“. Подруги невесты съ этого дня почти вплоть до самой свадьбы проживаютъ у невесты, приготовляя ей приданое. Женихъ почти ежедневно посѣщаетъ невесту: такія поѣздки жениха къ невестѣ извѣстны подъ названіемъ „поѣздокъ на поцѣлуи.“ Они продолжаются до самаго дѣвичника.

Дѣвичникъ происходитъ обыкновенно въ домѣ невесты наканунѣ свадьбы. На дѣвичникѣ присутствуютъ женихъ, родственники жениха и невесты, подруги невесты и сама невеста, или сговорѣнка. Сговорѣнка сидитъ обыкновенно за столомъ. Всѣ вновь приходящіе гости усаживаются за столъ или по лавкамъ. Послѣ всѣхъ приходятъ подруги невесты; онѣ приносятъ съ собою и ставятъ на столъ передъ невестою: „дѣвью красоту“, т. е. небольшое деревцо, украшенное разноцвѣтными лентами и бантиками. Невѣста на дѣвичникѣ сидитъ неодѣтая, накинувъ себѣ на плечи какую-нибудь простыню. Возлѣ нея садится и женихъ. Пріѣхавши на дѣвичникъ и здороваясь съ невестой, женихъ своею ногою крѣпко давитъ ногу последней. Ни женихъ, ни невеста въ теченіи дѣвичника не пляшутъ. Когда передъ невестою поставятъ „дѣвью красоту“, невеста начинаетъ причитать:

Вы подитё-ко, моѣ голубушки,
Моѣ милые подруженьки,
Вы подитё-ко, да не прогнѣвайтесь

На меня то молодешенки,
Молодешеньку, да красну дѣвицу,
Што не вышла васъ ве встрети-
ла ¹⁾, и т. д.

Окончивъ этотъ причётъ, невеста начинаетъ новые причеты, обращаясь къ своимъ родителямъ, сестрамъ, подругамъ и т. д. Последнія обыкновенно отвѣчаютъ ей причетами же на каждый ея причетъ. Всѣ эти причеты заканчиваются обыкновенно слѣдующимъ причетомъ невесты:

Вы послушайте, моѣ голубушки,
Моѣ милые подруженьки,
Што о чемъ я васъ просить буду:

Вы не пойте пѣсни жалостны,
Не пугайте ретива сердца⁴
и т. д.

Послѣ этого причёта сговорѣнки, подруги ея начинаютъ пѣть пѣсни. Изъ пѣсенъ, какія поются на дѣвичникѣ, укажемъ на слѣдующія:

1. Земляничная ягодка,
Она спѣлая, зрѣлая,
Во сырую пору выросла и т. д.
2. По три утра, по четыре
Приходила сваха сводница и т. д.

3. Расшаталася грушина,
Передъ яблонькой стою:
Расплакалась дѣвушка и т. д.
4. У броду броду у иелаго перевозу
и т. д.

Поются также и разныя другія пѣсни.

Пока дѣвушки поютъ пѣсни, на столахъ появляется различное угощеніе, послѣ котораго слѣдуютъ танцы. Въ концѣ дѣвичника дѣвушки подруги невесты начинаютъ выхвалять гостей (будущихъ поѣзжанъ) въ особыхъ коротенькихъ пѣсняхъ:

Ужъ какъ кто у насъ на вечерѣ хорошъ?
Какъ хорошъ Александра свѣтъ Васильевичъ:
У него то лицо бѣлое и т. д.

Когда всѣ будущіе поѣзжане будутъ такимъ образомъ расхвалены, сваха или мать невесты даритъ гостей платками, за что тѣ благодарятъ, выкладывая по одной или по нѣскольку монетъ на тарелку, на которой подносятся подарки. Въ заключеніе дѣвуш-

¹⁾ Полные тексты относящихся сюда причитаній будутъ помѣщены въ великорусскомъ сборникѣ П. В. Шейна, издаваемомъ Академіей Наукъ. Ред.

ки коротенькими пѣснями выпрашиваютъ себѣ у гостей денегъ на гостинцы. Каждый изъ гостей, получившихъ подарки, кладетъ по одной или по нѣскольку монетъ на тарелку, на которой подносились невѣстины подарки.

Когда женихъ и гости уйдутъ съ дѣвичника, подружки невѣсты ведутъ ее въ баню. Придя изъ бани, невѣста обращается съ причѣтомъ къ отцу, братьямъ и сестрамъ:

Ты послушай, кормилецъ батюшко,	Про што да буду спрашивать.
И родимая матушка,	Благодарствуй, родимый батюшка
Што я буду говорить вамъ,	и т. д.

Утромъ въ день брака подружки невѣсты приходятъ будить сговоренку. Последняя, проснувшись, начинаетъ причитать:

Благослови-ко меня, Господи,	Приподнятися мнѣ съ постеляшки
Пресвятая Богородица,	мягкн,
	Со сговольюшка со высокаго и т. д.

Какъ только сговоренка окончить этотъ причетъ, подружки ея хватаютъ со стола „дѣвью красоту“ и выбѣгаютъ изъ комнаты, стараясь произвести при этомъ какъ можно больше шума.

Вставши съ постели невѣста начинаетъ понемногу приготовляться къ вѣнцу. Одѣваютъ невѣсту братъ ея, сестры и подружки. При одѣваньи невѣсту садятъ или на квашню, или на вывернутую на изнанку шубу. Въ чулки невѣстѣ кладутъ обыкновенно деньги; на одежѣ стараются завязать побольше узловъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невѣста надѣваетъ на себя кусокъ рыбной сѣти.

Сѣвъ на квашню или на шубу, невѣста обращается прежде всего съ причетомъ къ своему брату:

Ты послушай-ко, совогъ милый	Што сама да сдогадалася:
	братъ, Скоры ноженьки у ти подходчивы,
Ты на что же да умываешься?	Бѣлы рученьки подѣмчивы
Ты на что же да Богу молишься?	На моѣ да ноги скорыѣ,
Ужъ сама я знаю-вѣдаю,	и т. д.

Когда братъ сговоренки надѣнетъ на послѣднюю чулки и башмаки, къ сговоренкѣ подходитъ сестра или близкая ея подруга. Невѣста обращается къ ней съ такимъ причетомъ:

Ты послушай-ко, сестрица милая,	Ужъ сама да сдогадаюся:
Ты послушай, моя голубушка,	У тебя скоры ноженьки подходчивы,

Ты на что же да умываешься, У тебя бѣлы рученьки подъямчивы
Ты на что же да Богу молишься? На мою да косу русую
Я сама да знаю-вѣдаю, и т. д.

Когда сговоренка окончить причетъ, сестра ея или ближайшая къ ней ея подруга расплетаетъ ей косу. Ленту изъ косы она беретъ себѣ. Коса остается расплетенною до тѣхъ поръ, пока невѣста не пріѣдетъ домой изъ-подъ вѣнца. Расплетши косу, сестра сговоренки обращается къ послѣдней съ слѣдующимъ причетомъ:

Расплела я русу косыньку, Нешла въ твоей косѣ
Выплела, моя голубушка, Двухъ ножичковъ булатныхъ,
Што твою ли ленту алую, Двухъ иголокъ зубатыхъ,
Што твою ли дѣвью красоту, Не обрѣзала я рукъ бѣлыхъ,
Нешла, моя голубушка, Не замарала платья цвѣтнаго.

Невѣста въ свою очередь отвѣчаетъ ей такимъ причетомъ:

Ты послушай-ко, мила сестра, Ты красуйся, моя голубушка,
Я объ чемъ да просить буду, Во моей ли дѣвѣй красотѣ,
Во слезахъ да слово вымолвлю: Во украшеніи моемъ дѣвичьемъ.
Ты послушайся, моя голубушка, Ты носи, моя голубушка,
Моего наказа крѣпкаго, Што мою ли дѣвью красоту
Моѣхъ ли слезъ великихъ, По праздникамъ господскимъ
Што моѣхъ поклоновъ низкихъ, и т. д.

Когда невѣсты скажутъ, что за ней ѣдутъ поѣзжане, она начинаетъ слѣдующій причетъ:

Я слышала молодешенька, Ужъ я по топу вороныхъ коней,
Я слышала красна дѣвица, По хвосту шелковыхъ плегей и т. д.

Окончивъ этотъ причетъ, невѣста обращается съ новымъ причетомъ къ отцу и къ матери, въ которомъ просить у нихъ родительскаго благословенія.

Благослови-ко меня, Господи, На свои да скоры ноженъки,
Пресвятая Богородица, На чулочки на бумажные,
Ужъ какъ встать, да приподнятися, На башмачки на козловые и т. д.

Послѣ этого причета невѣста получаетъ благословеніе отъ своихъ родителей. Если отца или матери невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то она обращается къ умершему съ такимъ причетомъ:

Ты послушай-ко, родимая матушка, Ты выйди, родимая матушка,
Што объ чемъ я говорить буду, На улочку проѣзжую
Во слезахъ, да низко кланяться, Погляди, родимая матушка,
Огъ лица, да до пояса, Што на всѣ четыре стороны
Отъ пояса до земли. и т. д.

Иногда этотъ причетъ невѣста говоритъ на могилѣ умершаго отца или матери. Получивъ отъ родителей благословеніе, невѣста отправляется къ вѣнцу; необходимыми членами невѣстина поѣзда являются: посаженный отецъ и посаженная мать невѣсты, дружка невѣсты, сваха; остальные члены называются поѣзжаными. Тѣ же официальные лица находятся и въ жениховомъ поѣздѣ. Строго соблюдается, чтобы невѣста вернулась домой изъ-подъ вѣнца отнюдь не тою же самою дорогою, какою она ѣхала къ вѣнцу. Подъ вѣнецъ невѣсту везутъ вполнѣ еще не одѣтую, лежащую, закрытую простыней. Приѣхавъ въ церковь, невѣсту наряжаютъ окончательно къ вѣнцу или, какъ говорятъ, „крутятъ“ въ церковной сторожкѣ.

По принятому во многихъ мѣстахъ обычаю, на невѣсту отнюдь не слѣдуетъ надѣвать подъ вѣнецъ русскую рубаху съ оборками и короткими рукавами, а должно надѣвать рубаху долгорукавку. Когда приѣдутъ изъ-подъ вѣнца, рубаху эту снимаютъ, моютъ затѣмъ въ рѣкѣ и хранятъ до самой смерти. Обычай перегоразживать чѣмъ нибудь дорогу, чтобы получить съ поѣзжанъ выннвку, существуетъ повсемѣстно.

Когда невѣста, получивъ родительское благословеніе, садится на повозку, во многихъ мѣстахъ подруги ея поютъ общеизвѣстную пѣсню:

Отлетала лебедь бѣлая

Приставала лебедь бѣлая

Прочь отъ стада лебединого,

Ко стаду сѣрыхъ гусей и т. д.

Послѣ вѣнца молодые и всѣ участники свадьбы приѣзжаютъ въ домъ невѣсты. Родители молодыхъ встрѣчаютъ послѣднихъ съ хлѣбомъ и солью. Послѣ встрѣчи молодуху сажаютъ и заплетаютъ ей волосы поженски, на двѣ косы. Послѣ этого слѣдуетъ столowanie или свадебный пиръ. Молодые сидятъ на первомъ мѣстѣ, но ничего не ѣдятъ: они закусываютъ общковенно наскоро еще до столовъ.

Послѣ столовъ родители невѣсты раздаютъ подарки жениховой роднѣ; подарками служатъ чаще всего платки, сорочки, кушаки и т. п. предметы. Когда подарки будутъ розданы (подарки раздаетъ невѣста), молодыхъ отводятъ спать въ холодную горницу или клѣть, а гости бражничаютъ далеко за полночь.

Путру на другой день молодежь, участвующая на свадьбѣ, сбирается будить молодыхъ. Для этого набираютъ негодной гли-

ияной посуды, которую и бьютъ о стѣны горницы, въ которой почивали молодые, сопровождая это бряцаньемъ въ трубы, желѣзные сковороды и т. д. до тѣхъ поръ, пока одѣтые уже молодые не выйдутъ изъ горницы.

Пиръ на другой день послѣ брака называется обыкновенно „вняжимъ столомъ“. Послѣ княжого стола невѣста беретъ въ руки вѣникъ и начинаетъ мести полъ. Гости кидаютъ въ это время на полъ деньги, которыя и поступаютъ затѣмъ въ собственность невѣсты.

Послѣ княжого стола устраивается обыкновенно вечеръ для молодежи и подругъ невѣсты. Вечеръ этотъ открывается появленіемъ молодыхъ. При появленіи дѣвушки поютъ пѣсню:

Всѣ кони подъ коврами,
Одинъ подъ татой и т. д.
Или же:

Не по сахару вода течетъ,

Не по изюму разливается.
Бережка то хрустальные,
Древеса то виноградные,
Какъ во городѣ во Брымарѣ и т. д.

Послѣ этого вечеръ уже идетъ своимъ чередомъ. Молодые принимаютъ участіе во всѣхъ танцахъ и пляскахъ остальной молодежи.

На третій день послѣ брака устраивается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ церемонія „продажи блиновъ“. Молодуха становится у печи и начинаетъ печь блины; испеченные блины ова кладетъ на тарелку, которая ставится на принесенный заранѣе въ избу и опрокинутый вверхъ дномъ плетень, покрытый салфеткою. Гости берутъ блины и кладутъ на тарелку деньги, поступающія въ собственность невѣсты.

На четвертый день послѣ вѣнца бываютъ уже „отводины“, т. е. отѣздъ невѣсты на новое жительство въ домъ жениха.

Первый годъ послѣ брака обвѣнчанная пара носить названіе „молодыхъ“. Молодыхъ обыкновенно, встрѣчая въ первый разъ послѣ вѣнца, поздравляютъ „съ законнымъ бракомъ“. Родителей жениха или невѣсты поздравляютъ въ данномъ случаѣ „съ молодыми“. У достаточныхъ крестьянъ „молодуха“ въ теченіе перваго года послѣ свадьбы не принимается ни за какую крестьянскую работу; у бѣдныхъ это правило, конечно, не соблюдается.

Въ первую масляницу послѣ брака молодые ѣздить на гулянье, извѣстное подъ названіемъ „кочки“, „горки“ и т. д. Выше мы сказали, что свадебные расходы въ большинствѣ

случаевъ бываютъ непроизводительны; къ слову замѣтимъ въ настоящее время, что они очень бываютъ и велики сравнительно съ крестьянскимъ бюджетомъ. Сыграть порядочную свадьбу обходится никакъ не менѣе ста рублей серебромъ.

2. Увеселенія: гулянья, „посидѣлки“, „бесѣды“, „свозы“.

Лѣтъ съ пятнадцати молодая крестьянская дѣвушка уже начинаетъ, по выраженію народа, „невѣстяться“, т. е. принимать участіе въ увеселеніяхъ взрослой молодежи. Точно то-же самое можно сказать и о мальчикахъ.

Оближается крестьянская молодежь обоего пола другъ съ другомъ на деревенскихъ гуляньяхъ и на „бесѣдахъ“ или вечеринкахъ.

Гулянья начинаются обыкновенно съ ранней весны, какъ только стааетъ свѣтъ, и продолжаются вплоть до глубокой осени. Мѣстомъ для гулянья выбирается чаще всего какое нибудь возвышенное сухое мѣсто на деревенской улицѣ, обыкновенно близъ качелой ¹⁾. На этихъ гуляньяхъ поютъ пѣсни, танцуютъ и водятъ хороводы. Гулянья собираются исключительно въ воскресные и праздничные дни, собираются къ вечеру, часовъ съ пяти-шести по полудни и продолжаются вплоть до полуночи. Если погода стоитъ ненастная, то мѣстомъ для гулянья избирается пустой сарай, амбаръ или какое нибудь строеніе въ этомъ родѣ.

Съ наступленіемъ длинныхъ осеннихъ вечеровъ начинается въ нашихъ деревняхъ сезонъ „посидѣлокъ“ и „бесѣдъ“. Обыкновенно молодежь начинаетъ „засиживать“, т. е. собираться на „бесѣды“ и „посидѣлки“, или „посидѣнки“, съ первыхъ чиселъ октября, хотя по настоящему или, какъ говорится, „вплотную“ посидѣнки и бесѣды начинаются только съ конца октября. Въ началѣ октября дѣвушки заняты еще мятьемъ, трепаньемъ и чесаньемъ льна; работы эти производятся на гумнахъ, дворахъ и „повѣтяхъ“ ²⁾, и собираться на „посидѣлки“ дѣвушкамъ некогда, за исключеніемъ развѣ только праздничныхъ дней. Къ концу октября обработка льна у всѣхъ кончается—пора приниматься за пряженіе льна, что и производится крестьянскими дѣвушками на „посидѣлкахъ“.

¹⁾ Качела въ Пошехонскомъ уѣздѣ устраиваются двухъ родовъ: обыкновенныя „на веревкахъ“ и дѣтскія, въ которыхъ дѣтва подвѣшивается къ перекладинамъ не на веревкахъ, а на жердочкахъ—„рѣляхъ“.

²⁾ Деревянный помостъ надъ дворомъ.

„Посидѣлки“ во многомъ различаются довольно рѣзко отъ „бесѣдъ“. Первые происходятъ не только вечеромъ, но и днемъ, вторыя—исключительно вечеромъ; на первыя дѣвушки собираются, главнымъ образомъ, чтобы пряхть, съ „копылами“, въ довольно простыхъ платьяхъ, на вторыя, т. е. на „бесѣды“, дѣвушки идутъ безъ всякой работы, чтобы повеселиться, въ самыхъ лучшихъ нарядахъ; „посидѣлки“ происходятъ по буднямъ, „бесѣды“ преимущественно въ праздники и т. д. Бываютъ еще „сборныя бесѣды“; онѣ отличаются отъ обыкновенныхъ бесѣдъ тѣмъ, что на нихъ являются парни и дѣвушки изъ нѣсколькихъ окрестныхъ деревень. Сборныя бесѣды, или „сwoзы“, устраиваются поочередно: сначала въ одной деревнѣ, потомъ въ другой и т. д.

На бесѣдахъ бываетъ почти постоянно угощеніе, собираемое на общій счетъ дѣвушекъ (орѣхи, пряники и т. д.).

Помѣщеніе для бесѣдъ и посидѣнокъ дѣвушки каждой деревни пріискиваютъ съ осени. Такимъ помѣщеніемъ служатъ, обыкновенно, просторная изба у малосемейнаго крестьянина, изба бобылки или, какъ говорятъ у насъ, келейницы и т. п. Плата за снимаемую подъ бесѣды избу уплачивается дѣвушками и уплачивается въ большинствѣ случаевъ работою: въ однихъ мѣстахъ дѣвушки обязуются примывать полы у хозяевъ избы въ теченіе года на всѣ большіе праздники, въ другихъ онѣ обдѣлываютъ имъ извѣстное количество льну и т. д.; иногда вносится и плата деньгами за помѣщеніе одними дѣвушками. Освѣщеніе доставляется ими же въ складчину сообща, причемъ въ этой складчинѣ участвуютъ нерѣдко парни. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бесѣды собираются и иначе: поочередно у каждой взрослой дѣвушки, которая ходитъ на бесѣды. Хозяйка избы въ послѣднемъ случаѣ доставляетъ и освѣщеніе.

Какъ посидѣлки, такъ и бесѣды не бываютъ подъ праздники. Начинаясь часовъ съ шести или семи вечера, онѣ продолжаютъ далеко за полночь. Здѣсь-то молодежь больше всего знакомится и сближается между собою. Парень, ухаживающій за дѣвушкою, называется чаще всего „почетникомъ“ ея, дѣвушка же „почетницею“ этого парня. Не имѣтъ почетника для дѣвушки-невѣсты считается зазорнымъ. Въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что почетница становится впоследствии женою своего почетника.

Парень, „почетникъ“, садится на посидѣнкахъ и бесѣдахъ рядомъ со своею „почетницею“, онъ танцуетъ преимущественно съ нею и, наконецъ, онъ провожаетъ ее послѣ бесѣды до дому. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть обычай, чтобы во время бесѣды парни сидѣли у дѣвушекъ на колѣняхъ, почетникъ сидитъ у своей почетницы на колѣняхъ. Къ слову замѣтимъ, что этотъ обычай съ каждымъ днемъ выводится все больше и больше. Въ обращеніи парней съ дѣвушками проглядываетъ все больше и больше сдержанности: нескромныя заигрыванія нынѣ уже почти неизвѣстны, поцѣлуи допускаются только тамъ, гдѣ требуетъ этого игра и т. д. Во многихъ мѣстахъ парни говорятъ уже дѣвушкамъ на „вы“. Наряды деревенскихъ дѣвушекъ становятся съ каждымъ днемъ все изысканнѣе и изысканнѣе. Встрѣтить на бесѣдахъ дѣвушку, одѣтую въ шелковое или шерстяное платье, шитое по послѣдней модѣ—нынѣ не рѣдкость.

Косметическія средства между мѣстными дѣвушками распространены сравнительно не особенно значительно. Чтобы лице было чистое здоровое, умываются весеннею водою послѣ перваго грома изъ ручья или колодца. вмѣсто румянъ употребляются чаще всего красныя бумажки изъ-подъ леденцовъ. Смочивъ эти бумажки, натираютъ ими щеки, отъ чего на послѣднихъ появляется румянецъ. вмѣсто румянъ употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „колотикъ“, или „бадяга“, а также корень травы „купелы“, извѣстной въ народѣ подъ названіемъ „Божьей ручки“. Бѣлятся чаще всего обыкновенными свинцовыми бѣлилами. Волосы причесывая намачиваютъ квасомъ или смазываютъ коровьимъ или деревяннымъ масломъ. Брови подкрашиваютъ сурьюю. Впрочемъ обычай подкрашивать лицо и брови не пользуется въ народѣ любовью:

Слободскія то дѣвчонки
Ровно мелковской горохъ:
Щечки клюковкой намажутъ,

Брови углемъ подведутъ,
Брови углемъ подведутъ—
За хорошихъ почтутъ,

иронически говорить объ этомъ обычѣй народная пѣсня. За послѣднее время среди крестьянскихъ дѣвушекъ все болѣе и болѣе входить въ употребленіе помада, духи, пудра, дешевыя туалетныя мыла и настоящія румяна и бѣлила.

Чтобы приворожить или, какъ говорятъ, „присушить“ парня къ дѣвушкѣ или наоборотъ, употребляются различныя средства и

заговоры. Специально присухой и привораживаніемъ и отвораживаніемъ занимаются мѣстные колдуны и знахари. Какъ „приворотное“ употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такое средство. Должно взять лягушку и закопать ее въ муравейникъ. Если черезъ нѣсколько недѣль раскопать этотъ муравейникъ, то въ немъ окажутся среди прочихъ костей двѣ косточки: одна на подобіе вилки, а другая на подобіе крючка. Если взять косточку на подобіе крючка въ руки и тихонько дотронуться ею до платья дѣвушки, то этимъ можно приворожить къ себѣ дѣвушку. Чтобы отворожить дѣвушку должно дотронуться вилообразной косточкой до ея платья.

Въ старинныхъ народныхъ цвѣтникахъ и травникахъ, какъ средства производящія присуху, указываются травы: „царскія очи“, „змѣица“, „Адамова глава“ и др.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣрятъ, что если дѣвушка возьметъ каплю менструаціонныхъ истеченій и, примѣшавъ ее къ пищѣ или питью, дастъ выпить или съѣсть какому-либо парню, то послѣдній полюбитъ до безумія эту дѣвушку и будетъ любить во всю жизнь.

Въ другихъ мѣстахъ употребляется такой способъ, чтобы приворожить къ себѣ сердце любимой дѣвушки. Должно взять небольшой пряникъ и, завернувъ его въ тонкую тряпицу, положить подъ мышку правой руки и носить до тѣхъ поръ, пока на томъ не покажется потъ. Послѣ этого пряникъ этотъ даютъ съѣсть любимой дѣвушкѣ и послѣдняя начинаетъ любить послѣ этого горячо даже нелюбимаго прежде парня.

Для той же цѣли должно выдернуть изъ головы у дѣвушки съ корнемъ волосъ и, завязавъ его узломъ, носить при себѣ, но такъ, чтобы дѣвушка этого не знала. Того, кто сдѣлаетъ это, дѣвушка у которой выдернуть будетъ волосъ, полюбитъ до безумія.

Чтобы женихъ сильнѣе любилъ будущую свою жену, наканунѣ свадьбы въ банѣ вытираютъ все тѣло невесты мокрымъ полотенцемъ; полотенце это затѣмъ выжимаютъ и выжатую воду подмѣшиваютъ въ опару. Изъ опары этой печется затѣмъ колобокъ или лепешка, которыя и даютъ съѣсть жениху.

Чтобы мужъ сильнѣе любилъ жену, а жена мужа, должно взять земли между двумя могилами и положить на ту постель, гдѣ спитъ мужъ съ женою.

Если мужъ измѣняетъ женѣ, послѣдняя должна взять ежовой щетины, сжечь её и затѣмъ пепель этотъ разсыпать по постели. Послѣ этого мужъ снова полюбитъ жену и перестанетъ измѣнять ей. Если, наоборотъ, жена измѣняетъ мужу, то послѣдній долженъ взять воробьиной желчи и, вымазавъ ею свой penis, проспать съ женою ночь: послѣдняя послѣ этого снова полюбитъ мужа.

Хотя на нарушеніе цѣломудрія дѣвушкою народъ смотритъ и не такъ строго, какъ на нарушеніе вѣрности замужнею женщиною, тѣмъ не менѣе цѣломудріе ставится народомъ все-таки высоко, и дѣвушка честная, какъ говорятъ, „небалованная“ всегда стоитъ выше во мнѣніи народа дѣвушки, потерявшей невинность.

Чтобы узнать, честная ли дѣвушка, за которой ухаживаетъ парень, употребляютъ такое средство: берутъ ржаное зерно, даютъ его дѣвушкѣ и заставляютъ послѣднюю опустить это зерно въ ковшъ рѣчной воды. Если дѣвушка не потеряла своей невинности, то зерно будетъ плавать по верху, въ противномъ же случаѣ оно потонетъ.

Во многихъ мѣстахъ вѣрятъ, что носовой хрящъ дѣвушки или парня, потерявшихъ невинность, раздвигается на самомъ концѣ своемъ, если дотронуться до него пальцемъ.

Но возвратимся опять къ посидѣлкамъ, бесѣдамъ и свозамъ.

Собираются бесѣды часовъ съ 6—7 вечера и продолжаются часовъ до 2—3-хъ по полуночи. На воскресные и праздничные дни бесѣды никогда не собираются. Начинаясь съ октября, бесѣды продолжаются вплоть до Великаго поста: съ начала его онѣ прекращаются опять до осени.

Главное развлеченіе молодежи на бесѣдахъ представляютъ изъ себя танцы и пѣсни. Танцуютъ чаще всего кадрили, лансье и коротенькія ¹⁾. За послѣднее время стали проникать въ деревню даже вальсъ и полька: и то и другое намъ привелось видѣть на нѣкоторыхъ бесѣдахъ Николо-Раменской и Займищевской волости. Въ большинствѣ случаевъ танцы совершаются подъ пѣсни съ акомпаниментомъ гармоникки („гармошка“,

¹⁾ См. о нихъ въ статьѣ г. Архангельскаго. „Пѣсни и причеты села Дмитріевскаго, Пошехонскаго уѣзда.“ Яр. Губ. Вѣд. 1888 г., а также нѣкоторые изъ хороводныхъ игръ, описанныхъ нами въ статьѣ „Русскій хороводъ“ „Северный Вѣстникъ“ 1889 г. № 6).

„игрушка“ „тальянка“), рѣже подѣ одну гармонику. Въ промежуткахъ между танцами поются пѣсни.

Старинныя протяжныя пѣсни все больше и больше вытѣсняются коротевскими ¹⁾. Хотя любовь къ пѣнію и пѣснямъ развита въ народѣ довольно сильно, тѣмъ не менѣе искусствомъ въ пѣніи мѣстная молодежь (особенно парни) не отличается. Пѣсни поются въ унисонъ, визгливыми голосами.

Въ промежутки между пѣснями участвующіе на бесѣдѣ парни и дѣвушки также играютъ въ различныя игры, водятъ хороводы. ²⁾

Изъ игръ, употребительныхъ въ зимнихъ бесѣдахъ и посидѣнкахъ, укажемъ на игру въ „сосѣди“ и въ фанты. Последняя распространена сравнительно немного и, какъ игру общезвѣстную, описывать её мы не будемъ. Игра въ сосѣди состоитъ въ слѣдующемъ. Участвующіе на бесѣдѣ парни и дѣвушки разсаживаются на лавкахъ попарно. Одинъ изъ играющихъ ходитъ и спрашиваетъ по порядку каждаго изъ играющихъ, доволенъ ли тотъ своей сосѣдкой или сосѣдомъ. При отвѣтѣ „доволенъ“ онъ обращается съ вопросомъ къ слѣдующему, до тѣхъ поръ, пока не получитъ отвѣта „не доволенъ“. Тогда онъ спрашиваетъ, „кого ему нужно въ сосѣди“. Тотъ, на кого укажетъ недовольный, занимаетъ мѣсто воевлѣ него, мѣсто его занимаетъ спрашивавшій, а тотъ, кѣмъ были недовольны, идетъ опрашивать. Иногда кто нибудь изъ участниковъ кричитъ, что онъ недоволенъ всей деревней, тогда всѣ участники въ игрѣ быстро вскакиваютъ со своихъ мѣстъ, стараясь какъ можно скорѣе перемѣниться мѣстами другъ съ другомъ. Тотъ, кто останется безъ мѣста, долженъ ходить и спрашивать.

Кромѣ парней и дѣвушекъ на посидкахъ и бесѣдахъ постоянно бываетъ много зрителей—мужиковъ и бабъ. Зрители занимаютъ обыкновенно заднюю часть избы, подѣ полатами.

Увеселеніями на бесѣдахъ руководятъ обыкновенно дѣвушки, выдающіяся своею ловкостію, красотою, бойкостію—„славѣнки“, какъ говорятъ, и такіе же парни—„славники“.

¹⁾ Объ этихъ пѣсняхъ см. наши статьи въ XXXIII кн. „Этногр. Обзор“. и въ „Яросл. Губ. Вѣд“. 1891 г., №№ 71—72.

²⁾ Изъ хороводныхъ игръ наиболѣе распространены въ нашей мѣстности игры 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 14 15 и 17, описанныя нами подробно въ статьѣ нашей „Русскій хороводъ“ (Сѣв. Вѣст. 1889 г. № 6).

Справедливость требует сказать, что нынѣшнія бесѣды сравнительно съ бесѣдами, какія мы видѣли лѣтъ 15—20 тому назадъ, имѣютъ болѣе порядочности и внѣшняго приличія. Нескромныя заигрыванія парней съ дѣвушками, нескромныя шутки и пѣсни—все это съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отходить въ область предашя. Если что и встрѣчается нерѣдко предосудительнаго на нынѣшнихъ крестьянскихъ бесѣдахъ, то это появленіе на нихъ парней въ нетрезвомъ видѣ, ссоры, а нерѣдко и драки между ними и т. д. Противъ этого много разъ администраціей, какъ губернской, такъ и уѣздною, издавались циркуляры, но въ большинствѣ случаевъ всѣ эти циркуляры не достигали желаемой цѣли, пока, наконецъ, сами крестьяне не стали сознавать все безобразіе и весь вредъ такого молодечества парней и не стали полагать ему предѣлы. За послѣднее время многіе волостные суды за безобразіе и скандалы на бесѣдахъ стали приговаривать парней не только къ штрафамъ и арестамъ, а и къ розгамъ, и число скандаловъ значительно уменьшилось.

Передъ святками начинаются обыкновенно „сборныя“ бесѣды или „свозныя“. На такія бесѣды собираются обыкновенно парни и дѣвушки изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ деревень. На такихъ сборныхъ бесѣдахъ деревенскіе парни-женихи „выглядываютъ“ или „высматриваютъ“ себѣ невестъ изъ чужихъ деревень.

Нечего, конечно, и говорить, что на такія сборныя бесѣды дѣвушки являются разодѣтыми во всѣ свои лучшіе наряды. Что касается до послѣднихъ, то въ нихъ замѣчается крайнее щегольство, щегольство не по средствамъ. Почти на половинѣ дѣвушекъ можно видѣть на такихъ бесѣдахъ шерстяныя и шелковыя платья, сшитыя по послѣдней модѣ. Къ сожалѣнію, это щегольство не уменьшается, но годъ отъ году увеличивается.

Святочные посидѣнки и бесѣды разнообразятся тѣмъ, что на нихъ приходятъ ряженые изъ сосѣднихъ деревень. Посидѣнки и бесѣды кончаются уже совершенно на масляной недѣлѣ.

Въ великомъ посту хотя дѣвушки и собираются иногда днемъ на супрядки, но ни пѣсенъ, ни плясокъ на этихъ супрядкахъ не бываетъ и парни на нихъ не ходятъ.

Съ Пасхи опять начинаются гулянья. Они замѣняютъ бесѣды и продолжаются до осени. Кромѣ танцевъ и хороводовъ на гулянь-

яхъ играютъ въ „горѣлки“, „огарыши“ или „круговыя горѣлки“, въ „жгутъ“, въ „веревочку“, въ „кошку-мышку“ и въ „столбика“¹⁾.

Описавъ увеселенія, существующія у крестьянской молодежи въ Пошехонскомъ уѣздѣ, мы не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ, существующихъ въ мѣстной крестьянской семьѣ, а также и объ умственныхъ и нравственныхъ чертахъ мѣстныхъ жителей.

Народъ на дѣтей смотритъ, какъ на благословеніе Божіе; немиліе дѣтей считается немилостью Божіею, почему бездѣтные супруги и принимаютъ часто приемышей. Чтобы ямѣть дѣтей, прибѣгаютъ иногда къ такому суевѣрному средству: берутъ изъ лаптя пятое лыко съ подошвы, высушиваютъ его, стираютъ въ порошокъ и пьютъ натопахъ по двѣнадцать зорь. О рожденіи мальчиковъ молятся Св. Іоанну Воину, а о рожденіи дѣвочекъ Св. Маріи Египетской (С. Деруновъ).

Власть родителей надъ дѣтьми и до сихъ поръ весьма значительна, въ смотря на то, что сравнительно съ прежнимъ она значительно пошатнулась. Въ особенности, по народному мнѣнію, дѣти должны почтительно относиться къ матери; если мать остается вдовою послѣ мужа, то и тогда она является полновластною хозяйкою въ домѣ, даже и при женатыхъ дѣтяхъ. Всякій отецъ имѣетъ право непокорныхъ дѣтей лишать наслѣдства и изгонять изъ дому. Дѣти должны почитать родителей и заботиться о нихъ во время ихъ старости. За непочтеніе къ родителямъ Богъ строго наказываетъ непочтительныхъ дѣтей.

„У нѣкоторой матери, говоритъ одно народное сказаніе, былъ сынокъ: мать онъ не почиталъ—супротивничалъ. А мать, напротивъ, всегда молилась за него Владычицѣ-Богородицѣ и за грубость сыновнюю клала Владычицѣ по трижды три земныхъ поклона. Въ одно время непокорному сыну пришлось переѣзжать рѣку вечеромъ. Поднялась гроза, забушевала рѣка, в перекувырнуло лодку, на которой ѣхалъ непокорный сынъ. Онъ

¹⁾ Игры эти были описаны нами въ статьѣ нашей „Рожденіе и воспитаніе дѣтей въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи“ (Этногр. Обзор. 1890 г. № 3), и описывать ихъ здѣсь мы считаемъ излишнимъ.

сталь утопать и пошелъ ко дну. На волнахъ явилась тогда въ сіяніи Владычица, взяла утопающаго за руку и подвела къ берегу. Взмолился утопающій такъ: „Госпожа Владычица, за что спасаешь многогрѣшнаго?“ А она въ отвѣтъ: „за молитвы родительницы.“ Съ той поры непокорный сынъ и началъ почитать родительницу мать“. (С. Деруновъ).

Какъ благословеніе, такъ и молитвы родительскія имѣютъ весьма важное значеніе для дѣтей. Дѣти, лишеныя родительскаго благословенія и молитвъ, не могутъ быть счастливыми и долговѣчными на землѣ, а въ будущей жизни не наслѣдуютъ царства небеснаго. Непокорныхъ дѣтей родители иногда проклинаютъ. Проклітіе родительское, по народному мнѣнію, можетъ имѣть страшную силу. Вотъ что рассказываетъ по этому поводу одна народная легенда: „Въ одно время нѣкіе родители молились Господу Богу. Пришелъ въ это время непокорный сынъ, да и пришелъ во хмѣлю. Потревожилъ родителей надсмѣхомъ, а паче руганью скверною. Родители допрежь учивали ¹⁾ непокорнаго сына, а въ это же время передъ ликомъ Господа Бога его проклинали. Сынъ проклятый заскулѣлъ, стремглавъ бросился изъ избы, залааялъ подъ окномъ, да и убѣжалъ въ песьей шкурѣ въ лѣсъ. Сталъ проклятый сынъ оборотнемъ и семь лѣтъ рыскалъ по лѣсу оборотнемъ, а родители его въ это время усердно молились Господу Богу объ обращеніи его вновь въ человѣческій образъ. На восьмой годъ вернулся сынъ къ родителямъ покоренъ и не пьющъ“. ²⁾

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣрятъ, что дочь, проклятая матерью, была обращена въ лягушку. Если родители прибѣгаютъ къ волостному суду съ жалобой на непокорность дѣтей, то послѣдній почти постоянно наказываетъ непокорныхъ дѣтей розгами. За послѣднее время, впрочемъ, авторитетъ и власть родительская стали замѣтно падать, точно также какъ упали авторитетъ и власть мужа надъ женою. Старинную пословицу что „жена мужа должна почитать, какъ на церкви главу“, нынѣ уже измѣняютъ такъ: „мужъ жону почитать долженъ, какъ на церкви

¹⁾ Учивали, счували—усовѣщивали, уговаривали.

²⁾ С. Я. Деруновъ. „Село Козьмодемьянское, Щетинской волости, Пошехонскаго уѣзда“. Ярослав. Губ. Вѣд. ч. н. 1889 г. №73.

главу, а жена мужа, какъ на банѣ трубу“. Нынѣ не рѣдкость встрѣтить бабу, полновластно распоряжающуюся своимъ мужемъ, и народъ снисходительно смотритъ на такое явленіе, оправдывая его тѣмъ, что „гдѣ голова мочало, тамъ и хвостъ начало“.

По своимъ умственнымъ и нравственнымъ чертамъ населеніе Пошехонскаго уѣзда мало чѣмъ отличается отъ населенія остальныхъ уѣздовъ Ярославской губерніи. Какъ и вездѣ, женщины наиболѣе склонны къ старымъ обычаямъ и труднѣе мужчинъ поддаются переменамъ. Поэтому-то въ мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ, послѣдній поддерживается главнымъ образомъ женщинами. Впрочемъ особеннаго пристрастія къ старинѣ среди мѣстнаго населенія въ настоящее время не замѣчается.

А. Баловъ.

Изъ матеріаловъ по этнографіи якутовъ¹⁾).

II. Очерки общественной жизни.

1. Рабство у якутовъ.

Рабство у якутовъ, вѣроятно, возникло на почвѣ грубой физической силы, и, кромѣ права сильнаго надъ слабымъ, оно не имѣло другого источника происхожденія. Но возникло ли оно самостоятельно, позаимствовано ли отъ какого либо другого народа, съ которымъ якуты сталкивались во времена глубокой древности? Исслѣдованіе по этимъ вопросамъ едва ли приведетъ къ желаемому результату, потому что данныхъ для рѣшенія нѣтъ²⁾. Во всякомъ случаѣ, оно явилось какъ результатъ права сильнаго; чему не мало способствовали войны съ сосѣдними племенами, враждебно относившимися къ якутамъ, какъ повѣствуютъ о томъ преданія и сказки, въ которыхъ говорится, что богатырь, побѣдивъ другого, хочетъ убить лежащаго на землѣ у ногъ побѣдителя. Побѣжденный, обративъ свой взоръ на побѣдителя съ поднятыми руками кверху, умоляетъ его, говоря: „не убивай меня, тоёнь (господинъ), оставь мнѣ жизнь, я тебѣ буду вѣчно служить, буду работать всякую работу, пасти коровъ, лошадей, конить и кормить ихъ, и все что ты прикажешь, то и буду дѣлать безпрекословно, но только не губи меня.“ Побѣдитель, тронутый просьбами побѣжденного, отсѣкаетъ ему руку, ногу и выкалываетъ глазъ. Въ такомъ видѣ, говоритъ побѣдитель, ты мнѣ лучше будешь служить, не причинишь мнѣ никакого зла, и обращаетъ его въ своего „кулута“, т. е. раба.

Кулутъ, какъ говорятъ якуты, былъ въ видѣ полезнаго животнаго, не пользовался никакими правами человека и во всякое время могъ быть убитымъ по прихоти тоёна. Когда тоёнь садился на лошадь, отправляясь въ путь, кулутъ подставлялъ ему свою спину, сгибаясь для того, чтобы удобнѣе было сѣсть на лошадь, и во время пути долженъ былъ бѣжать за лошадей, сколько бы такое путешествіе ни продолжилось, устранять на пути препятствія и въ пору, если тяжесть была не подъ силу лошади, онъ долженъ былъ помогать ей тащить или переносить поклажу на себѣ.

¹⁾ См. „Этногр. Обзор.“ XXXIV.

²⁾ Источники: рассказы якутовъ, архивъ Олехнинскаго Окружнаго Полицейскаго Управленія и житіе св. Иннокентія Иркутскаго, изд. 1879 г.

Въ присутствіи тоена кулутъ не имѣлъ права садиться, и даже если бы тоенъ спалъ, кулутъ, войдя въ юрту его за какимъ либо дѣломъ, долженъ былъ тоже стоять. Онъ не имѣлъ права вступать въ бракъ безъ согласія тоёна.

Дѣти, рожденные кулутомъ, дѣлались уже совершенно свободными гражданами, но вступали въ бракъ съ женщинами равными себѣ по имуществу. Тоенъ же съ дочерью кулута, а также и сынъ кулута съ дочерью тоена не вступали между собою въ бракъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, вѣроятно, немаловажное значеніе имѣлъ имущественный цензъ и сословный предразсудокъ, въ силу котораго нельзя было сливаться высшему сословію съ низшимъ, находившимся въ полномъ презрѣніи, такъ что теперь слова „кулутъ“ и „хамначитъ“ у якутовъ служатъ бранными словами.

Но не бываетъ правила безъ исключенія: такъ и здѣсь случалось иногда, что тоенъ вступалъ въ бракъ съ рабыней; напр., въ Олекминскомъ улусѣ, Маджегарскаго нослега, старые якуты помнятъ, какъ князецъ Артемьевъ, прельщенный красотой рабыни, купленной имъ въ Вилюйскомъ округѣ, женился на ней по обряду православной церкви, и на такой бракъ указываютъ, какъ на замѣчательный и исключительный примѣръ. Я спрашивалъ многихъ инородцевъ относительно вступленія въ бракъ тоена съ рабыней въ прежнія времена и всегда получалъ отрицательный отвѣтъ.

Право сильного, точно также какъ оно выразилось у мужичья, съ особенной яркостью выразилось въ порабощеніи женщины, рабство которой продолжается и до настоящаго времени. Проявляется оно въ самой грубой формѣ, какъ это будетъ видно ниже изъ приведенныхъ мною фактовъ. Что же касается до рабства женщины во времена глубокой древности, то, основываясь на сказкахъ, видно, что женщина умыкалась, такъ что во многихъ сказкахъ причиною драки богатыря съ чортомъ или богатыря съ богатыремъ является красивая женщина, украденная въ то время, когда богатырь спалъ 3 года или отлучился на охоту, оставивъ одну въ юртѣ свою сестру или мать, или жену. Богатырь или чортъ, воспользовавшись непробуднымъ сномъ или отсутствіемъ богатыря, пріѣзжаетъ на дворъ и поетъ пѣсню: выходи ко мнѣ скорѣе на поединокъ, я пріѣхалъ къ тебѣ за твоей дочерью, или сестрой; если не дашь добровольно ее, то я убью тебя и возьму силой твою красавицу. Разсердившись, что къ нему никто не выходитъ, снимаетъ съ юрты потолокъ беретъ женщину безъ сопротивленія и увозитъ на крылатомъ конѣ за горы. Богатырь, возвратясь съ охоты, или просыпаясь, сѣдаетъ 3-хъ быковъ за одинъ пріемъ и идетъ выручать украденную. Напавъ на слѣды похищенной красавицы и вызвавъ на поединокъ похитителя, или убиваетъ, если это чортъ, или выкалываетъ глаза, отрубаетъ ногу, если похититель богатырь, проводить его къ

себѣ въ домѣ и заставляетъ ходить за коровами и телятами, или быть вмѣсто собаки и караулить имущество его.

Впослѣдствіи, когда умыкать женщинъ было не совсѣмъ безопасно, потому что умыканіе стоило жизни или похитителю или обладателю похищеннаго, тогда якуты стали прибѣгать къ покупкѣ, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, и слѣды такой формы рабства сохранились до сего дня съ особенной яркостью.

Женщина раба исполняла всю черную работу, по хозяйству, работала вѣчно, и въ нравственномъ отношеніи участь ея была незавидна. Нынѣ покупка женщинъ, продолжая существовать, выражается въ формѣ колыма (выкупа). На этомъ основаніи всякій, купившій жену, по народному воззрѣнію, имѣетъ право ею распорядиться, какъ угодно, и даже убить ее, если бы за то законъ не налагалъ наказанія; такъ что не рѣдко можно слышать отъ мужей, жестоко обращающихся съ женами, высказывающихъ недовольство на судъ, покровительствующій обиженнымъ женщинамъ: „какой это судъ, вступается за хотунъ (женщину)!“ Она моя, я ее купилъ, значить, какъ хочу, такъ и поступаю съ ней, и дѣла никому нѣтъ до моей ссоры съ ней. Тожественный взглядъ на женщину я замѣтилъ и у крестьянъ Олекминскаго округа, живущихъ по Ленѣ, слившихся съ якутами.

Зажиточные тоёны, какъ рассказываютъ старики якуты, еще очень недавно имѣли по нѣсколько женъ; главенствомъ изъ нихъ пользовалась самая младшая, самая молодая, которой тоенъ отдавалъ предпочтеніе предъ другими, и всѣ права хозяйки, старой жены, отнимались въ пользу молодой, жившей съ нимъ вмѣстѣ; другія жили отдѣльно, не далеко отъ тоёна, имѣя при себѣ рабынь, на обязанность которыхъ возлагалось вести все хозяйство. Косвенное указаніе на многоженство я встрѣтилъ въ дѣлахъ Олекминскаго комисарства за 1819 годъ. За этотъ годъ изъ рапорта крестьянскаго выборнаго Якова видно, что родовичъ 2 Ментской волости Константинъ Торговкинъ, имѣя жену, прижилъ съ дѣвицей князя Маджгарскаго нослега Климонтова блудно сына; поэтому Яковъ просить содѣйствія Олекминскаго комисара о понужденіи Торговкина сына, имѣющаго 2 года отъ роду, окрестить, а также въ рапортѣ выборнаго Олекминскаго улуса говорится, что къ нему обращалась съ просьбой дѣвка Татьяна Харова, привезенная въ малолѣтствѣ изъ Вилюйскаго округа въ Якутскій, гдѣ прижила сына Нуча, по крещеніи Стефана, о записи его по 7 ревизіи въ ревизскія сказки въ 1 Нюрюктейскую волость, гдѣ она живетъ въ качествѣ незаконной у князя Корнилова. Дѣти, украденные или выросшіе сиротами въ домѣ тоёна дѣлались рабами.

Русскіе, явившись къ якутамъ въ качествѣ просвѣтителей, не только не облагородили ихъ, не только не ослабили рабства, но, усвоивъ этотъ обычай сами, еще болѣе укрѣпили его. Рабы

имѣлись, начиная отъ всеильнаго якутскаго воеводы, до послѣдняго казака. Цѣна на раба стояла не особенно высокая до начала нынѣшняго столѣтія, maximum 25 р. ассиг. и фунтъ табаку, minimum 1 р. или бутылка водки. Казаками и чиновнымъ людемъ нерѣдко инородцы всѣхъ возрастовъ обращались въ рабы силой; напр., въ 1783 году Охотскій командиръ Скорняковъ—Писаревъ вмѣстѣ съ поручикомъ Шкадеромъ дѣятельно занимался грабежами и всякаго рода безчинствами надъ жителями г. Якутска. Шкадеръ, желая сохранить награбленное, отправилъ на сохраненіе къ приленскому крестьянину Подымахину вмѣстѣ съ обращенными въ крѣпостные 2-мя русскими и якуткой. Воеводы и служилые, обращая въ рабовъ инородцевъ, не обходили своимъ вниманіемъ и русскихъ; такъ, напр., изъ дѣлъ Олекминскаго комисарства за 1819 годъ видно, что совѣтникомъ Купріяновымъ, умершимъ въ этомъ году, была обращена въ крѣпостные крестьянка Амгинской деревни, Олекминскаго округа, Марья Сократова, водворенная къ мѣсту своего жительства, какъ не имѣющая узаконеннаго вида. Какъ Сократова сдѣлалась крѣпостной, и почему для нея потребовался видъ только послѣ смерти Купріянова, и почему у нея не порвана была связь съ обществомъ крестьянъ д. Амгинской? Разъясненія въ дѣлѣ я не нашелъ.

Помимо захвата силой рабовъ въ 17 и 18 столѣтіяхъ практиковалось еще одно могущественное средство русскимъ правящимъ классомъ и даже крестьянами,—это было крещеніе, дававшее право не только крещеннаго инородца обращать въ раба, но и передавать его по наслѣдству родственникамъ. Продажа рабовъ въ то время была явленіемъ самымъ обыкновеннымъ и даже освящена закономъ, въ силу котораго каждый казакъ имѣлъ рабовъ, проигрывалъ ихъ въ карты и снова ловилъ ихъ. Худое то было время, говорятъ старые якуты, слышавшіе рассказы своихъ дѣдовъ. Бывало, говорятъ они, если пріѣзжалъ зачѣмъ либо казакъ въ улусъ или чиновникъ, всѣ старались прятаться отъ нихъ, чтобы не быть замѣченными. Случалось, для того, чтобы избавиться отъ придирокъ начальства, инородцы въ видѣ взятки дарили своихъ несовершеннолѣтнихъ дочерей и незамужнихъ женщинъ. Первая изъ нихъ воспитывалась до совершеннолѣтія въ домахъ своихъ господъ и поступали къ нимъ въ качествѣ наложницъ, а послѣднія поступали прямо въ дома терпимости, принося барыши своимъ господамъ. Такъ, по словамъ составителя житія св. Инокентія Иркутскаго, большинство сибирскихъ коловій въ то время походило на огромныя дома терпимости. По городамъ воеводы и другіе приказные люди держали цѣлыя пятаги женщинъ и дѣвушекъ для себя и своихъ приближенныхъ и продавали ихъ русскимъ и инородцамъ. Часто отцы семействъ продавали и закладывали своихъ женъ и дочерей и другихъ родственниковъ. Распространился даже обычай отдачи своихъ женъ въ кор-

тому, что значить временное пользованіе за плату. ¹⁾ Обычай отдачи своихъ женъ и любовницъ въ короткое содержаніе и проигрываніе въ карты теперь существуетъ только на золотыхъ промыслахъ между русскими рабочими по Олекминской и Витемской системамъ. Жизнь русскихъ въ Якутской области въ 17 и 18 столѣтіяхъ походила на постоянный праздникъ. Пили всѣ, и старики, и женщины, и дѣти, пили въ кабакахъ, на гуляньѣ, въ полѣ, пили вездѣ, гдѣ можно было пить. Причина пьянства тогда и теперь у русскихъ объясняется невысокимъ умственнымъ и нравственнымъ цензомъ и отсутствіемъ какихъ бы то ни было идеаловъ. Безпутная жизнь здѣсь втягиваетъ даже людей образованныхъ напр., врачей, предающихся безпабашному пьянству и картежной игрѣ. Спрашивая одного изъ нихъ имѣющаго, дипломъ кандидата естественныхъ наукъ, выданный Петербургскимъ университетомъ и медико-хирургической академіей на степень врача, о причинѣ пьянства, я получилъ такой отвѣтъ: скука, тоска и масса свободнаго времени заставляютъ меня пить и поневолѣ будуешь пить, когда не слышишь ни одного живого слова.

Тоёны, видя разнузданные нравы завоевателей, административную анархію и безнаказанность за всякія преступленія, если давать подарки правящимъ классамъ, и сами не дремали на попрѣщъ порабощенія своихъ сородичей. Рабство, будучи признано закономъ, официально продолжало существовать до начала этого столѣтія, но негласно оно никогда не прекращалось, по крайней мѣрѣ это можно отнести къ Олекминскому и Вилюйскому округамъ, тѣсно связаннымъ между собой по своему географическому положенію. Изъ нихъ Вилюйскій округъ является поставщикомъ мальчиковъ и дѣвочекъ для Олекминскихъ тоёновъ, знакомыхъ съ изнанкой цивилизаціи. Бѣдные Вилюйскіе якуты продаютъ имъ своихъ дѣтей по 10—15 р., а иногда, случается, и дешевле. Купивъ ола (сына), видоизмѣннаго кулута, тоёнъ отсылаетъ его жить въ юрту вмѣстѣ съ тематами, считая неприличнымъ и унижительнымъ для себя, чтобы онъ жилъ подъ одной кровлей въ богато-убранныхъ апартаментяхъ, каждодневно награждаетъ его подзатыльниками и сокрушаетъ ему ребра. Кулутъ-ола, сынъ-рабъ, если можно такъ сказать, выведенный изъ терпѣнія дурнымъ обращеніемъ тоёна и понявъ смыслъ нашего законодательства, ограждающаго его права, приносить жалобу въ родовыя управленія и инородную управу, гдѣ правосудіе не всегда оказывается жалующимся, потому что тоёнъ всегда сумѣетъ оказать нравственное давленіе на отправителей правосудія, и жалующійся окажется виновнымъ. Такъ недавно и случилось съ усыновленнымъ вліятельнаго тоёна Максимова, Василиемъ, съ жалобы котораго я списалъ копію, вотъ она: Его Высокоблагородію г. Олекминскому Округно-

1) Житіе св. Иннокентія Иркутскаго, изд. 2-е 1879 г., стр. 49

ну Исправнику, усыновленнаго инородцемъ 1 Ментскаго нослега Иваномъ Максимовымъ, Василья и жены его Парасковьи. Прошеніе. Извѣстно Вашему Высокоблагородію, что инородецъ Иванъ Максимовъ, бывшій голова, жестоко обходится съ своими усыновленными дѣтми; какъ онъ, такъ и жена его бьютъ чѣмъ попаало; напр., у работницы Степаниды, приносившей вамъ жалобу, были переломлены пальцы рукъ, и ему все это сходитъ съ рукъ благополучно, потому что онъ человѣкъ вліятельный. 24-го сего сентября къ Максиму въ заѣхалъ чиновникъ особыхъ порученій Шахурдинъ. Желая чѣмъ либо угостить г. Шахурдина, жена Максимова, Дарья, зашла на кухню и велѣла моей женѣ Прасковьѣ сварить супъ, что и было исполнено безпрекословно, спустя не много времени зашелъ туда самъ Максимовъ и спросилъ: ты что готовишь? Супъ, отвѣчала моя жена, твоя Дарья велѣла приготовить супъ. Послѣ этого жена Максимова, войдя на кухню, взяла изъ рукъ моей жены горячій супъ и разливательной ложкой стала супъ кипяткомъ лить на голову и плескать въ лицо ей, слѣды на которомъ видѣются до сего времени; причѣмъ были свидѣтели инородки Марья и Катерина, фамиліи которыхъ моя жена не знаетъ. Максимовъ же въ это время билъ меня жестоко, приговаривая, что если и убить тебя, то не дорого будетъ стоять, намекая на то, что ему, какъ богатому инородцу, законъ—ничто, и вытолкалъ вонъ изъ дома, говоря при этомъ, что я тебя привяжу къ столбу и не такъ буду бить. Дарья Максимова на другой день мою беременную жену еще разъ била и приговаривала: когда ты родишь, то я съ твоей спины всю шкуру спущу, а если и умрешь, отвѣчать не буду. Боясь дальѣйшихъ истязаній, мы ушли изъ дома Максимова съ жалобой къ старшинѣ Кятчинскаго нослега, который вмѣсто того, чтобы удовлетворить жалобу сказалъ: Максиму я ничего не могу сдѣлать, потому что онъ выше меня стоитъ, значить и жалобы вашей разобрать не могу. Послѣ этого мы приносили жалобу Вашего Высокоблагородія помощнику, который, выслушавъ ее, только и сказалъ, что мы безпаспортные. Теперь же мы принуждены просить законной защиты у Вашего Высокоблагородія, такъ какъ мы жить у Максимова ни подъ какимъ предлогомъ не желаемъ изъ боязни лишиться жизни; но такъ какъ собственные вещи наши изъ одежды и спальныхъ принадлежностей удержаны Максимовымъ, поэтому просимъ Ваше Высокоблагородіе, чтобы онъ возвратилъ ихъ намъ чрезъ инородную управу или черезъ старосту Кятчинскаго нослега и выдать билетъ на свободное проживание по области, принимая во вниманіе, что мы бесплатно работали, я съ 1872 года и жена моя съ 1882 года, получая вмѣсто платы ежедневно подзатыльниками. Къ сему прошенію усыновленный инородца Максимова, Василій, а по безграмотству его и по личной просьбѣ руку приложилъ якутскій мѣщанинъ А. Щегловскій⁴.

Прежде якуты продавали и дарили своихъ дѣтей, чтобы изба-

виться, отъ бѣды, нынѣ же продають ихъ отъ нужды в не въ качествѣ кулута, а въ качествѣ усыновленнаго или работника, но сущность рабства остается одна и та-же. Разница между прежнимъ рабствомъ и нынѣшнимъ заключается въ томъ, что прежде кулутъ не имѣлъ права уйти отъ своего господина и могъ быть убитымъ безнаказанно, теперь за все это полагается наказаніе, но сущность дѣла отъ этого мало измѣняется, и какъ усыновленный, такъ и купленный работникъ не выходитъ изъ рабской зависимости до тѣхъ поръ, пока какой либо случай не дастъ возможности расчитаться съ усыновителями, какъ это случилось съ сыновьями Максимова, отъ котораго помимо Василья и Прасковьи въ прошломъ году убѣжало 3 сына. Нерѣдко случается, что для того, чтобы покупкѣ мальчика или дѣвочки придать законную форму, пишутъ расписки или условія. Вотъ одна изъ такихъ расписокъ: „1889 г. ноября 11 дня, нижеподписавшіеся инородецъ Западно-Кангалагскаго улуса, 2-го Немюгинскаго нослега, Матвѣй Фидипповъ Давыдовъ далъ сию росписку инородкѣ 2 Мейтскаго нослега Авдотѣ Петровнѣ Корниловой въ томъ, что состою ей должнымъ 60 р., за которые отдаю въ работницы сестру свою на 10 лѣтъ съ 9 мая будущаго 1890 г. Въ случаѣ, если сестра моя Авдотья, имѣющая нынѣ 7 лѣтъ, не пожелаетъ жить, тогда долженъ безпрекословно уплатить деньги сполна; въ томъ по безграмотству его и по личной просьбѣ руку приложилъ инородецъ Павелъ Рѣниетниковъ. Росписка эта во 2 Мейтскомъ родовомъ управленіи къ свидѣтельству явлена (м п). Староста И. Корниловъ“⁴. Не успѣла 7-лѣтняя работница Авдотья присмотрѣться къ новой своей хозяйкѣ, какъ племянникъ Корниловой, Василій Корниловъ, пользуясь правомъ оильнаго не только захватилъ часть имущества у тетки, но и взялъ себѣ дѣвочку. Ни родовое управленіе, ни инородная управа, ни даже исправникъ спора между племянникомъ и теткой изъ за обладанія дѣвочкой и имуществомъ, какъ и слѣдовало ожидать, не вырѣшили до сего дня.

Рабство, существовавшее у якутовъ до завоеванія русскими, привилось не только къ классамъ привилегированнымъ, но и къ приленскимъ крестьянамъ, поселившимся здѣсь не много ранѣе 5 переписи въ Олекминскомъ округѣ и при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Якутскомъ. Крестьяне, точно также какъ и якуты, продають своихъ дѣтей, а особенно несовершеннолѣтнихъ своихъ дочерей. 6 декабря 1889 г. въ г. Олекминскѣ арестованъ поселенецъ Якутскаго округа Петръ Ивановъ, по частной иниціативѣ, за покупку у крестьянина Титъ-аринской станицы, Куренько, 12 лѣтней его дочери Катерины. Покупатель Ивановъ, чтобы придать законную форму, взялъ отъ Куренько удостовѣреніе, засвидѣтельствованное сельскимъ старостой, въ которомъ сказано, что Ивановъ беретъ Катерину въ обученіе, начавшееся 2 дня спустя послѣ покупки, какъ установлено дознаніемъ, растлѣніемъ. Къ сожалѣнію, виновный не

только не понесѣ должнаго наказанія, но былъ освобожденъ изъ туже зиму и прошелъ на промысла, если не ошибаюсь уже съ новой жертвой, которую, какъ водится въ данномъ случаѣ, перепродать съ барышомъ денежному человѣку. Этотъ постыдный обычай, принятый отъ якутовъ русскимъ населеніемъ, не только привился къ некультурному населенію, объякутившемуся крестьянству, образовавшемуся изъ ссыльно-каторжныхъ, плѣнныхъ поляковъ, стрѣльцовъ и казаковъ, сосланныхъ сюда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, но и къ мѣстной интеллигенціи, впрочемъ мало чѣмъ отличающейся отъ крестьянъ, развѣ только тѣмъ, что интеллигентъ нашъ умѣетъ читать и писать. Хамначиты и усыновленные какъ отъ тоеновъ убѣгаютъ, такъ и отъ русскихъ. Два года тому назадъ отъ купца Попова, живущаго на Берденской станціи, Олекминскаго округа, убѣжала 13 лѣтняя дѣвочка Настасья Алексѣева, инородка Сунтраскаго улуса, Вилюйскаго округа, купленная имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; недавно отъ крестьянина Амгинской деревни, Былкова, убѣжали два усыновленныхъ, потому что усыновитель жестоко обращался съ ними; одинъ изъ нихъ, впрочемъ, вернулся по просьбѣ Былкова во время судебного разбирательства въ Олекминской мірской избѣ (она соотвѣтствуетъ волостному правленію), съ такимъ условіемъ, что усыновитель далъ обѣщаніе не бить болѣе усыновленнаго.

Русская народность въ Якутской области, а въ частности и въ Олекминскомъ округѣ, не заключающая въ себѣ никакихъ цивилизующихъ задатковъ, сливаясь съ якутами, испортила ихъ въ нравственномъ отношеніи, нисколько не смягчила ихъ нравовъ. Къ порчѣ нравовъ якутовъ прилагали стараніе всѣ, начиная отъ всемогущаго якутскаго воеводы и кончая поселенцемъ, не исключая и православнаго духовенства, носителя и проповѣдника мира и любви къ ближнему, такъ что и христіанская религія не смягчала рабовладѣльчeskій характеръ Олекминскаго якута; онъ жестокъ по отношенію къ своему видоизмѣненному кулуту, носящему названіе въ обществѣ хамначита (работника, наемника), или ола (сына). Привязываніе къ столбу хамначитовъ и ола между зажиточными якутами и всевозможныя при томъ изстязанія — самое обыкновенное явленіе, и даже, если привязанный подъ ударами наказанія и умереть, то эта тайна не проникнетъ далѣе стѣнъ родового управленія, а если иногда случается, что она сдѣлается достояніемъ городскихъ обывателей, то объ этомъ поговорять, поговорять и забудутъ. Такая жестокая расправа удержалась у князевъ съ своими усыновленными и работниками, только благодаря якутской административной анархіи, господствовавшей съ испоконъ вѣковъ. Но я жестоко бы ошибся, если бы сказать, что всѣ якуты, покупающіе дѣтей, или усыновляющіе ихъ, жестоко обращаются съ ними и смотрять на нихъ, какъ на кулотовъ. Нѣтъ, многіе изъ нихъ, особенно незажиточные, смотрять какъ на своихъ дѣтей, и послѣ

смерти такіе усыновленные дѣлаются наслѣдниками своихъ усыновителей. Объ этомъ я постараюсь собрать точныя свѣдѣнія и непременно сообщить. Теперь мнѣ остается сказать, что рабство у якутовъ развилось по такимъ же историческимъ законамъ, какъ и у другихъ народовъ, и остатки его выражаются въ формѣ покупки женщинъ и дѣтей и въ усыновленіи, для того чтобы обойти существующій законъ. Что же касается древняго рабства, то понятно воспроизвести его нельзя, потому что формы его исчезли безслѣдно.

2. Умыкакіе, когда-то существовавшее у якутовъ ¹⁾.

Древняя форма брака у якутовъ; заключалась въ похищеніи невѣсты; она была проста, но приготовленія къ этому похищенію обставлялись весьма торжественно. Они состояли въ томъ, что отецъ жениха, желая похитить невѣсту изъ инсплеменницъ, потому что такъ когда-то велѣлъ дѣлать родоначальникъ Могохтахъ, созывалъ всѣхъ оюновъ, жившихъ по близости, и сосѣдей. Хозяинъ, въ присутствіи собравшихся гостей, выводилъ изъ стойки жеребца и привязывалъ его къ стѣблу (коновязи), стоявшему во дворѣ, а изъ юрты въ это время двое молодыхъ почетныхъ людей, еще не женатыхъ, выносили сосудъ (сабарай), наполненный кумысомъ и ставили около коновязи. Въ этотъ моментъ одинъ изъ самыхъ старшихъ оюновъ, самыхъ знаменитыхъ, выдѣляясь изъ толпы, подходилъ къ сабарай, бралъ въ руки пучекъ сѣна или травы, погружалъ въ кумысъ и кропилъ привязаннаго жеребца, обращаясь при этомъ къ богу *Умыка* съ просьбой, чтобы онъ помогъ благополучно похитить невѣсту. Вслѣдъ за этимъ разводили на дворѣ огонь, и тотъ же оюнъ вызывалъ и заклиналъ 40 злыхъ духовъ, причиняющихъ всегда вредъ человѣку, а въ частности, въ случаѣ удачнаго похищенія, не причинили бы вреда новобрачнымъ и не послали бы болѣзней какъ имъ, такъ и потомству. Вотъ духи которые вызывались и заклинялись: 1) Хара соронъ тоёнъ (черный орелъ господинъ), 2) Ани буолбутъ хара Джагалынъ (грѣхомъ сдѣлался черный Джагалынъ), 3) Эджигянъ хотунъ ычгътэ (Миган-

¹⁾ Замѣтка эта, по моему представляеть интересъ потому, что въ Олѣкинскомъ округѣ объ умыканіи невѣсты преданіе исчезло и Е. Габышевъ явился единственнымъ человѣкомъ, способнымъ передать эту форму брака, такъ что если 70-80 лѣтніе старики умрутъ, то у слѣдующаго поколѣнія уже ничего нельзя будетъ узнать о старинной формѣ брака. Что же касается перевода по русски именъ злыхъ духовъ, вызывавшихся оюнами, то откровенно сознаюсь, что онъ крайне неудаченъ, хотя я старался записывать точно со словъ Габышева, который, какъ видно, самъ пропустилъ во многихъ мѣстахъ слова. Переводъ же собственныхъ именъ духовъ не мыслилъ, потому что въ сивкахъ и песняхъ встрѣчается много словъ, значенія которыхъ якуты не знаютъ, и сказочный языкъ—языкъ старій.

ская женщина злой духъ¹⁾, 4) Таяхтахъ насисыкъ хотунъ Бахэй малана кэлтэгей кэяны (по-русски слова не переводимы), 5) Ордахъ нюча тоёнъ (злой русскій начальникъ), 6) Ытыкъ маннехой хотунъ (ытыкъ вертлявая барыня или женщина), 7) Ирюнъ огустахъ (бѣлый быкъ), 8) Бастъ эттютянъ манабытъ кетяхъ кэтя-бптъ хотунъ Кистэй (съ головы караулила съ затылка сторожила женщина Кистей), 9) Дже ычтэ буолбутъ Едёнъ кюнясь оюнъ (домовымъ сдѣлался Едень шаманъ), 10) Ерь сюрюкъ буолбутъ ать чаадай оюнъ (Ерь шаманъ съ чалой лошадей превратился въ струю), 11) Кель ычтэ кереланка тоёнъ (господинъ озерный чертъ выскакиваетъ изъ воды), 12) Хара тэ ычтэ Баянай бай барылахъ (черный лѣшій Баянай, богатый покровитель звѣрей), 13) Солъ ычтэ сарестюгэсъ кысъ (дорога злого духа какъ витая крученая), 14) ылыккы ычтэ ханнисъ тыгызъ олъ (не большой холмъ злаго духа, какъ вертлявый парень), 15) Кюню керсеръ кусаганъ комисаръ? (Видитъ еще солнце злой комисаръ?), 16) Кюляръ Туччить (смѣется Туччить), 17) Тыны кытта сыляяръ тырлай Туччить (дыханіе со свѣтомъ (соединено) у Туччить)²⁾, 18) Тырбыяхситъ (телятина), 19) Сэттэ ычтэ (злой духъ стѣны), 20) Сары бэргэсэ (изъ ровдуги шапка), 21) Ая буолбутъ бура дохсунъ (безгрѣшный сдѣлался строптивымъ), 22) Былытъ кигэ кыскэйданъ Удаганъ (Удаганъ облака дочь), 23) Отъ мастъ ычтэ кетяхъ эттютянъ кэтябитъ кэха буха джоннарбутъ (злой духъ сѣна и лѣса, кукушка со стороны затылка караулить (людей), 25) Бастъ эттютянъ манабытъ (караулить со стороны головы)³⁾, 26) Охчо ахтыбытъ (вспоминали Охчо)⁴⁾, 27) Тѣлѣно тураччи Турганъ (Тургенъ стоячее пламя), 28) Тарасита болбутъ (обморокомъ сдѣлался)⁵⁾, 29) Кыбыты болбутъ кынчарганъ кизъ (быстро смотритъ дѣвушка завязнувшая между двумя)⁶⁾, 30) Тора тосахъ кугасъ ынахтахъ Тогойданъ тоёнъ, (господина Тогойдана рыжая корова, имѣющая пятна поперегъ лба), 31) Тоенъ ыгызъ багыгаръ олороръ чоботылахъ тогойдонъ тыллахъ (господинъ ыгызъ, скороговоръ въ головахъ сидитъ съ выпуклымъ языкомъ), 32) Уаръ оллахъ олусхаръ тоёнъ Угаръ кыстахъ Джансаръ хотунъ (Уаръ безъ жены имѣлъ сына господина Угара съ дѣвицей Джансаръ (превратившейся въ женщину), 33) Кёртъ богана тердюгэръ Агыя хотунъ (женщина Агыя (имѣла 4 столба на верху), 34) Хара долонъ ычтэ, Укланъ тоёнъ (господинъ Укланъ злой духъ, черный соколъ), 35) Хара тэ ычтэ Обланъ тоёнъ юряхъ, юряхъ ычтэ, Ыргачанъ хотунъ (тем-

1) Это такъ называемая жиганская Огропела.

2) Туччить собств. имя, не переводимое по-русски.

3) Кто караулитъ, неизвестно. Вѣроятно, собственное имя, при передачѣ отъ одного поколѣнія къ другому, утратилось.

4) Охчо—собственное имя.

5) Собственное имя вѣроятно также затерялось.

6) Между чѣмъ? Вѣроятно какое-то слово опущено.

наго лѣса злой духъ, Обланъ господинъ рѣчки, рѣчка злой духъ Ыргачанъ женщина), 36) Тогусъ Тото, тѣрдѣ нотогой олъ (девятиый Тото, сверху брюхатый сынъ), 37) Сэттѣ Бэрлэй тѣрдѣ дилбинъ кизъ (у дѣвушки Бэрлэй на верху 7 клѣтокъ), 38) Боръ баръ малахай тоёнъ (глина есть у плѣшиваго господина), 39) Кѣхъ абрэнъ сѣгѣлахъ сюля бай тоёнъ (синій, корявый со скотомъ, очень богатый господинъ), 40) Кюрюджахтахъ бордахъ састыхтахъ бордахъ хорурдахъ Орсонъ Дурэй тоёнъ (съ глиняной лопатой, съ желѣзной маленькой лопаткой Орсонъ Дурэй господинъ).

Всѣхъ этихъ 40 духовъ въ состояніи были вызывать и заклинать только самые знаменитые оюны, другіе же вызывали ихъ не болѣе, 10—15. Оюнъ, вызывавшій 40 духовъ, отрѣзывалъ, будто бы, себѣ голову, сажалъ ее на остроконечную палку, а затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, опять приставлялъ ее себѣ на плечи.

Кончивъ вызываніе и заклинаніе духовъ, оюнъ объявлялъ всѣмъ присутствовавшимъ во всеуслышаніе: «юсь тугуллухъ солга», что значить по русски: 39 дорогъ; фраза эта понималась еще такъ: оюнъ такъ далеко прогналъ злыхъ духовъ, что они находятся теперь за 39 дорогами и болѣе никогда на это мѣсто не вернутся. Послѣ этого отвязывали жеребца, посвященнаго ытыку, и отпускали его на волю, которой онъ пользовался до тѣхъ поръ, пока не издыхалъ. Такого жеребца никто не смѣлъ бить, и всякаго, ударившаго его палкой, постигало несчастіе.

Если отецъ невѣсты узнавалъ о готовящемся нападеніи, онъ также созывалъ оюновъ и сосѣдей и также созывались и заклинались духи, но только съ тою разницею, чтобы они не мѣшали отразить нападеніе.

Отпустивъ посвященнаго ытыку жеребца, отрядъ жениха садился на коней, захвативъ съ собой сѣстные припасы, кумысъ и подарки на всякій случай, вооружась луками, батасами (кинжалами, надѣвавшимися на палку и напоминавшими по своему устройству казацкую пику), ножами и кортиками, отправлялись въ путь, предводительствуемые оюномъ. Пріѣхавъ во дворъ невѣсты, всѣ становились въ рядъ около столба (коновязи). Навстрѣчу пріѣхавшимъ выходилъ изъ дома невѣсты тоже вооруженный отрядъ и становился въ ряды напротивъ враждебнаго отряда. По знаку оюновъ-предводителей начиналась стрѣльба въ дѣль изъ луковъ, или борьба двухъ силачей, выставленныхъ съ той и другой стороны, или драка стѣна со стѣной, т. е. отряда съ отрядомъ. Если въ борьбѣ побѣдительницей оказывалась стѣна жениха, она врывалась въ юрту, гдѣ сидѣла невѣста, которая и увозилась женихомъ, возвращавшимся впереди всѣхъ. Но если побѣда была на сторонѣ невѣсты, тогда горе было побѣжденнымъ. Побѣжденные старались укротить гнѣвъ побѣдителей, угощали кумысомъ, разными кунаньями и дарили дѣнные вещи. Побѣдители, случалось убивали всѣхъ побѣжденныхъ. Случалось, что женихъ нападалъ на юр-

ту невѣсты нечаянно, что случалось часто, и увозилъ ее; тогда отецъ и родственники невѣсты созывали сосѣдей, вооружась ѣхали въ погоню, для того чтобы отбить похищенную, и, понятно, дѣло иногда кончалось убитыми съ обѣихъ сторонъ.

Побѣдитель женихъ, какъ я сказалъ выше, ѣхалъ съ невѣстой впереди отряда, не оглядываясь назадъ. Пріѣхавъ во дворъ юрты, снималъ съ лошади невѣсту, становился съ ней рядомъ предъ входомъ въ юрту, изъ которой выходила мать и благословляла новобрачныхъ. Благословеніе состояло въ томъ, что она бросала въ лица жениха и невѣсты дорогими шкурами или какими-либо цѣнными вещами, обращаясь при этомъ къ богамъ *Эжситъ, Джююю и Джунуку*, чтобы они наградили богатствомъ новобрачныхъ, а также дѣтьми и скотомъ. Оконъ въ этотъ моментъ, вошедшій первымъ въ юрту, предъ горящимъ каминомъ просилъ тѣхъ же боговъ, которыхъ просила о томъ же мать жениха, и, окончивъ просительную молитву, бралъ изъ камелька (камина) пепла, посыпалъ порожекъ юрты, чрезъ который должны были перешагнуть новобрачные, выходилъ во дворъ, бралъ за руку жениха и невѣсту, лицо которой было закрыто какой-либо шкурой или шапкой и вводилъ въ юрту; здѣсь женихъ отводилъ ее въ укромный уголокъ, обыкновенно, за печку, гдѣ она сидѣла одиноко, всегда закрытая, и никто не имѣлъ права входить къ ней кромѣ мужа. Безъ покрывала она никогда не выходила изъ своего угла во дворъ или на работу. Это такъ дѣлалось для того, чтобы не видѣть лица ея свекоръ и лебедь, относимый къ божеству, который похищалъ красивыхъ женщинъ. Молодая женщина ходила закрытой нерѣдко 3—4 года, или до тѣхъ поръ, пока не рождался у нея ребенокъ.

Женихъ, похитившій невѣсту, спустя годъ или два послѣ похищенія, дѣлалъ визитъ тестю, продолжавшійся 3 дня; причемъ онъ не раздѣвался во все это время, не казалъ ни лица, ни волосъ и не снималъ съ головы шапки съ рогами. Невѣста же въ это время находилась дома и уже послѣ возвращенія мужа ѣхала вмѣстѣ съ нимъ къ своимъ родителямъ и также не показывала своего лица никому. Шапка ея была съ серебряной или мѣдной бляхой.

Эта форма брака записана мною со словъ родовича Олекминскаго улуса, Маджегарскаго послега, Мокушкина рода, Егора Габышева, извѣстнаго въ округѣ сказочника, пѣвца и хранителя старинныхъ обычаевъ предковъ.

М. Овчинниковъ.

Памяти А. Ө. Гильфердинга.

(Къ двадцатипятилѣтвей годовщинѣ его смерти).

Двадцать шесть лѣтъ тому назадъ въ Олонецкомъ краѣ появился въ-скольکو необычный „генералъ“, особенно неутомимо преслѣдовавшій мѣстныхъ пѣвцовъ былинъ, т. н. сказителей. Сохранился „неоцѣнный по своему простодушію“ ¹⁾ рассказъ о знакомствѣ съ нимъ одного изъ такихъ сказителей, Касьянова ²⁾. Последняго, не смотря на рабочую пору, какъ онъ самъ передаетъ, „побудило желаніе видѣть такое важное лицо въ самыхъ глухихъ и непроходимыхъ мѣстахъ. Это болѣе пришло въ удивленіе и въ большой смѣхъ, что господа собираютъ былинны: говорили между собой, что господамъ, должно быть, въ Петербургѣ болѣе дѣлать нечего“... Прибывъ на мѣсто, рассказываетъ Касьяновъ: „поутру явился и размышляю такъ, что наши уѣздные господа становые пристапа и развѣя служащіа лица весьма гордые, и думалъ, какъ явлюсь я къ генералу, беретъ страхъ и ужасъ. Затѣмъ, перекрестивъ глаза, и говорю: А что Господи дастъ! если чего и не знаю, да съ мужика, такъ думается, и не взыщеть“. Ободрило Касьянова знакомство съ „генеральскимъ“ камердинеромъ, „который собою очень привѣтливый и скромный... должно быть, хорошаго господина слуга: онъ всѣхъ учтиво принимаетъ“, замѣчаетъ Касьяновъ. „Самъ Александръ Ѳедоровичъ, продолжаетъ Касьяновъ, принялъ меня очень ласково. Но я, видя такое важное лицо, стоялъ передъ нимъ съ дрожащимъ сердцемъ“. Эта робость вскоре прошла: появился чай, и „когда выпилъ я, Касьяновъ, ставая чаю, то посвѣжилася духомъ, какъ будто стало и посмѣлѣе... А на другой день мнѣ было очень весело, потому что познакомился съ господиномъ, и видя, что это онъ человѣкъ очень скромный, смиренный и ласковый, и размышляю про себя: должно быть, господа—что чинъ выше, то и добрѣе“. За угощеніемъ слѣдовало сказываніе былинъ, подъ вечеръ прогулка вѣселей, во время которой спутникъ Касьянова удѣляетъ вниманіе и мѣстнымъ условіямъ жизни. Между тѣмъ является еще одинъ сказитель и высказываетъ

¹⁾ „Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ“ Бестужева-Рюмина. Онежскія былинны, изд. второе, т. 1, стр. XX, прим.

²⁾ „Воспоминаніе крестьянина (Ивана Анніевича Касьянова) объ А. Ө. Гильфердингѣ“. Р. Старина 1872 г. № 12.

са новая былина; просматривается старая грамота и выслушивается объясненіе, „что значить пидина лѣсу и сколько занимаетъ мѣста“. Для характеристики отношеній, установившихся между новыми знакомыми, небезынтересенъ еще слѣдующій эпизодъ, случившійся при ихъ прощальномъ чаепитіи. „Позвольте мнѣ поближе къ самовару, попросилъ Касьяновъ: тамъ мнѣ повыгоднѣе будетъ: здѣсь стакань, два, а три и то много, а тамъ и пятокъ—такъ ничего“.

Едва ли послѣ всего этого нужно будетъ прибавлять, что далеко не изъ-за щедрого только вознагражденія денежнаго Касьяновъ своего отъѣзжающаго „генерала“ „проводилъ глазами, откуда было можно видѣть“.

Этотъ „генералъ“ былъ извѣстный славистъ, видный общественный дѣятель, глубокий и самоотверженный этнографъ, своею жизнью заплатившій за тѣ приобрѣтенія, которыя онъ сдѣлалъ для родной науки; это былъ А. Ѳ. Гильфердингъ.

Славянофильство воспитало въ немъ интересъ къ народности; обширная эрудиція сдѣлала изъ него народника—ученаго; занятія исторіей, остававшаяся особенно надъ явленіями внутренней жизни народовъ, давали ему историческую перспективу, необходимую для правильнаго отношенія къ современнымъ даннымъ народной жизни; ученая и дипломатическая практическая дѣятельность въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи была, можно сказать, пробѣжкой и завершеніемъ его теоретической подготовки; она раскрыла предъ Гильфердингомъ замѣчательное поле для изученія и, что весьма важно, самый вопросъ о народности представила во всемъ его, быющемъ въ глаза, жизненномъ значеніи, чудомъ какъ кабинетнаго подкрашиванія, такъ и таковаго же игнорированія. Разносторонняя не только ученая, но и общественная дѣятельность содѣйствовала широтѣ взглядовъ Гильфердинга; смѣлость и глубина мысли, а также рѣдкая ясность и отчетливость ея, сообщали всѣмъ трудамъ Гильфердинга глубокий общій интересъ, интересъ широкихъ картинъ, мастерскихъ обобщеній, остроумныхъ соображеній, смѣлыхъ догадокъ, которыя если и не всегда оправдываются наукой, то зато всегда двигаютъ ее дальше. Ко всему этому прибавьте замѣтную въ самыхъ сухихъ изслѣдованіяхъ свѣжесть—отраженіе природной живости ума и характера Гильфердинга, и ту непринужденность, которая являлась слѣдствіемъ замѣчательной легкости, съ какою „давалась самая многосложная работа этому человеку“.

Такого-то изслѣдователя счастливая случайность сдѣлала завершителемъ „собирательнаго“ періода въ исторіи русскаго былеваго вноса, и не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ трудѣ Гильфердинга, посвященномъ былинамъ, всѣ отличительныя качества этого изслѣдователя собрались какъ бы въ оптическомъ фокусѣ и проявились въ полномъ блескѣ.

А. Ѳ. Гильфердингу давно хотѣлось побывать на нашемъ сѣверѣ, сдѣлавшемся особенно интереснымъ послѣ открытіи тамъ П. Н. Рыбниковымъ замѣчательныхъ сказителей. Къ простой любознательности здѣсь могло примѣшиваться желаніе пробѣрить Рыбникова, такъ какъ сборники былинъ послѣдняго вызвали было сильное недовѣріе въ обществѣ. 1871 г. 30 іюня Гильфердингъ началъ свое путешествіе по Олонецкому краю и

окончилъ его 27 августа. „Имѣя въ виду, что сборникъ Рыбникова былъ плодомъ многолѣтняго пребыванія въ краѣ, я, говоритъ Гильфердингъ, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не рассчитывалъ вначалѣ на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ нѣкоторыми сказителями. Между тѣмъ счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя“¹⁾. Именно, первый же сказитель, на котораго натолкнулся Гильфердингъ, оказался раскольникомъ, между тѣмъ какъ, по утвержденію Рыбникова, у раскольниковъ нельзя было найти никакихъ остатковъ народнаго эпоса. Гильфердингъ совершенно основательно сталъ подозрѣвать (а потомъ вполнѣ убѣдился), что Рыбниковъ не могъ ничего найти у раскольниковъ по своему личному положенію, какъ членъ мѣстной губернской администраціи, но что въ дѣйствительности былины поются и раскольниками. Гильфердингъ побывалъ въ самомъ центрѣ раскольничьего населенія и, благодаря своему такту въ обращеніи съ раскольниками, встрѣтилъ у нихъ самый радушный пріемъ и значительно пополнилъ запасъ былины Рыбникова. Много помогло Гильфердингу и то, что случайно онъ нашелъ себѣ спутника въ лицѣ крестьянина, имѣвшаго знакомыхъ во всѣхъ углахъ Зонежья. Благодаря ему, устранялось недоверіе, съ которымъ олончане обыкновенно смотрѣли на пріѣзжаго изъ Петербурга; тотъ же крестьянинъ, пока Гильфердингъ гдѣ-нибудь записывалъ былины, ходилъ, бывало, верстъ за 40—50 „доставать“ новыхъ сказителей. Потомъ молва о щедромъ собирателѣ старинныхъ пѣсень приводила и такихъ, про которыхъ ни Гильфердингъ, ни его спутникъ и не знали. Материалу набиралась масса и случалось такъ, что инымъ сказителямъ приходилось ждать по два и по три дня, между тѣмъ какъ Гильфердингъ записывалъ былины до полного физическаго утомленія. Въ результатъ, въ 48 дней было прослушано 70 пѣвцовъ и пѣвицъ, собраны и составлены ихъ біографіи, записано и проверено 318 былинь. Составилась рукопись въ 1203 полулиста, писанная вся, отъ первой до послѣдней страницы, рукою Гильфердинга²⁾.

На слѣдующій годъ Гильфердингъ снова отправился въ Олонецкій край и, „увлекаемый интересами науки, захотѣлъ пробыть нѣкоторое время между толпой простого народа, прислушаться къ его говору, услышать старинную пѣсню и т. п., а потому отправился до Вытегры на трешнотъ. Нельзя утверждать положительно, но очень вѣроятно, что здѣсь-то онъ и заразился смертельной болѣзью“³⁾. 20-го іюня 1872 года онъ скончался въ Каргополѣ, откуда тѣло его было перевезено 4-го іюля въ Петербургъ и похоронено въ Новодевичьемъ монастырѣ.

— „Предъ нами, братья, жертва любви къ наукѣ и своему призванію, жертва ревности къ своему дѣлу“, было сказано при погребеніи

1) „Олонецкая губернія и ея народные расказы“. Онежскія былины, 2 изд. стр. 10.

2) Предисловіе П. Гилдебрандта къ 1-му изд. Онежскихъ былинь.

3) Письмо изъ Каргополя о болѣзни Гильфердинга. Р. Стрѣна 1872 г. № 10.

Гильердинга ¹⁾. — „Это былъ служитель науки, знанія“ говорилось тамъ же ²⁾. . . „Но наука, которой служилъ почившій, имѣлъ для насъ особенное нравственно-жизненное значеніе. Она касается самаго близкаго къ намъ вопроса, — вопроса о насъ самихъ, о нашей родной странѣ съ ея завѣтными вѣрованіями и преданіями, о нашемъ народѣ и его сродствѣ съ другими единоплеменными народами, о нашемъ внутреннемъ духовномъ складѣ, о нашемъ народномъ характерѣ“. Смерть Гильердинга явилась одной изъ тѣхъ, которыя не проходятъ незамѣтно для общества, и этнографическая дѣятельность послѣднихъ годовъ жизни Гильердинга сыграла здѣсь не малую роль ³⁾. Если на первыхъ порахъ эта дѣятельность могла представлять нѣсколько случайный интересъ (свѣжестъ событія, трагическая участь собирателя, особое вниманіе къ былевому творчеству и стремленіе къ народничеству), то съ послѣдовавшимъ вскорѣ появленіемъ въ печати собраннаго Гильердингомъ матеріала ⁴⁾ она должна была получить болѣе глубокое значеніе. Стало ясно тогда, какую массу труда и умѣнья приложилъ собиратель, какую массу новаго, подчасъ едва уловимаго на первый взглядъ, сумѣлъ извлечь онъ оттуда, гдѣ уже была собрана обильная жатва! Значеніе „Онежскихъ былинъ“ особенно замѣтно, когда мы обращаемся къ тому, что было до Гильердинга и что, если такъ можно выразиться, Гильердингъ завѣщалъ послѣдующимъ поколѣніямъ.

Уже въ древней письменности находимъ записи былинъ; но былины тогда рассматривались, какъ матеріалъ, конечно, не этнографическій, а простой повѣствовательный, способный доставить нѣкоторое развлеченіе; потому-то и формой, и самымъ названіемъ онѣ тяготѣли къ различнымъ сказаніямъ, повѣстямъ, словамъ — преобладающему тогда виду книжной словесности.

Отличны по формѣ, одинаковы по цѣлямъ изданія былевого матеріала въ XVIII вѣкѣ. Съ одной стороны, герои и героини нашего былевого эпоса являлись только для нѣкоторой націонализаціи подчасъ совершенно фантастическихъ происшествій; съ другой стороны, былины входили въ столь распространенные въ XVIII и началѣ XIX-го вв. пѣсенники, о характерѣ и назначеніи которыхъ можно судить по заглавію лучшаго изъ нихъ: „Новое и полное собраніе российскихъ пѣсень, содержащее въ себѣ пѣсни Любовныя, Наступскія, Шутливыя, Простонародныя, Хоральныя, Свадебныя, Святочныя, съ присовокупленіемъ Пѣсень изъ разныхъ Россійскихъ Оперъ и Комедій“. Нельзя впрочемъ отрицать того, что и въ XVIII в. уже пробивалось сознаніе, что памятники народнаго творчества сущест-

¹⁾ Рѣчь ректора СПб. Дух. Семинаріи, Хрисанова Р. Старива № 10 1872 г.

²⁾ Ibid.

³⁾ Кромѣ цитованнаго ср. некрологи: въ Голосѣ, 1872 г. № 53, Бестужева Рюмина; въ Вѣстникѣ Европы, 1872 г. № 8; Биржевыя Вѣдомости 1872 г. № 170; Спетербургскія Вѣдомости 1872 г. №№ 168, 195; и др.

⁴⁾ „Онежскія, былины, записанныя Александромъ Федоровичемъ Гильердингомъ лѣтомъ 1871 г.“ СПб. 1873.

вуютъ не для одного только удовольствія любителей пріятнаго и веселаго препровожденія времени, но развитіе это сознаніе еще не успѣло.

Къ тому же XVIII в. восходитъ загадочный сборникъ, названный пмя Кириши Данилова ¹⁾. Среди прочихъ, современныхъ ему сборниковъ, онъ стоитъ особнякомъ, такъ какъ представляеть, записи текстовъ, удовлетворяющія научнымъ требованіямъ до известной степени, конечно, но мы должны помнить о трудности записыванія былинъ. Первый издатель этого сборника, Якубовичъ, остался всецѣло на почвѣ XVIII в.; второй, известный Калайдовичъ, очутился на перепутьѣ двухъ дорогъ: онъ то разсматриваетъ издаваемый имъ сборникъ, какъ этнографическій матеріалъ, имѣющій свой особый критерій, то предъявляетъ къ нему литературныя требованія XVIII вѣка и серьезно упрекаетъ Киришу Данилова въ томъ, что тотъ „даже цѣлыя семь пѣсенъ пустилъ по тому пути, на коемъ впоследствии прославился Барковъ“.

Первымъ этнографомъ-собираателемъ явился Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, съ изумительнымъ трудолюбіемъ и любовью къ дѣлу собиравшій, начиная съ тридцатыхъ годовъ, громадный матеріалъ, который, къ сожалѣнію, ему самому почти вовсе не удалось издать. За Кирѣевскимъ остается слава первой широкой постановки этнографическихъ разсматриваній, ближайшій результатъ которой въ исторіи русскаго эпоса былъ тотъ, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ поздиѣ уже ничего нельзя было найти, были подобраны хотя послѣднія крохи разлагающихся и замирающихъ былинъ. Кирѣевскій отчасти самъ записывалъ былинны, отчасти для него это дѣлали другіе. Первое необходимо для практическаго ознакомленія съ изучаемымъ матеріаломъ въ его источникѣ; второе для съ его времени было важно потому, что распространяло интересъ къ этнографіи и прививало мѣстныя этнографическія изслѣдованія. Въ этомъ второмъ отношеніи несомнѣнное значеніе принадлежитъ и Сахарову, съ его напечатанными изданіями, а поздиѣ И. И. Срезневскому, въ его трудахъ по второму отдѣленію Академіи Наукъ. Какъ издатель, Сахаровъ не далеко ушелъ отъ XVIII в., да и Кирѣевскій былъ не безгрѣшенъ, потому что позволялъ себѣ составлять изъ многихъ вариантовъ одинъ общій текстъ, выбирая изъ каждаго варианта тотъ стихъ, который казался ему наилучшимъ. Въ ту пору наука еще не дошла до бережнаго обращенія съ изслѣдуемымъ этнографическимъ матеріаломъ, и еще отзывалась та эпоха, когда изъ-за побужденій, имѣющихъ съ наукой мало общаго, допускались даже подлоги.

Мало интересовались тогда и тѣми условіями, въ которыхъ находили этотъ матеріалъ, и съ большей охотой старались разыскивать въ немъ отраженія идеаловъ добраго стараго времени, чѣмъ вникнуть въ современную связь народнаго творчества и народнаго быта.

¹⁾ Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киришемъ Даниловымъ. Москва 1818 г. (второе дополн. изд., первое—1804) Ср. П. Н. Песопера, Замѣтку о сборникѣ Кириши Данилова, II т. 1 кн. Извѣстій Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ.

Издатель матеріаловъ, собравныхъ П. В. Кирѣевскимъ, П. А. Безсоновъ, задумалъ грандіозное дѣло: опираясь на собраніе Кирѣевского и на пѣсни и сказки, извѣстныя по другимъ изданіямъ, онъ хотѣлъ дать народно-поэтическую исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ по XIX в. исключительно. Предпріятіе было доведено до конца... но уже при самомъ началѣ обнаружилась и несостоятельность его. Былевой матеріалъ, извѣстный дотогѣ, оказался лишь малою частью, да и то не лучшимъ, того, что хранилось еще въ народной памяти, и никакъ не укладывался въ тѣ рамки, въ которыя хотѣлъ втиснуть его г. Безсоновъ. Получилось громоздкое изданіе съ неособенно удачно систематизированнымъ матеріаломъ и замѣтками издателя, длинными до утомленія и рискованными до ненаучности.

Почти въ одно время съ „Пѣснями, собранными П. В. Кирѣевскимъ“ появились въ печати „Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ“. Рыбникову выпало на долю раскрыть для науки богатѣйшія сокровища Олонецкаго края, этой Исландіи нашего былого эпоса, но самая грандіозность матеріала подавила изслѣдователя, который явился не господиномъ его, а скорѣе рабомъ. Самая точность Рыбникова не безъ отбѣнка формализма: Рыбниковъ далъ тексты, безусловно точные по содержанію, но лишенные духа живого. Записи Рыбникова, если позволено будетъ прибѣгнуть къ аллегоріи, это сказочный мертвецъ, уже спрыснутый мертвой водой, но еще ожидающій живой воды. Рыбниковъ удержался отъ рискованныхъ обработокъ, допущенныхъ, напримѣръ, Кирѣевскимъ, — и въ этомъ его заслуга; но онъ не возвысился до той широты взгляда, которая позволяетъ устремлять взоръ въ сокровеннѣйшіе тайники изслѣдуемаго явленія и далѣе его; онъ не имѣлъ также навыка быстро схватывать и запечатлѣвать въ своихъ записяхъ тѣ едва уловимыя черточки, которыя онъ самъ же чувствовалъ и самъ же оцѣнилъ по достоинству, — это его недочетъ. Такъ у Рыбникова пропадаютъ стихи, языкъ, этнографическое освѣщеніе былинъ; достаточно сказать, что свѣдѣнія о томъ, гдѣ и какъ были найдены былины, появились лишь въ третьей части изданія, уже послѣ зачѣпаній по этому поводу критики, да и то въ далеко неполномъ видѣ. Нельзя поэтому особенно удивляться тому, что открытіе Рыбникова было встрѣчено съ недо-вѣріемъ.

Но какъ бы тамъ ни было, сборникъ Рыбникова далъ массу новаго матеріала, собралъ нѣкоторые свѣдѣнія о неожиданно найденной сокровищницѣ русскаго былого эпоса и подготовилъ дѣятельность Гильеердинга. Выше было уже указано, какъ подъ влияніемъ Рыбникова Гильеердингу сдѣлался собирателемъ былинъ. Рыбниковъ же далъ Гильеердингу первоначальныя свѣдѣнія о сказителяхъ; онъ же наметилъ значеніе въ былинахъ личности сказителей и значеніе записей по пѣтому, а не по сказываемому. Всѣмъ этимъ замѣчательно воспользовался Гильеердингъ и мастерски развилъ въ цѣлую систему. Его записи, производившіяся не съ пословесной передачи былины, какъ у Рыбникова, а по пѣтому, буквально передаютъ не только содержаніе, но и самый складъ былины, ея форму, духъ, языкъ. Это одна сторона дѣла; не менѣе важнымъ было тщательное освѣщеніе не только современнаго, но отчасти и былого положенія былинъ

въ край, сдѣланное къ тому же въ фонѣ общей картины, о которой одинъ изъ авторитетныхъ нашихъ ученыхъ выразился слѣдующимъ образомъ: „Исследователь понималъ свою задачу такъ широко и серьезно, какъ только можно было желать: специальная задача не закрыла отъ него вопроса о цѣломъ бытѣ видѣннаго имъ варода, и онъ относится къ этому народу съ такимъ вниманіемъ, съ такимъ разумѣніемъ его тяжелыхъ нуждъ, говорить о нихъ съ такой убѣдительною и, иногда, такой смѣлостью, которыя вызывали самое полное сочувствіе. Живое сближеніе съ народнымъ бытомъ возбуждало въ немъ такое чувство и такія мысли, которыя могли вполне раздѣлить съ нимъ и люди, въ другихъ случаяхъ не раздѣлявшіе его мнѣнія“.¹⁾

Вообще своими этнографическими разысканіями Гильфердингъ далъ богатѣйшій матеріалъ для цѣлага ряда разнообразныхъ вопросовъ, въ которыхъ болѣе чѣмъ было имъ же намѣчено и отчасти разрѣшено. Такъ, Гильфердингомъ были раскрыты условія сохраненія въ вародѣ былевого вноса и объяснено то, почему послѣдній удержался въ Олонецкомъ край тогда какъ давно уже замеръ въ другихъ мѣстахъ. Было подмѣчено также, какъ усвоиваются бывшны отдѣльными связителями, какъ вымираютъ въ однихъ мѣстахъ Онежскаго края и живутъ полною жизнью въ другихъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, какъ понимать эту жизнь былинъ; во всякомъ случаѣ, Гильфердингомъ былъ поднятъ вопросъ первостепенной важности, и если бы добыты Гильфердингомъ современныя и въкоторыя историческія данныя о положеніи эпоса въ известномъ районѣ систематически пополнялись отъ времени до времени, то мы теперь имѣли бы весьма цѣнные матеріалы для исторіи нашего эпоса. Сюда надо прибавить вопросъ о связителяхъ, Гильфердингомъ выясненный во всемъ значеніи; собранныя Рыбниковымъ и Гильфердингомъ свѣдѣнія о нихъ до сихъ поръ, за немногими случайными сообщеніями, являются единственными. А, между тѣмъ, безъ такихъ данныхъ односторонними выйдутъ рѣшенія общихъ вопросовъ, вродѣ вопроса о степени устойчивости нашего былевого эпоса, — о происхожденіи его различныхъ культурныхъ слоевъ, — о томъ въ какомъ отношеніи къ нему находится простой народъ, является ли этотъ народъ творцомъ былинъ или только хранителей ихъ и, если вѣрно второе, то въ какой степени.

До Гильфердинга стихотворный размѣръ былинъ подлежалъ большому сомнѣнію; записи Гильфердинга не только устранили это сомнѣніе, но и раскрыли присутствіе даже не одного, а вѣсколькихъ размѣровъ, намѣченныхъ самимъ собирателемъ, впрочемъ, по устарѣлому методу. Точное сохраненіе стиха, между прочимъ, важно потому, что содѣйствуетъ лучшей выдержанности языка; а такъ какъ изъ пѣсни слова не выкинешь, то въ записяхъ даже XIX в. наряду съ современными особенностями мѣстныхъ говоровъ должны были сохраниться и древнія особенности, этимологическія и синтаксическія. Этотъ вопросъ также стоило бы сдѣлать предметомъ особаго изслѣдованія, и судя потому, что, напримѣръ, проф. Собо-

¹⁾ А. Н. Пыпинъ. Вѣстникъ Европы 1872 г. № 8 стр. 906.

левскій и проф. Владиміровъ уже отличали въ былинахъ остатки старыхъ формъ, старанія не остались бы безплодными. ¹⁾

Особаго вниманія заслуживаетъ у Гильфердинга расположеніе былинъ не по богатырямъ или сюжетамъ, а по сказителямъ. Это распредѣленіе имѣетъ прежде всего то частное значеніе, что отдѣляетъ личное вліяніе сказителей и вводитъ изслѣдователя въ кругъ своего рода литературныхъ школъ; но съ нимъ же связано и нѣчто большее, имѣющее громадное общее значеніе: своимъ распредѣленіемъ былинъ Гильфердингъ отрѣшился отъ господствовавшаго взгляда на былины, какъ на простодушныя преланія старины глубокой, созданныя непосредственнымъ поэтическимъ воодушевленіемъ всего народа и свято передаваемыя отъ предковъ потомкамъ; Гильфердингъ сталъ на ту точку зрѣнія, что какова бы ни была первоначальная основа былинны, въ своемъ настоящемъ видѣ эта былина является извѣстнымъ литературнымъ произведеніемъ и какъ таковая прежде всего должна разсматриваться; въ ней мы должны отличать и слѣды извѣстной пѣсенной школы, и индивидуальныя черты ея пѣвцовъ, и литературныя взаимодѣйствія и т. п. Такимъ образомъ, Гильфердингъ, какъ этнографъ-сборщикъ, сдѣлалъ то, что сдѣлалъ академикъ А. Н. Веселовскій въ роли истолкователя русскаго былевого эпоса.

При выходѣ въ свѣтъ „Онежскихъ Былинъ“ современная имъ критика отзывалась о новомъ изданіи, какъ о замѣчательномъ явленіи въ нашей ученой литературѣ ²⁾. Но необходимо помнить, что самъ Гильфердингъ считалъ свое изданіе лишь подготовительнымъ. „Я первый, говорилъ онъ, готовъ признать, что окончательное полное изданіе нашихъ эпическихъ пѣсенъ точно такъ же, какъ необходимое въ литературѣ нашей очищенное изданіе избранныхъ былинъ, слѣдуетъ сдѣлать по предметамъ, съ систематическимъ подборомъ вариантовъ.“ ³⁾. Въ настоящее время „Онежскія Былины“ переиздаются Академіей Наукъ, засвидѣтельствовавшей, что данный „самый тщательно составленный сборникъ этихъ произведеній народнаго творчества по праву является необходимымъ предметомъ изученія для всѣхъ лицъ, занимающихся исторіей русскою словесности“. ⁴⁾ „Онежскія Былины“ переиздаются, за нѣкоторыми добавленіями, не измѣняющими, впрочемъ, характера изданія, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ были изданы въ первый разъ; оказывается, слѣдовательно, что для окончательнаго полнаго изданія былинъ не наступило еще время; или, быть можетъ, мы такъ богаты всякаго рода изданіями нашего былевого матеріала, что съ палеографической точностью воспроизводимъ наиболѣе достойныя старыя книги, или, наконецъ, Гильфердингъ ошибся, назвавъ свое

¹⁾ А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка, 2 изд. П. В. Владиміровъ. Введеніе въ Исторію Р. Словесности, стр. 193—195.

²⁾ См. рецензію Д. Н. Майкова въ Ж. М. Н. Пр. 1873 г. № 8; Баталіна въ Филолог. Запискахъ 1873 г. № 2; Колосова *ibid.* за 1874 и др.

³⁾ Олонекская губернія и ея нар. рѣзоды, стр. 33.

⁴⁾ Предисловіе ко второму изданію.

издание подготовительным? Но преизобиліемъ этнографическихъ изданій мы не страдаемъ, а Гильфердингъ не ошибся, такъ какъ избранная имъ система незамѣнима для тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ объ отдѣльныхъ изданіяхъ мѣстныхъ собраній и пока на очереди стоятъ вопросы этнографическаго и филологическаго характера, но она недостаточна, когда мы углубляемся въ область историко-литературныхъ изслѣдованій мотивовъ и богатырскихъ цыкловъ. Идеальнымъ былъ бы такой ходъ изданій: сначала издаются отдѣльныя собранія по плану Гильфердинга; затѣмъ дѣлается сводное изданіе по мотивамъ, съ тщательнымъ подборомъ вариантовъ былиныхъ и съ указаніями на сходные мотивы въ другихъ пѣсняхъ, сказкахъ и т. п., какъ въ отечественной словесности, такъ и иностранной; наконецъ, собирается все, что касается каждаго отдѣльнаго эпического героя, начиная съ былины о немъ и кончая самымъ мимолетнымъ упоминаніемъ, гдѣ бы то ни было. Изданія г. Безсоновымъ пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, показало, что въ эпоху Гильфердинга такое сводное изданіе было слишкомъ преждевременнымъ, но не такимъ оно представляется теперь. „Онежскими Былинами“ закончился рядъ большихъ сборниковъ; послѣдующія записи лишь повторяли или, въ лучшемъ случаѣ, немного пополняли извѣстное уже. Въ настоящее время все интересное (по своему содержанію) собрано; изданы также старинныя записи былины, даже найдена рукопись Кириши Данилова. Конечно, кое-что будутъ еще не разъ находить, но если ждать, пока будетъ исчерпано рѣшительно все, то кто знаетъ, сколько десятковъ лѣтъ пройдетъ, пока, наконецъ, рѣшится приступить къ тому, что безъ всякаго ущерба можно было начать и ранѣе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь если даже преждевременно приступать къ самому изданію сводному, то что мѣшаетъ классифицировать уже извѣстный матеріалъ, составлять указатели и т. п.? Но мы остаемся съ таинственной рукописью Кириши Данилова, которая неизвѣстно когда появится въ печати, съ вышедшимъ изъ продажи сборникомъ Рыбникова, съ подготовительнымъ переизданіемъ сборника Гильфердинга ¹⁾ и напередъ переизданія „Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“, быть можетъ, со всѣми ихъ неудобствами. Между тѣмъ и собраніе новыхъ матеріаловъ не особенно отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, какія можно прилагать послѣ Гильфердинга. Я разумѣю здѣсь недостаточную точность въ передачѣ текста, и слабость этнографическаго освѣщенія собираемыхъ текстовъ, и случайность записей, а послѣднее является крупнымъ недостаткомъ для того времени, когда приходится заботиться, пожалуй, не столько о пополненіи содержанія, сколько о томъ, чтобы успѣть побольше добыть свѣдѣній о положеніи въ народѣ хотя обломковъ зданія, бывшаго вѣнцомъ народнаго творчества. Послѣ Гильфердинга началась работа болѣе мелкая, но она могла бы принести крупные результаты, если бы у насъ была цѣлая сѣть этнографическихъ поисковъ, направляемыхъ си-

¹⁾ Сборники Рыбникова и Гильфердинга такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что ихъ слѣдовало бы переиздавать не иначе, какъ вмѣстѣ, распредѣливъ записи Рыбникова, какъ варианты записей Гильфердинга.

стематически и объединенныхъ одною общею задачею, однимъ общимъ планомъ. 25-лѣтній юбилей одного изъ наиболѣе славныхъ этнографовъ нашихъ, невольно обращающій наше вниманіе на то, что до сихъ поръ сдѣлано кнѣ и другими, былъ бы достойнымъ поминнаго стимуломъ вступить на ту дорогу, о которой заповѣдалъ онъ самъ.

1) Хорошо было бы выработать программу для собиранія въ народѣ всего, что имѣетъ какое бы то ни было отношеніе къ былиннамъ, и къ собиранію его привлечь, по возможности, больше лицъ, преимущественно изъ мѣстныхъ жителей и знатоковъ края.

2) Начать систематизацію извѣстнаго уже матеріала, содѣйствуя переложенію стараго, по возможности, въ наилучшемъ видѣ, устанавливая продолжительность или подложность текстовъ, составляя указатели, частные и общіе, выработывая примѣрные планы своднаго изданія былинъ и подбирая матеріалы, которые для этого изданія могутъ понадобиться.

Въ дѣятельности Гильердинга есть еще одна сторона, на которой я позволю себѣ остановиться въ заключеніе. Отношеніе интеллигенціи къ народу у насъ даже въ области науки подчасъ грѣшитъ или излишней оффиціальностью или же другою крайностью—панибратствомъ. Последнее, со всѣми своими тяжелыми результатами, считалось почти неизбежнымъ при большемъ сближеніи съ народомъ; его, впримѣръ, придерживался извѣстный ученикъ Вирѣвскаго, Якушкинъ, который и пострадалъ отъ этого, что дало поводъ одному современному критику сдѣлать такое замѣчаніе: „Споишь его (Якушкина) не кто иной, какъ самъ народъ, въ безчисленныхъ кабакахъ Россійской имперіи, гдѣ онъ записывалъ пѣсни, которымъ трудно бывало выудить у русскаго человѣка безъ чарочки водки, но нельзя было также только пить, а не пить самому, становясь съ мужиками на равную ногу“¹⁾. Обращеніе Гильердинга, какъ это, напримѣръ, видно изъ приведеннаго выше воспоминанія Касьянова, было чуждо обѣихъ крайностей и приводило даже едва ли не къ лучшимъ результатамъ, чѣмъ у Якушкина. Полный сердечности и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокаго внутренняго достоинства, Гильердингъ умѣлъ затрогивать въ человѣкѣ лучшія его чувства и сближаться на ихъ почвѣ; онъ такимъ образомъ не только имѣлъ счастье избѣжать участія въ своего рода потворствѣ слабымъ простого люда, но и содѣйствовалъ облагораживающую его, выиравляющую своей личности, въ высшей степени изящной во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ²⁾. Тѣмъ больше довѣрія и симпатіи наукъ, имѣющей возможность пользоваться только высококультурными средствами, тѣмъ больше чести служителю ея.

А. М. Лобода.

¹⁾ Исторія новѣйшей русскои литературы, А. М. Скабичевскаго, 1891 стр 243.

²⁾ Ср. Бестужева-Рюмина въ Голосѣ 1872 № 53.

Федоръ Ивановичъ Буслаевъ.

(1818—1897).

I.

Среди замѣчательнаго поколѣнія образованныхъ людей, обезпечившаго за Россією лучшіе результаты научной и общественной мысли Запада, наблюдаются, сообразно природнымъ склонностямъ и направленію интересовъ различныхъ дѣятелей, извѣстныя умственныя группы и отдѣльно стоящія личности. Къ послѣднимъ принадлежитъ характерная личность недавно скончавшагося Федора Ивановича Буслаева. Жизнь и дѣятельность его представляютъ приѣмъ счастливаго, ничѣмъ не нарушаемаго развитія своеобразныхъ природныхъ дарованій и рано сложившихся склонностей. Это свободное, безпрепятственное развитіе, а равно и необычайно цѣльный и простой складъ личности Буслаева существенно облегчаютъ оцѣнку его научной и общественной заслуги. «Имя г. Буслаева,—писалъ въ 1891 году одинъ изъ лучшихъ историковъ нашего новѣйшаго развитія,—уже теперь становится почетнымъ историческимъ именемъ: рѣдко дѣятельность ученаго бываетъ въ такой степени вся проникнута однимъ общимъ настроеніемъ, и рѣдко это настроеніе бываетъ въ такой степени одушевлено возвышеннымъ идеализмомъ, въ которомъ народолюбіе подкрѣпляется благородными внушеніями науки» ¹⁾.

Природа надѣлила Буслаева прямою, искреннею натурою и живою впечатлительностью, а судьба поставила его въ условія, содѣйствовавшія спокойному развитію умственныхъ интересовъ. Рѣдкая жажда знанія и любовь въ наукѣ были результатомъ этихъ условій и, по справедливому признанію самого Буслаева, «наполнили всю его жизнь».

Вѣйшія судьба этой жизни чрезвычайно проста. Буслаевъ родился въ полупомѣщичьей, получиновичьей семьѣ, вполне обезпеченной. Рано потерявъ отца, онъ провелъ дѣтскіе и отроческіе годы въ Пензѣ, гдѣ его мать поселилась вскорѣ по смерти мужа. Вліяніе матери является главнымъ и благотворнымъ въ теченіе этихъ лѣтъ жизни Буслаева. Воспоминанія сына и сохранившіяся собственныя письма ея рисуютъ ее женщиной простого, но твердаго нравственнаго склада, патріархально и

¹⁾ А. Н. Пыпинъ: „Исторія русской этнографіи“, т. II. 73.

тепло религіозной, надѣленной доброю и спокойною натурою, большими здравымъ смысломъ и извѣстнымъ умственнымъ развитіемъ. Дочь армейскаго офицера, участвовавшая въ суворовскомъ походѣ черезъ Альпы, она вышла замужъ четырнадцати лѣтъ, а черезъ семь лѣтъ, двадцати одного года отъ роду, осталась вдовою съ пятилѣтнимъ сыномъ—будущимъ ученымъ. Черезъ два года она снова вышла замужъ, во бракъ этотъ былъ несчастливъ. Вотчимъ Буслаева втянулся въ безпорядочную жизнь и, разстроивъ состояніе жены, умеръ черезъ пять лѣтъ, въ холеру 1830 года, когда Буслаеву было двѣнадцать лѣтъ. Печальная судьба семьи только способствовала сближенію матери съ сыномъ. Мать Буслаева дѣлила съ нимъ все его умственные интересы и до самой смерти съ пониманіемъ слѣдила за его развитіемъ. Послѣ смерти вотчина семья вернулась къ своему прежнему быту, причемъ небольшіе остатки прежняго состоянія позволили матери Буслаева заняться его образованіемъ. Настойчивая забота о воспитаніи сына не оставляла ее до самой смерти, послѣдовавшей въ 1836 году. Еще въ 1835 году Буслаевъ—студентъ совѣтовался съ матерью относительно направленія своихъ занятій.

Мать Буслаева имѣла, повидимому, вполне ясное понятіе и объ его умственномъ складѣ, и общемъ характерѣ его дарованія: «Божь, не охладѣлъ бы онъ васъ,—пишетъ она о сынѣ родственникамъ въ Москву,—онъ холоденъ и угрюмъ. Извиняйте ему, если вы его найдете такимъ: это его характеръ; и его, кромѣ наукъ, ничто, кажется, не разгорячитъ». Въ воспоминаніяхъ Буслаева находимъ также слѣдующій характерный разсказъ. Въ 1834 году, пріѣхавъ въ Москву для свиданія съ сыномъ, мать Буслаева вошла однажды къ нему, когда онъ по черновому наброску составлялъ послѣднюю лекцію Погодина. Она заинтересовалась содержаніемъ работы и, подробно разсказывая ей содержаніе лекцій, Буслаевъ, незамѣтно для себя самого, одушевился до такой степени, что изъ роли студента перешелъ въ роль профессора, принявъ осанку, жесты и голосъ Погодина. «Матушка слушаетъ и смотритъ на меня, любитесь—и наконецъ, не вытерпѣла, расхохоталась, обвиняетъ и цѣлуетъ. Вотъ вамъ первый опытъ, которымъ я дебютировалъ свое призваніе на университетскую кафедру»,—замѣчаетъ по этому поводу самъ Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Дѣйствительно, въ этой сценѣ съ матерью мы уже видимъ будущаго энтузіаста-профессора, навсегда сохранившаго свой юношескій жаръ къ наукѣ.

Воспоминанія Буслаева даютъ намъ чрезвычайно опредѣленное представление объ его развитіи въ теченіе жизни въ Пензѣ. Буслаевъ сообщаетъ, между прочимъ, подробное описаніе своей домашней бібліотеки, домашнихъ литературныхъ чтеній и гимназическаго курса. Чтеніе нерѣдко чрезвычайно сильно дѣйствовало на воображеніе впечатлительнаго подростка, его чувство напрягалось до крайности и разрѣшалось горькими слезами. Большую часть поэтическихъ произведеній Буслаевъ читалъ вмѣстѣ съ матерью, которую называлъ позднѣе, на ряду съ учителями русскаго языка, своимъ главнымъ воспитателемъ и наставникомъ въ литературѣ. Она и ее сынъ уже увлекались новыми вѣяніями русскаго романтизма, и Жуковский былъ ихъ лю-

бнымъ поэтомъ въ ряду съ Козловымъ и Батюшковымъ. Наконецъ, по признанію самого Буслаева, чрезвычайно воспитательное вліяніе имѣли на него альманахи того времени, особенно *Полярная Звѣзда* Бестужева. Въ ея выпускахъ будущій ученый находилъ образчики всего лучшаго, что создавалось тогда въ русской литературѣ и впервые выходило въ свѣтъ именно на страницахъ этого сборника: и стихотворенія Пушкина, и басни Крылова, отрывки классическихъ переводовъ Жуковского, а также интересные критическіе обзоры. То была для молодого Буслаева «безподобная хрестоматія современной русской литературы, въ высокой степени наставительная и столько же плодотворная своимъ художественнымъ обаяніемъ».

Десяти лѣтъ Буслаевъ поступилъ въ пензенскую гимназію, порядки и бытъ который съ такою реліеозностью очерчены въ его воспоминаніяхъ. Гимназическій курсъ (это было въ 1828 году) продолжался тогда только четыре года и состоялъ изъ четырехъ классовъ съ тремя уроками въ день; уроки были двухчасовые и располагались отъ 8—12 и 2—4 ч. Двухчасовой урокъ давалъ много простора практическимъ занятіямъ. Учителю предоставлялось очень подробно и не спѣша излагать содержаніе руководства и заставлялъ учениковъ по нѣскольку разъ пересказывать это изложеніе, такъ что къ концу класса заданный урокъ былъ уже готовъ и не требовалъ затверживанія на дому. Особенно удавался этотъ методъ въ урокахъ математики, логики и риторики. Послѣдніе два предмета вызывали живѣйшій интересъ въ ученикахъ, и упражненія въ риторическихъ фигурахъ и схемахъ формальной логики надолго обращались въ любимую игру гимназистовъ. Уроки русской исторіи проходили въ чтеніи «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина, а уроки русской словесности—въ чтеніи писателей, не только старыхъ—Ломоносова, Державина Фонвизина, но также новѣйшихъ, какими тогда были Батюшковъ, Жуковский и Пушкинъ. Общій въ то время обычай составлять себѣ рукописные сборники, объясняемый рѣдкостью книгъ, былъ распространенъ и въ пензенской гимназіи. Въ такихъ рукописныхъ коніяхъ въ гимназіи стали извѣстны Буслаеву, между прочимъ, «Думы» Рылѣева и «Горе отъ ума».

Это преобладающее господство литературныхъ вкусовъ среди учащейся молодежи, сосредоточивавшееся на русской словесности, хорошо извѣстно изъ исторіи русской средней и высшей школы начала столѣтія. Въ пензенской гимназіи повторялось лишь то же самое явленіе, которое въ болѣе характерной формѣ обнаружилось въ исторіи начальныхъ выпусковъ царскосельскаго лицея. Почти совершенная невозможность иныхъ умственныхъ интересовъ, кромя литературныхъ, и вниманіе, которое обращала школа того времени на стилистическія занятія, направляли тогда въ область литературы рядъ живыхъ и способныхъ дѣятелей. Буслаевъ подробно описываетъ страсть къ писательству, которая была вызвана въ пензенскихъ гимназистахъ ихъ преподавателями словесности. Доступъ и свобода, явившіеся при отсутствіи строгаго надзора и систематическихъ занятій, еще болѣе заставляли учениковъ сосредоточиваться на

этихъ любительскихъ литературныхъ интересахъ. «Практическій методъ, обуславливаемый двухчасовымъ урокомъ,—читаетъ мы въ воспомина-ніяхъ,—давалъ много льготы и учителю, и ученикамъ, которая могла бы вести къ полезнымъ результатамъ, если бы не была злоупотреблена: большую часть времени въ гимназіи мы проводили сами по себѣ, такъ сказать по способу взаимнаго обученія, безъ надлежащаго руководства и наблюденія со стороны учителей. Мы слѣшали, что одинъ изъ насъ читалъ, а то и сами читали, каждый про себя, или же что-нибудь списывали, переводили съ иностранныхъ языковъ на русскій, изготовляли свои сочиненія». Между тѣмъ учителя смежныхъ классовъ разговаривали между собою, прохаживаясь взадъ и впередъ. Исключеніе изъ этихъ порядковъ составляли уроки Зомера, которому Буслаевъ, по собственному признанію, обязанъ отчетливымъ знаніемъ нѣмецкаго языка. Если къ картинѣ этого «добровольнаго обученія» присоединить свободу въкласснаго времени,—дѣтскія забавы сообщая, катанье съ горъ зимою или игры въ недалекой рошѣ лѣтомъ, загородныя экскурсіи, набѣги на сосѣдніе сады и востерпаемыя шалости,—намъ станетъ понятною горячая привязанность, которую пензенскіе гимназисты питали къ своей гимназіи. «И какъ же мы любили свою милую гимназію!—восклицаетъ Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Мы считали ее своею собственностью, которую никто не думалъ отнимать у насъ, потому тогда еще не было ни классныхъ надзирателей и наблюдателей, ни инспекторовъ, ни всякой другой напасти. Въ стѣны гимназіи жилили насъ рѣзвыя наши сходбища для игръ и забавъ; тутъ же былъ сборный пунктъ, откуда направлялись нани увеселительныя походы».

По окончаніи гимназическаго курса Буслаевъ еще одинъ годъ оставался въ Пензѣ. Для университетскаго экзамена онъ долженъ былъ пополнить свои гимназическія свѣдѣнія. Постоянное желаніе будущаго студента было сдѣлаться медикомъ, чтобы обезпечить независимое положеніе любимой матери; но эта послѣдняя находила сына по характеру и по дарованіямъ рѣшительно неспособнымъ ни къ изученію анатоміи и хирургіи, ни къ суровымъ практическимъ обязанностямъ врача. Она прочила его въ филологию и всѣми силами содѣйствовала поступленію сына именно въ московскій университетъ, о благотворномъ вліяніи котораго она со свойственнымъ ей здравымъ смысломъ заключала изъ примѣра одного изъ своихъ пензенскихъ знакомыхъ. Мать Буслаева дѣйствительно сумѣла воспользоваться оставшимся годомъ для пополненія образованія своего сына. Она пригласила въ домъ въ качествѣ воспитателя одного изъ лучшихъ преподавателей пензенской семинаріи, который между прочимъ ознакомилъ своего ученика съ нѣкоторыми философскими предметами семинарскаго курса. Философія явилась весьма существеннымъ добавленіемъ къ гимназическимъ интересамъ Буслаева и въ этотъ годъ весьма сильно приковала къ себѣ его живую любознательность.

Вотъ какъ самъ Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ подводитъ итоги своему школьному обученію: «Оно состояло изъ двухъ періодовъ—изъ гимназическаго и семинарскаго. Оба они были организованы и приведены

въ стройный порядокъ предусмотрительными заботами и бдительнымъ попеченіемъ моей матушки. Вотъ почему съ живѣйшею признательностью всегда вспоминалъ я и теперь вспоминаю о моемъ школьномъ обученіи. Оно пробудило во мнѣ любовь къ наукѣ, которая потомъ навсегда сдѣлалась предметомъ и цѣлью моей жизни».

II.

Осенью 1834 года Буслаевъ сдалъ экзаменъ и былъ принятъ въ число студентовъ словеснаго факультета.

Годы студенчества Буслаева, 1834—1838 гг., были преддверіемъ, знаменательной эпохи въ жизни московскаго университета. Въ 1835 году появился первый контингентъ молодыхъ профессоровъ, только что возвратившихся изъ-за границы, а одновременно съ ними—новый попечитель, гр. С. Г. Строгановъ, столь извѣстный въ лѣтописяхъ московскаго университета, и новый инспекторъ студентовъ П. С. Нахимовъ, симпатичная личность котораго до сихъ поръ живетъ въ воспоминаніяхъ старыхъ студентовъ. Самъ Буслаевъ раздѣляетъ на три категоріи тогдашнихъ профессоровъ филологическаго факультета. Первую составляли старики. „Къ старшему поколѣнію,—читаемъ мы въ „Воспоминаніяхъ“, Буслаева,—относятся профессора съ самаго начала нашего столѣтія. Какъ люди, отличившіе свой вѣкъ, они удивляли и забавляли насъ своей оригинальностью и разными причудами виѣстѣ съ патриархальною простотою въ обращеніи съ студентами“. Лекціи всѣхъ этихъ профессоровъ становились ареной самыхъ невѣроятныхъ продѣлокъ, въ которыхъ юношеская шалость соединялась съ протестомъ противъ рутины и непроизводительной траты учебнаго времени. Представителемъ средняго поколѣнія профессоровъ въ запискахъ Буслаева является извѣстный И. П. Давыдовъ. Въ то время онъ читалъ теорію словесности по руководству Блера, которое онъ старался перестроить на новыхъ основавіяхъ философіи Шеллинга. Эти лекціи были полезны слушателямъ не столько своимъ содержаніемъ, сколько нерѣдкими отступленіями въ область практическихъ вопросовъ стили и современной литературы. Но все это было лишь продолженіемъ тѣхъ литературныхъ интересовъ и изученій, которыя начались для Буслаева еще въ пензенской гимназіи. Тѣ интересы, которые Буслаевъ вынесъ изъ московскаго университета, не могли зародиться на лекціяхъ Давыдова: Давыдовъ игнорировалъ старую, до-петровскую письменность и съ презрительнымъ снисхожденіемъ относился въ народнымъ элементамъ словесности. Однако по совѣту Давыдова Буслаевъ впервые познакомился съ такимъ филологическимъ сочиненіемъ, которое впоследствии оказало рѣшающее вліяніе на его ученныя работы. То было изслѣдованіе Вильгельма Гумбольдта „О сродствѣ и различіи языковъ индогерманскихъ“. Третій отдѣлъ университетскихъ преподавателей, непосредственно предшествовалъ поколѣнію новыхъ профессоровъ, возвратившихся на глазахъ Буслаева изъ Германіи. Надеждинъ, Погодинъ и Шевыревъ были главными представителями этого третьяго

отдѣла и въ то же время главными учителями Буслаева. Изъ нихъ Шевыревъ имѣлъ особенно рѣшающее вліяніе на научные интересы Буслаева.

Дѣятельность Шевырева въ тѣ годы была чрезвычайно разнообразна. Въ первый годъ Шевыревъ читалъ обширный курсъ теоріи словесности соединившійся съ практическими занятіями и изученіемъ исторіи стила по памятникамъ, вачиная съ лѣтописи Нестора и писателей XII вѣка и до Пушкина включительно. „Все это,—замѣчаетъ Буслаевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“,—низведенное теперь въ програмиу среднихъ учебныхъ заведеній, было тогда свѣжей новостью на университетской кафедрѣ“. Лекціи Шевырева производили неизгладимое впечатлѣніе на Буслаева, и каждая изъ нихъ представлялась ему „какимъ-то просвѣтительнымъ откровеніемъ, дававшимъ доступъ въ неисчерпаемыя сокровища разнообразныхъ формъ и оборотовъ нашего великаго и могучаго языка“. Эти лекціи несомнѣнно отразились и на сочиненіи Буслаева „О преподаваніи отечественнаго языка“ (изд. 1844 г.). Тѣ же лекціи, повидимому не остались безъ вліянія и на возникновеніе того научнаго культа народности, которымъ проникнута вся учевая дѣятельность Буслаева. Шевыревъ былъ не менѣе полезенъ Буслаеву и своими чтеніями по исторіи иностранныхъ литературъ. Уже на первомъ курсѣ Буслаевъ наслаждался вышедшими въ печати лекціями Шевырева по литературѣ еврейской и индійской. Тутъ впервые зародилась въ Буслаевѣ мысль, позднѣе осуществленная,—учить еврейскому языку и санскриту. Тогда же монографія Шевырева о Дантѣ обратила впервые взоры Буслаева къ автору „Божественной Комедіи“, которая на всю жизнь осталась однимъ изъ его глубокихъ и задушевныхъ интересовъ. Шевыревъ читалъ также теорію поэзіи въ ея историческомъ развитіи, а въ особомъ курсѣ греческой поэзіи онъ заинтересовалъ Буслаева изложеніемъ знаменитаго спора о происхожденіи и составѣ Гомеровскихъ поэмъ и въ то же время внушилъ ему мысль о литературномъ изслѣдованіи русскаго эпоса параллельно съ греческимъ. При Буслаевѣ Шевыревъ впервые сталъ читать и исторію русской литературы. Готовясь къ этимъ новымъ лекціямъ, Шевыревъ принужденъ былъ самъ отыскивать источники русской старины и народности по рукописямъ, старопечатнымъ книгамъ, народнымъ пѣснямъ и преданіямъ. Неослабный интересъ, возбуждаемый въ профессорѣ безпрестанными открытіями въ новой, еще вовсе не разработанной области науки, дѣйствовалъ на студентовъ обаятельной свѣжестью воодушевленія. Въ этихъ лекціяхъ Шевыревъ уже пользовался знаменитымъ собраніемъ русскихъ пѣсень Кирѣевскаго. Всѣ эти курсы должны были чрезвычайно расширить литературный горизонтъ Буслаева и утвердить въ немъ живое сознаніе никогда не преграждавшагося вполнѣ воздѣйствія Запада на духовную жизнь Россіи, это сознаніе съ силой сказалось во всѣхъ послѣдующихъ трудахъ Буслаева. Занимался ли онъ изслѣдованіемъ древнѣйшаго періода нашей письменности или разборомъ миниатюръ стараго русскаго апокалипсиса—Буслаевъ никогда не терялъ историческаго горизонта, съ особымъ чутьемъ находя западные источники различныхъ явленій русской литературы и искусства, или по крайней мѣрѣ важныя, освѣщающія параллели. Эта черта, еще

последовательнѣе и строже развитая въ ученой дѣятельности Н. С. Тихонова, можетъ быть возводима къ общей обонимъ научной школѣ.

Погодинъ имѣлъ для Буслаева важное значеніе своимъ непосредственнымъ знакомствомъ съ первоисточниками русской древности и безчисленными указаніями практическаго характера. Погодинъ первый научилъ Буслаева читать и разбирать старыя рукописи, во множествѣ собранныя въ такъ называвшемся „погодинскомъ древлехранилищѣ“. Пользуясь трудомъ Буслаева при копированіи древнихъ рукописныхъ текстовъ, Погодинъ въ то же время посвящалъ своего ученика въ тайны палеографіи и дѣлалъ ему цѣнныя указанія относительно выбора чтенія. Такъ напр., заинтересовавшись въ лекціяхъ Погодина вопросомъ о скандинавскомъ происхожденіи Руси, Буслаевъ какъ-то обратился къ профессору за указаніями для изученія древнихъ скандинавскихъ нарѣчій. Погодинъ назвалъ ему грамматику Якова Гримма; „такимъ образомъ, — читаемъ мы въ воспоминаніяхъ, — изъ устъ Погодина впервые услышалъ я имя великаго германскаго ученаго, который своими многочисленными и разнообразными изслѣдованіями петомъ оказывалъ на меня такую обаятельную силу, такъ воодушевлялъ меня, что я сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и преданныйшихъ его последователей“.

Новый періодъ московскаго университета, ознаменованный приливомъ молодыхъ ученыхъ силъ, приносившихъ съ собой послѣдніе результаты германской науки, сравнительно мало коснулся Буслаева. Лучшая общественно-воспитательная эпоха московскаго университета началась уже по выходѣ Буслаева. Весною 1838 г. окончилъ Буслаевъ свой университетскій курсъ, а осенью слѣдующаго года впервые появился въ университетѣ Грановскій. Но Буслаевъ вынесъ изъ университета значительныя филологическія познанія и довольно обширную общую и спеціальную подготовку для сравнительно-историческаго изслѣдованія русской древности. Шевыревъ и Погодинъ успѣли пробудить въ его отзывчивой душѣ то теплое, „гуманное“ отношеніе къ этой древности, которое позднѣе такъ поражаало всякаго, приходившаго съ нимъ въ столкновеніе.

III.

Окончивъ въ московскомъ университетѣ курсъ съ степенью кандидата, Буслаевъ тотчасъ былъ рекомендованъ Давыдовымъ и Нахичевымъ въ качествѣ домашняго учителя гофмаршалу барону Л. К. Боде. Эта семья кромѣ личныхъ дружественныхъ связей дала Буслаеву первый педагогическій опытъ. Очень скоро молодой учитель пришелъ къ убѣжденію, что полученное имъ образованіе не давало педагогическій подготовки. Онъ долженъ былъ самъ вырабатывать и методъ, и программу занятій; и пріемамъ, выработаннымъ имъ на урокахъ въ семьѣ Боде, Буслаевъ самъ придавалъ первостепенное значеніе для склада своихъ педагогическихъ взглядовъ, отразившихся всего полнѣе въ его книгѣ, уже разъ нами упомянутой, — «О преподаваніи отечественнаго языка». Книга эта не можетъ быть разсматриваема въ качествѣ новой педагогической системы,

но она важна своими отрицательнымъ отношеніемъ къ школьной рутинѣ, своими усиліями ознакомить среднюю школу съ результатами, достигнутыми наукой, и дать учащимся свѣдѣнія, возбуждающіе умственный интересъ и инициативу. Совершенно тотъ же характеръ носило преподаваніе Буслаева въ семьѣ Бодѣ. Буслаевъ долженъ былъ готовить четырнадцатилѣтняго сына Бодѣ въ патешскій корпусъ и заниматься русскимъ языкомъ съ его младшими сестрами. «Прежде всего,—читаемъ въ «Воспоминаніяхъ»,—надлежало воспитать охоту къ серьезнымъ занятіямъ и любовь къ наукѣ». Оба курса Буслаевъ основалъ на практическихъ началахъ класснаго чтенія образцовъ, разбора и свободной бесѣды. Извѣстно, что Буслаеву удалось пробудить въ ученикѣ своеобразный интересъ къ русской старинѣ, который выразился между прочимъ въ трудѣ по исторіи рода Колычевыхъ.

Къ тому же времени относится первое знакомство Буслаева съ официальными представителями учебнаго міра: въ томъ же 1838 году Буслаевъ получилъ уроки русскаго языка во 2-ой московской гимназій. Учительство въ этой гимназій, по свѣдѣтельству самого Буслаева, «прошло мимо него какъ тѣнь, не оставивъ по себѣ ни малѣйшаго слѣда». Но тѣмъ сильнѣе были впечатлѣнія административно-общественнаго характера. Служебныя отношенія въ гимназій и формализмъ преподаванія видимо были не по характеру впечатлительнаго и подвижнаго ученаго. Настроеніе Буслаева въ теченіе всей этой жизни было удрученнымъ; онъ почувствовалъ наконецъ общій упадокъ силъ и великимъ постомъ совсѣмъ прекратилъ уроки въ гимназій. Этотъ гимназическій эпизодъ и особенно вступительное объясненіе съ директоромъ оставили въ воспріимчивой душѣ Буслаева гораздо болѣе сильный слѣдъ, чѣмъ можно было предполагать. «Съ тѣхъ самыхъ поръ,—читаемъ мы въ «Воспоминаніяхъ»,—крѣпко засѣла во мнѣ инстинктивная боязнь передъ всякимъ начальствомъ». Неизвѣстно, какъ сложилась бы дальнѣйшая карьера Буслаева, если бы весною не наступилъ въ ней рѣшительный и благотворный переломъ.

IV.

«Въ концѣ мая, въ какой-то праздничный день, въ раннія обѣды,—читаемъ мы въ «Воспоминаніяхъ» Буслаева,—разбудили меня, чтобы немедленно вручить мнѣ очень нужное письмо отъ инспектора студентовъ Нахимова. Въ короткихъ словахъ увѣдомилъ онъ меня, чтобы сегодня же явился я въ девять часовъ утра къ попечителю, графу Строганову. Никакими словами не могу вамъ высказать того ужаса, какимъ поразило меня это неожиданное и негаданное приглашеніе. Я чувствовалъ себя виноватымъ передъ гимназіею въ нерадѣніи и упущеніи по службѣ; я былъ въ отчаяніи, путаясь въ мысляхъ, какъ и что могу я сказать въ свое оправданіе. Я ждалъ грозной расправы и былъ убѣжденъ, что меня выгонять изъ службы или, по малой мѣрѣ, сослать учителямъ куда-нибудь въ захолусты».

Эта тревожная неизвѣстность разрѣшилась приглашеніемъ сопровождать

семью попечителя въ двухлѣтнее заграничное путешествіе въ качествѣ домашняго учителя: Боде указалъ Строганову на Буслаева, какъ на лицо, могущее съ успѣхомъ исполнить такую обязанность. Такимъ образомъ, Буслаеву, послѣ тягостной зимы, снова возвращалась свобода преподаванія и кромѣ того предстояла заграничная поѣздка подъ руководствомъ одного изъ образованныхъ русскихъ людей того времени. Италія была главною цѣлью путешествія, сообразно съ чѣмъ искусство стало главною цѣлью будущихъ изученій Буслаева. Проѣздомъ знакомясь съ Германіей, молодой Буслаевъ не имѣлъ возможности вступить въ болѣе тѣсное общеніе съ представителями германской науки и не испыталъ того особаго вліянія германской философской мысли, которому такъ много обязаны были молодые профессора, прибывавшіе съ 1835 года въ московскій университетъ.

Вотъ какъ описываетъ самъ Буслаевъ настроеніе одной части тогдашняго русскаго общества, — настроеніе, среди котораго покидалъ Россію и онъ: «Надъ умами и сердцами господствовалъ тогда мечтательный романтизмъ съ безотчетнымъ вѣрованіемъ во всевозможное и невозможное, съ высренними полетами въ невѣдомыя таинственныя области, съ религіознымъ поклоненіемъ искусству для искусства. Обѣтованною землею для восторженныхъ душъ была тогда Италія, опустѣлая, убогая и порабожденная въ своемъ настоящемъ, и такъ неистощимо богатая и могущественная въ художественныхъ памятникахъ своего прошедшаго, будто необъятное кладбище всемірныхъ гигантовъ, соорудавшихъ нѣкогда столпотвореніе европейской цивилизаціи». По указанію профессора римской словесности Крыкова, Буслаевъ запасся въ Петербургѣ руководствомъ Оттида Миллера по археологическому искусству и еще во время пути погрузился въ изученіе этой книги.

Мы не будемъ останавливаться подробно на ходѣ итальянскихъ изученій Буслаева. Проведя половину своего заграничнаго пребыванія въ Неаполѣ и его окрестностяхъ, а другую въ Римѣ, Буслаевъ успѣлъ основательно ознакомиться съ художественными богатствами Италіи и изучалъ античную жизнь на мѣстѣ раскопокъ въ Помпеѣ. Воспоминанія Буслаева свидѣтельствуютъ о поразительномъ трудолюбіи и настойчивости молодого ученаго, проводившаго вечера за усвоеніемъ общихъ руководствъ по исторіи искусствъ, а все остальное, свободное отъ педагогическихъ занятій время изучавшаго художественные музеи и галлерей Италіи. Въ то же время Буслаевъ знакомился съ сокровищами старой итальянской литературы и одно время совершенно погрузился въ изученіе своего давняго любимца — Данта. Художественная пышность италіанскаго католицизма съ силой поражала его фантазію. Его религіозные интересы получали тотъ волнующій импульсъ, который былъ необходимъ для его натуры во всѣхъ сферахъ духовной дѣятельности. Встрѣчи съ знатоками искусства и постоянныя бесѣды съ Строгановымъ довершали эти впечатлѣнія и занятія. Извѣстно, что Строгановъ умѣлъ не только руководить уже развившимися интересами Буслаева, но старался привить ему новые, недостатокъ которыхъ онъ замѣчалъ въ талантливомъ учителѣ. Говоря объ одностороннемъ мечтательномъ энтузіазмѣ, которымъ были

проникнуты его изученія, вотъ что еще сообщаетъ Буслаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Разумѣется, и тогда были люди, которые иначе смотрѣли на вещи. Къ такимъ людямъ принадлежалъ графъ Сергій Григорьевичъ. Я уже говорилъ вамъ, какъ онъ преслѣдовалъ меня за глупое неаданство въ непростительномъ равнодушіи къ красотамъ итальянской природы. Теперь въ Неаполѣ я давалъ ему новые поводы издѣваться и подсмѣиваться надо мною. Для него было странно и забавно мое полнѣйшее невиниманіе къ событіямъ дня, къ разнообразнымъ интересамъ современности». Чтобы ознакомить Буслаева съ современною дѣйствительностью и политическимъ положеніемъ Италіи, Строгановъ совѣтовалъ ему читать газеты. Кромѣ того, онъ поручилъ Буслаева своему старшему сыну, — юристу и университетскому сверстнику будущаго ученаго. Молодые люди прошли вмѣстѣ нѣчто въ родѣ курса государственнаго права и политической исторіи Европы съ 1815 года. Буслаеву, по его собственному признанію, было чрезвычайно трудно вникать въ эти новые интересы; «по крайней мѣрѣ, замѣчаетъ онъ въ «Воспоминаніяхъ», мнѣ стало ясно унизительное положеніе бѣдной Италіи, которую поработали себѣ Габсбурги и Бурбоны».

По возвращеніи изъ-за границы, Буслаевъ сохранилъ занятія въ семьѣ попечителя и въ то-же время получилъ уроки въ 3-й московской гимназіи. Буслаевъ еще разъ обнаружилъ здѣсь неспособность подчинить свое дарованіе педагогической рутинѣ средней школы. Гимназическіе уроки стали для него источникомъ постоянныхъ волненій и пререканій съ начальствомъ. Будущее рисовалось Буслаеву въ мрачныхъ краскахъ. Фантастическіе планы возникали въ его умѣ: порой представлялась ему мысль навсегда порвать съ гнетущей обстановкой и, переселившись въ любимую Италію, повторить судьбу Винкельмanna. Строгановъ подсмѣивался надъ Буслаевымъ и, продолжая руководить его занятіями, направлялъ его теперь на изученіе педагогической литературы. И позднѣе, уже оставивъ попечительство, Строгановъ продолжалъ сохранять самыя близкія отношенія къ Буслаеву и все свое вліяніе на него.

У.

Буслаевъ въ 1848 году вступилъ въ университетъ въ качествѣ стонронняго преподавателя, а съ 1861 года получилъ кнеэдру, которую и занималъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Подобно своему предшественнику и учителю Шевыреву, Буслаевъ читалъ самыя разнообразныя курсы по исторіи языка и литературъ, нерѣдко переходя и въ область исторіи искусствъ. Буслаевъ профессоръ прежде всего старался передать своимъ слушателямъ новѣйшія руководящія идеи науки, составлявшихъ его специальность, и какъ можно болѣе разнообразнаго образовательнаго научнаго матеріала. Эпизодичность лекцій Буслаева хорошо извѣстна: свободная, увлекательная бесѣда о научныхъ предметахъ навсегда осталась для него любимой формой преподаванія. Самъ лекторъ постоянно переживалъ вновь юный жаръ своихъ «учебныхъ и странническихъ лѣтъ». Такая бе-

сѣда съ слушателями, прерванная на лекціи, возобновлялась часто на квартирѣ профессора, доступность и научная общительность котораго не имѣли границъ. Притягательная сила Буслаева, какъ профессора, заключалась въ чрезвычайно свободномъ проявленіи его личности,—горячей, искренней, всецѣло преданной служенію наукъ, всегда витающей въ сферѣ художественныхъ представленій и гуманныхъ интересовъ. И печатные труды Буслаева, даже самые специальные, почти всегда носили тотъ же характеръ—одушевленной и свободной научной бесѣды. Случай сдѣлалъ пишущаго эти строки очевидцемъ послѣдней публичной лекціи Буслаева. То было на археологическомъ съѣздѣ 1890 года въ Москвѣ, когда маститый уже семидесятилѣтній ученый, уступая просьбамъ своихъ учениковъ, появился въ ихъ средѣ и неожиданно увлекъ собравшуюся публику захватывающей бесѣдой о русскомъ искусствѣ,—бесѣдой чрезвычайно характерной для всей профессорской дѣятельности Буслаева. Въ то время зрѣніе уже замѣтно начинало измѣнять Буслаеву; но лицо его сохраняло живую игру чертъ, а рѣчь, торопливая и неровная—всю горячность отроческихъ импонацій. Престарѣлый ученый говорилъ о стилизации ландшафта въ рисункахъ стараго русскаго Апокалипсиса, гдѣ земная растительность изображается подчасъ однимъ огромнымъ зеленымъ листомъ, всѣ горы земли—какимъ-то коконникомъ съ завитками по бокамъ, а виѣстилица водъ—голубымъ многоугольникомъ съ колоссальной рыбой въ срединѣ. «Только такимъ смѣлымъ приемомъ наивнаго иконописца,—замѣтилъ Буслаевъ,—возможно было виѣстить необъятную громаду всей земли и моря въ малый клочекъ стилизованнаго ландшафта». Затѣмъ, противопоставляя этотъ суммарный приемъ русскаго Апокалипсиса детальной манерѣ голландскихъ пейзажистовъ, Буслаевъ съ неожиданной силой вызвалъ въ умѣ слушателей два крайнихъ, характерныхъ полюса, между которыми вращаются всѣ человѣческія представленія о ландшафтѣ.

VI.

Историческая грамматика русскаго языка, историческіе очерки древнерусской народной словесности и искусства съ ихъ продолженіемъ—позднѣйшими сборниками статей и, наконецъ, изслѣдованіе и изданіе лицевого Апокалипсиса—вотъ капитальные труды, оставленные Буслаевымъ русской научной литературѣ. Духъ русскаго языка, древній бытъ народа и его вѣрованія—вотъ тѣ проявленія, въ которыхъ изучалъ восторженный изслѣдователь главный предметъ своихъ симпатій—русскую народность.

Огромное вліяніе школы Гримма на эти труды Буслаева составляетъ общепризнанный фактъ. Духовная связь между знаменитымъ германскимъ ученымъ и его русскимъ послѣдователемъ прекрасно освѣщена А. Н. Пыпиннымъ въ его „Исторіи русской этнографіи“⁴. Мы заимствуемъ изъ этой характеристики рядъ отрывковъ, опредѣляющихъ отношеніе Буслаева къ Гримму. Буслаевъ, замѣчаетъ А. Н. Пыпинъ, примѣнялъ сравнительный и историческій методъ Гримма къ объясненію русскаго языка, его

звукѣвъ и фориъ, изучалъ народную риторикѣ и стилистикѣ, извлекалъ изъ стараго народнаго языка матеріалы для исторіи быта военнаго, юридическаго, религіознаго, семейнаго, для опредѣленія языческихъ и христіанскихъ взглядовъ народа, разсматривалъ грецизмы и варваризмы стараго языка—какъ памятники его историческихъ сношеній и развитія. Впослѣдствіи ученая дѣятельность Буслаева состояла въ дальнѣйшемъ примѣненіи гриммовскаго метода къ старой русской народной словесности, быту и мнѣологіи.

Внѣсть съ научнымъ методомъ, Буслаевъ по свойству своего дарованія соединилъ и другую черту, отличавшую знаменитаго нѣмецкаго ученаго: Гриммъ не только критически, но фантазіей и поэтическимъ чувствомъ возстановляетъ любимую старину; подобная черта давала привлекательность и трудамъ Буслаева. Буслаевъ самъ называетъ себя ученикомъ Гримма, и, какъ замѣчаетъ онъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ трудовъ, взялъ Гримма въ руководители именно потому, что *„почитаетъ его начала самыми основательными и самыми плодотворными и для науки и для жизни“*. И эти слова Буслаева чрезвычайно характерны для его отношенія къ Гримму, ибо гриммовскій приемъ заключаетъ въ себѣ не только научную теорію, но и нравственно-общественное направленіе. Приведенныя слова Буслаева показываютъ, что онъ именно понималъ или почувствовалъ это. Понятно, что Буслаевъ раздѣлялъ и многія научныя увлеченія Гримма,—его смѣлыя мнѣологическія построенія и абсолютныя историческія выводы изъ данныхъ языка: вліяніе личности Гримма подавляло, приѣмъ Гримма былъ поражающій: объясненія видѣлись близко, общій характеръ эпической старины казался разъ навсегда угаданнымъ.

Связь работъ Буслаева съ направленіемъ германскаго ученаго не была однако простымъ подражаніемъ, она имѣла болѣе глубокую причину: для нашего общественнаго образованія пришла тогда пора переживать то настроеніе, которое выразилось въ дѣятельности научно-романтической школы Гримма. Интересъ къ русской старинѣ широко распространился и ранѣе Буслаева, но за неимѣніемъ научной и гуманитарной подкладки это стремленіе къ народности получало подчасъ самыя фальшивыя выраженія и примѣненія. Писатели прогрессивнаго направленія отвергали это извращеніе народности, которое было имъ слишкомъ очевидно; но, полагая всѣ свои силы на вопросы современной общественности и просвѣщенія, они относились къ народной старинѣ равнодушно, какъ къ пережитому прошедшему. Таковы были условія. Естественно было логически искать исхода изъ этихъ различно неудовлетворяющихъ точекъ зрѣнія на народность и когда въ противоположность всѣмъ этимъ крайностямъ или недоразумѣніямъ явилась гриммовская теорія, вооруженная научной силой, глубокимъ проникновеніемъ въ недоступныя ранѣе области старины и народной жизни, сознательнымъ возвышеніемъ народно-поэтическаго содержанія, теплымъ отношеніемъ къ народу, какъ къ носителю этого содержанія,—эта теорія нашла отголосокъ и въ нашей литературѣ. Такой отвѣтъ съ русской стороны на ученіе Гримма и поданъ былъ всего болѣе—Буслаевъ

вымъ. Старина привлекала его совершенно такъ же, какъ и Гримма, интересомъ первобытнаго умственного и поэтического творчества, цѣльностью быта и общенароднаго мировоззрѣнія, выразившейся въ той поэзіи которая одна была дѣйствительно народною, создавалась всѣми и каждымъ, заключала общія, всѣми испытанныя и провѣренныя чувства и поэтическія представленія. И вотъ, долго изучая старину, ея мрачныя и свѣтлыя явленія, Буслаевъ вынесъ убѣжденіе о существованіи въ этой старой жизни возвышенныхъ нравственныхъ идеаловъ; и онъ ревниво берегъ это убѣжденіе, приобрѣтенное цѣною неустанныхъ изысканій. По убѣжденію Буслаева, совершенно справедливому, —этотъ міръ народнаго творчества, до тѣхъ поръ мало или совсѣмъ не сознаваемый или грубо объясняемый, долженъ былъ наконецъ войти въ кругъ понятій общества и занять въ его литературныхъ идеяхъ подобающее мѣсто.¹⁾

Буслаеву было дано осуществить лучшія цѣли его жизни и съ удовольствіемъ оглянуться назадъ. Имя его задолго до смерти было окружено не только высокимъ уваженіемъ, но и теплою признательностью. Буль Буслаева до конца дней его сохранялся въ многочисленной семьѣ его слушателей и слушательницъ. Доживая въ Москвѣ, въ покоѣ, свои старческіе годы, вотъ что говорилъ онъ иногда посѣщавшимъ его друзьямъ и почитателямъ: „Если бы Провидѣніе судило мнѣ жить еще разъ и отъ меня зависѣлъ бы выборъ этой новой жизни, я не пожелалъ бы жизни иной, кромѣ той, которая прожита мною“. Благородныя семейныя узы, раннее и свободное пробужденіе духовныхъ интересовъ, поздиѣе — постоянное общеніе съ гениемъ искусствъ и наукъ, теплая любовь къ человѣчеству, свѣтившая ученому въ научномъ культѣ народности, и пробужденіе тѣхъ же чувствъ и интересовъ въ сотняхъ воспримчивыхъ молодыхъ душъ — вотъ въ чемъ полагалъ счастье своей жизни Федоръ Ивановичъ Буслаевъ.

В. Щепкинъ.

¹⁾ А. Н. Пыпинъ. „Исторія русской этнографіи“, т. II, 75—109.

С М Ъ С Ь.

«Воши» Весъегонскаго уѣзда, Тверской губ.¹⁾

По покойнику.

Стать то мнѣ на свои да на скоры ноги,
Ко столамъ-то подойти ко дубовымъ,
По тебѣ ли же, мой батюшка (ниа и отч.),
Потихохоньву да полегохоньву,
Чтобъ не испугать тебя отъ сна отъ крѣпкого,
Отъ просоньца то вѣковѣчнаго,

Али спишь ты крѣпко что не проснешься
И не пробудишься?

Унялись знать твои скорби-болѣсти?

Знать пришло къ тебѣ теперь здоровьице?

¹⁾ Запис. въ январѣ 1895 г. отъ мѣстной воппеницы—крестьянки, урож. дер. Макѣй-Горы (Щербовской вол., Весъегонск. у.) *Екат. Николаевой*. Это очень бѣдная старуха—бобылка, 80-ти лѣтъ (или около того), профессиональная воппеница, известная въ окрестныхъ деревняхъ. По ея словамъ, она научилась „вопить“ отъ своей матери и въ свою очередь знанія свои передавала дочери, которой и не могъ слышать, т. е. она живетъ за 25 верстъ замужемъ въ другой деревнѣ. Не смотря на свой возрастъ, воппеница сохранилась хорошо; вѣто жинная, дѣятельная и необыкновенно словоохотливая старуха, съ величайшей готовностью пересказывавшая и пѣвшая свои причитанія. Въ настоящее время она единственная воппеница въ ближайшей окрестности. Ова „вопить“ по покойникамъ, на свадьбахъ, сговорахъ, по рекруткамъ. То, что мною записано, насколько мнѣ показалось, не заключаетъ всего известнаго ей. По всей вѣроятности, ова знаетъ еще много отдельныхъ стиховъ, но спѣть ихъ, не путая съ уже разъ пропѣтыми не можетъ: она безпреставно мѣняетъ слова и даже цѣлыя стихи, замѣняя ихъ другими и часто тутъ же и слагаетъ ихъ изъ своего обширнаго репертуара старинныхъ полическихъ словъ и оборотовъ. На мой вопросъ, не знаетъ ли ова былинъ, она отвѣчала отрицательно. Въ заключеніе необходимо замѣтить, что въ похоронныхъ причитаніяхъ ова нѣтъ ни виду и называла известнаго ей недавно умершаго помѣщика барина, въ свадебныхъ же—живущую въ ея деревнѣ бѣдную невѣсту, чѣмъ объясняются нѣкоторыя особенности въ вошяхъ и причитаніяхъ. Назвавъ ея похоронныхъ вошей, насколько позволяетъ заключить ея совершенно развитый дромацій, старческий голосъ, до известной степени сходенъ съ напѣвомъ духовныхъ стиховъ Рябинкина. Ю. Г.

Знать на тотъ на бѣлый свѣтъ сряжасься, сподобясься
Отъ своей родимой матушки?

Я спрошу тебя, мой батюшка, (иня)

Кто звалъ тебя, кто подговаривалъ?

Кормилецъ-ли звалъ батюшка?

Али внучѣ всѣ сродцы и еродички?

Такъ спрошу я тебя, батюшка,

Какъ подиралась къ тебѣ смерть прекрасная?

Не побоялась ни погоду, ни вьюгъ, ни снѣговъ бѣлыхъ?

Какъ подошла да какъ подиралась она?

Тяжело было тебѣ съ домоуъ благодатнымъ разставатися,
А еще тяжеле со твоею милой матушкой (иня матери и др. еродичковъ)..

Да еще то тяжелѣй было разстатися,

И еще то тяжелѣй было прощатися

Со бѣлымъ свѣтомъ со прекраснымъ,

Со житьемъ-бытьемъ (барскимъ) хорошимъ.

Пытали за тобой ухаживати:

Не жалѣла себя родима матушка,

Ужъ сокрушалъ же ты ее, кормилецъ батюшка.

Не ходили у ней ноженки,

На твои глядя скорби-бѣдѣсти.

Не посмотрѣла, видно, смерть прекрасная,

Пожалѣла, что у тебя несносныя скорби-бѣдѣсти.

Пустымъ-пустехонько стало въ домѣ матушки,

Насилу ходить она при злодѣй-горѣ.

Только и видѣть она отхлянушки,

Коли съѣдетъ ко Божьей церкви,

Коли выйдеть да взойдетъ на твой высокъ теремъ,

Только и въ покоицѣ бываетъ ретиво сердце.

А какъ вернется во твою во спаленку—

Завернется у ней ретиво сердце,

Что пустымъ вездѣ пустехонько.

Что не думала она, не чаяла

Перенести то злодѣй-горе.

Знать поддержалъ ее Господь Богъ

Твою матушку родимую (иня).

Тяжело было ей съ тобой разстатися,

Ужъ насилу подходила ко столанъ дубовымъ,

Что не дожидши вѣку, батюшка,

Молодохонекъ рѣшился житья (барскаго) прекраснаго,

Да хорошаго дому благодатнаго,

Успокоилъ свое ретиво ты сердце.

* * *

Подойду я, горюша-то горькая:

Ужъ и гдѣ же мой-то батюшка (иня)?

И стану я будить тебя тихохонько,
 Разговаривать съ тобой легохонько,
 Не поймешь ли мои рѣчи горькія?
 Да ив прдснешься ли не пробудисься?
 И не поговоришь ли со мной, не побасешь ли?
 Какъ ты разставался со бѣлыми свѣтомъ,
 И съ твоимъ то доможъ благодатнымъ,
 И со своимъ жвтьемъ бытьемъ хорошимъ (барскимъ).
 (И ео службою-то царвою).

Ударилъ ¹⁾ бы смерть прекрасную
 Золотой казной несчетною:
 Оставила бѣ на сколь поры, на времячко,
 Пожать бы тебѣ да погдлевать
 На семъ на свѣту на вольномъ,
 Во житьѣ бытьѣ прекрасномъ.

А теперь, кормилецъ батюшка,
 Приходить пора времячко,
 Что крестать ²⁾ тебѣ изъ дома благодатнаго.
 Какъ прїѣдутъ отцы то духовные,
 Тяжело тебѣ подняться со столовъ дубовыхъ,
 Видно разставаться тебѣ съ доможъ благодатнымъ.

Поскопилися ³⁾ къ тебѣ люди добрые
 Да и взяли тебя за бѣлы руки,
 Положили тебя въ вѣновѣчный домъ,
 Что безъ дверей то сдѣланъ безъ ходичиныхъ
 И безъ окошечекъ то сдѣланъ безъ свѣтлыныхъ.
 И поставятъ тебя, нашего батюшку,
 Во сыру землю, во желты пески.
 Да какъ уладутъ тебя, да какъ устроятъ,
 Крѣпкимъ-на-крѣпко уинутъ сыру-то землю
 И урозняютъ заступами вострыми,
 Чтoby ни выходу не было ни выѣзду.

Мы упрашивали рыльщичковъ-копальщичковъ,
 Чтoby оставили они то путь дороженьку,
 Хотя не ѣзжалую да пѣшеходную.
 Вотъ какъ скопилися мы къ тебѣ, батюшка (иня),
 Да придежъ на твой высотъ теремъ,
 Кабы вышелъ ты къ намъ, батюшка,
 Разговорился бы съ нами да разбѣялся
 Про свое то про свое житье,
 Хорошо ли тебѣ тамъ со вольной волюшкой,
 Со житья-бытья хорешаго?

¹⁾ Одарялъ.

²⁾ Вм. крестать—двигать, двигаться(?) Ред.

³⁾ Собрались.

Аль тоскливо, аль тошнехонько?

Только бъ жить тебѣ до вѣлѣвать!

Болъ посулился быть въ дорогѣ гости,
Болъ назначишь пору-времячко,
Какъ змой ходить то больно व्यѣжливѣ,
А какъ осенью ходить то больно нѣровно,
А весною то ходить больно водяно.

Тагъ назначилъ бы ты пору-времячко

Посередѣ лѣта, посередѣ теплаго,

Посередѣ сѣнокосу краснаго.

Мы бъ удержали въ тѣ поры рабочинхъ,

Наварили бъ, припасли пива пьянаго,

И про тебя ли яства кусу сахарнаго,

И питья то медоваго (медвянаго).

И посконились всѣ то да и съѣхались

На ту пору на времячко,

Встрѣтили бъ теби посередѣ поля чистаго,

И посередѣ то пути по дороженькѣ,

И подхватили бъ теби подъ бѣлы руки,

Да повели бъ во свой во благодатный домъ,

Посадили бы теби за столы дубовые,

Стали бъ за тобой ходить, ухаживать,

Говорить бы стали, разговаривать,

Поспросили бы, не сердилъся, не гнѣваешься ли?

Да и проводили бы теби во чисто поле,

Да ужъ тутъ то и разстались и простылись бы съ тобой (ни).

И поднялся бы опять ты на то мѣстечко

Что ко матушкѣ то ко Божьей церкви.

—

Что не дохнулъ, не разсказалъ про житье тамошнее?

Нѣтъ оттуда ни выѣздцовъ ни выходцевъ,

Ни писемъ-то нѣтъ оттоль, ни грамоти,

И ни словесаго то челоуѣкъща.

Знать сажали крѣпникъ-на-крѣпко,

Подъ замками подъ вѣпѣиши,

Да за дверями за желѣзными.

Только и оставилъ ты одно званьеце,

Что былъ нашъ кормилецъ батюшка (такой-то: ни).

А теперъ намъ никогда теби не видывать

И голоску-то твоего не слыживать,

Ни по походчѣ, ни по обрядочѣ,

Нигдѣ-то теби не заприѣтити,

Ни въ добрыхъ людяхъ, ни въ торгахъ, ни въ ярмаркахъ,

Ни въ городахъ-то тѣхъ уѣздыныхъ,

Ни во матушкѣ-то во Божьей церкви.

По солдатъ.

Что мнѣ выйти на широку улочку,
 Что мнѣ встрѣтить брата батюшку (такого-то: нина).
 Чѣмъ тебя Богъ пообладалъ?
 Какъ подѣзжали вы къ приѣмамъ ко высокиимъ,
 Какъ входили вы по частымъ лѣсенкамъ,
 По судьямъ да по начальникамъ,
 Не подкопались ли у васъ скѣры ноженъки?
 Какъ поставили васъ подъ ибрушку высокую,
 Считится съ плечъ буйная головушка.

И стануть подводить васъ по столамъ дубовымъ,
 Ко бутылочкамъ хрустальнымъ,
 Затрясутся вашкѣ бѣлы рученьки
 Жеребья то вынимать строгіе,
 Ужъ какъ поглядите, прочитаеъ,
 Что попалъ жеребій-отъ близохонько
 Въ тое ли линію солдатскую
 Во службу то во царскую.

Какъ придетъ вамъ пора-времячко,
 Посадитъ васъ на стулья на дубовые,
 Посыпають съ васъ русы кудри
 Да и кранутъ васъ съ своей сторонущи
 Отъ родимого отъ батюшки
 Въ города-то тѣ уѣздные,
 Во службу-то царскую,
 Во ученье государское.

Тяжко будетъ жить трудится
 Со мужицкой вольной волюшки.
 Не успишь и въ темну ноченьку,
 Не угуляешь и въ Господни празднички,
 Все въ заботушекъ солдатской.

Мое нилое ты дитятко,
 Посиди на своей лавочкѣ,
 Не усидѣть тебѣ въ неволюшекъ,
 Въ неволюшекъ во солдатской.
 Солдатъ-то походи выпитися,
 А походи накушается.

Свадебные вѣнч.

Вечоръ пришла съ бесѣды невѣста и завывла:

Ужъ и сяду молодехонька
 На лавочку висучую,
 Я спрошу тебя, родитель батюшка,
 Что отколь подсыпалъ мнѣ злодѣй-горни?

Проводили меня голубушки подруженьки
Со веселой со бесѣдушкой
Со веселыми со пѣснями.
У меня-то молодехоньки
Не пили скоры коженьки.

Отколь приключилось мнѣ злодѣй-горе,
Что ты заporučилъ, родитель батюшка,
За порукой-то за крѣпкою,
За слова тѣ вѣковѣчныи.
Молодыи бы еще я молодехоньки,
Да знать побоялся ты, мей батюшка,
Что надѣла мнѣ жизнь батрацкая,
Отдалъ молодехоньку да зеленѣхоньку меня.

Поступать мнѣ видно во чужи люди, въ чужу сторону,
Ко чужому отцу къ матери,
Да къ чужому дородну добру молодцу.
Надо мнѣ держать головушку поклономъ,
А языкъ то держать ласковехонько;
Подъ скорой ногой воробья легкаго,
А во сахарныхъ устахъ соловья веселаго;
Говорить-то мнѣ надо ласковехонько
Да ходить-то надо мнѣ тихохонько;
А привыкать-то мнѣ будетъ тяжелехонько
Ко чужому дородну добру молодцу,
Со дѣвичей-то вольной волюшки,
Со матушкиной нѣжной нѣгушки;
Тяжелехонько мнѣ будетъ да тошнехонько.

Такъ анать узаконено отъ Господа Бога,
Что подыматься-то во чужи люди,
На нѣсто вѣковѣчное, прѣстѣнное
Привыкать надо старатися,
Заботиться ко дому благодатному.

Дѣвушки поднимаются съ пѣснями и подходятъ къ дому невѣсты.
Невѣста выходитъ изъ нима на встрѣчу и вопить:

Иду я по полю по пшеному,
Переводники то дубовыи.
Переводники, не гнигесея,
Половинки, не ломигесея:
Не тяжела я молодешенька,
Тяжело на мнѣ злодѣй-горе.

Выходила я на уличку шарокую,
На крылечко на висучее,
Встрѣчала и подруженьки голубушки
Со веселыми со пѣснями.

Привела въ свѣтлицу свѣтлую
 Къ родимому ко батюшкѣ
 И стала говорить родимому:
 Погляди-тко ты, родимый батюшка,
 На моихъ голубушекъ подруженекъ,
 Что стоятъ онѣ еряднымъ сряднехоньки,
 Буйны головы попричесаны,
 Русы косы позаплетены,
 По русымъ косамъ ленты понавязаны,
 Стоятъ онѣ веселехоньки.
 А какъ я у васъ, родимый батюшка, онку,
 Позапачкавшись да позатукившись,
 Буйна головушка-то не причесана,
 Бѣло личико не конаньтос.
 Сяну у васъ во злодѣй-горѣ,
 Во злодѣй-горѣ во великіемъ.

Тяжело мнѣ отставать-то
 Отъ подруженекъ отъ голубушекъ,
 Отъ веселой отъ бесѣдушки,
 Привыкать да къ толпѣ женской (полку женскому)
 Во чужой дальней сторонуншѣ;
 Отставать отъ вашего житья-бытья,
 Отъ житья-бытья хорошаго,
 Отъ вольной своей волюшки
 А и будетъ мнѣ тяжелехонько, тошнехонько.
 Хорошо, коли дастъ Господь счастьеце,
 Не стану тогда пѣнять жалиться,
 Что понаперла я идти во чужь люди,
 Что опасно идти въ чужедадную сторону,
 И поступила въ жите крестьянское.

Батяка станетъ пиво заваривать.

Къ чему ты завариваешь пиво пьяное,
 Къ какому веселью во праздничку?
 Мое чадо, мое милое,
 Ко твоей ли свадьбѣ веселой.

Батяка, сваты и женихъ сряжась станутъ ѣхать на ярмарку (новый обычай пропивать невесту), невеста начнетъ вѣпить:

Пойдете во торги, во ярмарки,
 Не пойте тамъ пива пьянаго,
 И вина-то веленаго.
 Вы глядите поглядывайте
 За чужимъ дороднымъ добрымъ молодецкѣмъ,
 Не напьется ли онъ до-пьяна,
 Не станетъ ли бродяжничать.

Не испугайте мое ретиво сердце,
Какъ что заѣдите, увидите.

Прійдетъ свать за плетѣми (полотенцями).

Что же вы не погодили, не помѣшкали
Давать платы тальянскіе?

Что мѣту у насъ ясна сокола,
Ясна сокола братца батюшки,

А сидитъ она (невѣста) порасчесана,
Вся руса коса-то поразбанчена
И стоять коло ней голубушки,
Голубушки-то подруженьки.
Говоритъ красна дѣвица:

Подай, родина матушка,
Подай платы тальянскіе,
Пора ѣхать съ нашего дому
Сватамъ то чужестраннымъ.

Поднималась красна дѣвица
Со висучей со лавочки,
Подходить ко кормильцу батюшкѣ,
Она пала ему во скоры ноги:
Благослови, кормилецъ батюшка,
Расплести-то мнѣ русу косу,
Распустить ее по могучимъ плечамъ
По волосику по единому.

Подойду мѣ родимой матушкѣ:
Благослови, родина матушка,
Расплести-то мнѣ русу косу,
Распустить по могучимъ плечамъ
По волосику по единому.

Благословите меня, люда добрые,
Сусѣды и сусѣдушки,
Расплести-то мнѣ русу косу,
Распустить по могучимъ плечамъ
По волосику по единому.

Наканунъ снадѣбы:

Родина моя матушка,
Родимый мой батюшка,
Поглядите на меня на молодехоньку:
Пристало ли мнѣ безъ русой косы?
Какъ барезочка безъ верхушки,
Такъ то я молодехонька
Безъ русой своей косы.

У васъ, кормилецъ батюшка,
Чудо милое разположеное,

Руса носа расклетеная,
 По могучимъ плечамъ распущеная;
 Вѣдь мнѣ у васъ, кормилецъ батюшка,
 Не годы възновать, не недѣли недѣливать,
 Одна мнѣ темна ночка мочевать
 Во вольной-то во волюшкѣ.

Въ день свадьбы:

Вставай-ко, батюшка, ранехонько
 Да засѣли пути дороженьки,
 Что ѣхать чужестраннымъ добрымъ людямъ,
 Что за мной ѣдутъ за молодехонькой.
 Что то я ровно подумалась,
 Не спалось мнѣ всю темну ночоньку.
 Души-души побиваютъ,
 Слезы-слезы помываютъ,
 Что тяжело подняться во чужихъ люди,
 Что два ума надо два разума,
 Два обычкя надо легкія,
 Чтобъ не было вамъ пенальщичковъ,
 Что стану худо жить я во чужихъ людяхъ,

Запис. Ю. Готье.

„Причѣты“ Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи.

1. Свадебныя.

I.

Благослови-ко меня, Господи,
 Пресвятая Богородица,
 Что позвать да мнѣ поплакати.
 У меня-ль, у молодехоньки,
 У меня-ли горя нѣтутки,
 Ужъ мнѣ плакать-то да не объ ченъ?
 Я во мѣстечкѣ-то сижу во печаль-
 номъ,
 Во печальномъ-горемычнѣмъ:
 Прити печи-то печальныя ¹⁾,

Прити устья-то камчатнаго,
 Прити столба горемычнаго ²⁾.
 Мнѣ недолго, молодехонькѣ,
 Кресеваться-то у батюшки
 И родимой своей матушки;
 Мнѣ не лѣтчко поработати,
 Не весна красна погуляти
 Со своимъ да со подруженькамъ,
 Со своимъ да со голубушкамъ,
 Во своей да дивей красотѣ.

¹⁾ Древній обычай садиться „въ горѣ“, противъ печки соблюдается въ настоящее время въ очень рѣдкихъ случаяхъ: на свадьбѣ, наприм., на похоронахъ, на сборѣ рекрута.

²⁾ Столбъ, на который кладутъ воронецъ,

Что моя-та дивья красота
 Что была да красовитая:
 За три поля было видѣть,
 За четыреста вёрст слышатъ.
 Я не знала, молодехонька,
 У родимаго у батюшки,
 Гдѣ встаётъ да красно солнышко,

Гдѣ встѣтъ да закатаётся,
 Гдѣ зоря да занимается ¹⁾,
 Во чужихъ людяхъ незнаемыхъ,
 Незнамыхъ-незнакомыхъ
 Я узнаю, молодёшенька,
 Гдѣ стаётъ да красно солнышко,
 Гдѣ зоря да занимается.

II.

Вы подите, добро-жаловать,
 Мои милые подруженьки ²⁾.
 Не осерчайте, мои матушки,
 Что не вышла да не встрѣтила
 Середь улицы широкой,
 Середь лѣсенки брусчатой
 Середь мостика калинова;
 Не брала я двери за собору,
 Не отворяла-жо ихъ на пята;
 Не брала васъ за бѣлы руки,

Не садила, мое матушки,
 Подъ косячато окошечко ³⁾.
 Не обезудьте, мое матушки:
 Я сижу да, молодехонька,
 Что во горѣ во кручиннуѣй.
 У меня-ль, у молодехоньки,
 Горы три поля насивно
 И кручинной огорожено,
 Горючимъ слезамъ полевано.

III.

Вы, цвѣты-ли мои, цвѣтики ⁴⁾,
 Голубые, васильковыѣ,
 Было много насъ посивно,
 Больно мало уродилось!

Что одна у насъ изѣбывица
 И большая лицемѣрица:
 Сказала, что замужъ не пойду,
 Сказала, въ монастырь - городъ
 пойду,

Цвѣтно платье вкладу положу,
 Передумала-замужъ пошла.
 Ты послушай-ко, голубушка,
 Наша малая подруженька:
 Ужъ мы шли путёмъ-дорогою,
 Намъ пошла ⁵⁾ дивья красота
 Что твоя да красовитая,

Отъ насъ отворотилася,
 И намъ не поклонилася;
 Полетѣла дивья красота
 Во лѣса во темныѣ, во грязь во
 черныѣ,
 Съла дивья красота на горькую
 осинушку;

Осинушка качается,
 Красна дѣвица споваётся.
 — „Ужъ ты, свѣтъ - нормилецъ
 батюшки ⁶⁾,“

И родимае моя матушка,
 Что нельзя-ли дѣло раздѣлать?
 — „Родимое наше дѣтатко,
 Даримъ подарилися
 И перстники обручилися“ ⁷⁾.

¹⁾ Т. е. отецъ вѣзжитъ дочку, не заставляя работать рано утромъ до солнышка и вечеромъ до заката и утренней зари.

²⁾ Этими причётомъ встрѣчаетъ сговорёнка своихъ подругъ всякій разъ, какъ онѣ навѣщаютъ ее.

³⁾ Самое почетное мѣсто.

⁴⁾ Въ отвѣтъ на причёты сговорёнки, начинаютъ причитать подруги.

⁵⁾ Повстрѣчалась.

⁶⁾ Причитаетъ сговорёнка.

⁷⁾ Этими словами родители указываютъ на невозможность „дѣло раздѣлать“

2. По рекрутъ.

I.

Ужъ ты, свѣтъ да соколъ милый
 братъ,
 Ты куда же собираешься,
 Хорошо такъ нарежашься:
 Не въ торги-ли, не во ярмарки,
 Не въ веселыя-ль во гульбища?
 Я сама да сдогадалася,
 Собирается соколъ милый братъ
 Что во службу-ту во царскую,
 Что во службу государскую,
 Что служить да царю Бѣлому
 За Россію-ту за матушку.

Что ушлютъ да соколъ милый
 братъ,
 Въ гороха ты да во дальныѣ,
 Что по край да свѣту бѣлаго.
 Ты пиши да соколъ милый братъ,
 Со чужой-дальной сторонущи
 Сворописчатую грамоту,
 Не перомъ, да не черниламъ,
 Ты пиши да горячимъ слезамъ
 Ко своимъ да братьямъ милымъ:
 Не покинул-бы бѣднago
 На чужой-дальной сторонущиѣ.

II ¹⁾.

Ужъ ты свѣтъ да соколъ милый
 братъ,
 Снарядить то тебѣ есть кому,
 Благословить-то тебя некому.
 Попроси, соколъ милый братъ,
 Что своихъ да братьевъ милыхъ,
 Что сходили-бы братья батюшки
 На высокую колоколѣню,
 Что ударил-бы братцы милые
 Во большой-отъ да во волоколъ,

Въ подбольшіѣ подголосочки,
 Что-бы чуть да было слышати
 Высоко да по поднебесью,
 Глубоко да въ мать сыру землю.
 Ты роздайся, мать-сыра земля,
 Ты раскройся гробова доска;
 Роспахнися, полотенецко,
 Ты встань, кормилецъ батюшко,
 На свои-да на скоры ноги,
 Благослови-ко сына милого.

Сообщилъ Я. Ильинскій.

„Крики“ Рязанской губ., Рязнскаго уѣзда.

„Крикъ“ дѣвушки по вечерамъ за недѣлю до свадьбы.

Милыя моя подруженьки!

Подите ко мнѣ къ горькой, несчастной, провѣдайте меня.

Закабалали мою головушку во чужіе люди.

Во чужихъ людяхъ жить тошнехонько, грустнехонько,

Трудно угодить на чужого отца, матеръ.

Во чужихъ людяхъ безъ солнышка сушаты,

Безъ лютого безъ мороза сердце знобять.

¹⁾ Причитаетъ сестра, если рекрутъ сирота

Кормилица мамушка и кормилецъ батюшка!
Отжилася, отгостилася я у васъ.
Милые мои братцы, милые мои сестрицы!
Не обижайтесь на меня, что я вамъ по глупости сказала,
Считите мою грубость за глупость.
Когда къ вамъ я горькой, несчастной приду,
Вы меня не поите, не кормите,
Ласковымъ словомъ приговорите.

Когда за столъ заводятъ.

Желанная моя мамушка-крестная!
Буда вы меня заводите?
Я думала, вы меня заводите во зеленый садъ,
А вы меня заводите за дубовый столъ, за бѣлую скатерть.
Желанный мой братецъ!
Поди, сходи, возьми востёръ топоръ,
Поди, сходи въ зеленую рощу,
Сруби бѣлую березу,
Перегородите всѣ пути дороженьки,
Не пущайте моихъ разлучниковъ,
Которые разлучить хотятъ съ отцомъ, съ матерью.
Кормилецъ мой батюшка!
Благодарю васъ за хлѣбъ, за соль,
Что вы меня кормили-поили, во чужіе люди вывели.
Желанный мой братецъ!
Благодарю тебя за хлѣбъ, за соль.
Любезная моя невѣстуха!
Не попомни мои грубы-досады.
Можетъ я вамъ по глупости нагубила,
Почтите мою грубость за глупость,
Не покиньте меня горькую.
Приду я изъ чужихъ людѣвъ къ вамъ горькая,
Вы меня не поите, не кормите,
Ласковымъ словомъ приговорите.
Пойду я отъ васъ сыта-сытѣшенка,
Весела-веселехонька.
Желанный мой братецъ!
Сходите къ Божіей церкви,
Ударьте въ трижды въ большой колоколъ,
Разбудите родимую мамушку
На этотъ часъ-минуточку...

Когда благославляютъ.

Кормилецъ мой, батюшка!
Благословите меня горькую,
Благословите меня несчастную.

Ничего я отъ васъ не желаю:
 Ни золота, ни серебра,
 Только одно благословеньяце.
 Кормилица моя, матушка!
 Благословите меня горькую,
 Благословите меня несчастную.
 Ничего я отъ васъ не желаю:
 Ни золота, ни серебра,
 Только одно благословеньяце.

„Кричать“ по мертвой.

Кормилица ты моя, матушка!
 На кого ты меня покинула горькую, несчастную?
 Съ кѣмъ ты эту думушку думала?
 На кого ты меня, горькую, покинула?
 Я горькая, несчастная.

Кормилица матушка,
 Встань, проснися, открой очи ясныя,
 Расхлеси руки бѣлыя
 И возьми меня горькую, несчастную
 Съ собой поѣдь правое крылышко.
 Не давай мнѣ горя мыкать,
 Много я безъ тебя горя увижу.

Милая моя сестрица,
 Гдѣ-же наша кормилица мамушка?
 Куда мы ее проводили?
 Въ какой сторонѣ будешь дожидаться?

Кормилица, мамушка!
 Ты бы намъ сказала, когда къ намъ придешь,
 Мы всѣ двери отворили-бы,
 А окна открыли бы для тебя.

Село Мостье.

Записалъ гимназистъ V класса *Алексѣй Виноградовъ*.

Къ легендамъ и повѣр'ямъ о змѣяхъ.

а) Змѣиная мудрость (змѣиное мясо).

Въ «Кіевской Старинѣ» 1889 г. (вн. 5 и 6) мы сообщали, въ дополненіе къ «Культурнымъ переживаніямъ» Н. Ө. Сумцова, украинскій рассказъ о томъ, какъ человѣкъ, съѣвшій вываренное мясо змѣи, получаетъ не только особенную мудрость, которою такъ отличаются змѣи, а даже способность слышать и понимать говоръ животныхъ и растений, узнавать цѣлебное значеніе послѣднихъ. Тотъ-же мотивъ развивается еще въ слѣдующемъ вариантѣ, записанномъ и сообщенномъ намъ учителемъ Тимошеевымъ изъ села Невлюдова Борочанскаго уѣзда, Бурской губерніи.

«Посылае разъ панъ своего робитныва піймать ёму гадюку, змію, значить, гадюку, тай сказавъ, щобъ синъ приготоувивъ ёму гушанья зъ неі. Той піймавъ гадюку, изжарывъ чи зварывъ, тай подае, а самъ такы оставывъ соби косточку, думае: якъ панъ буде йисты, той я зъямъ; мабудъ вкусне, якъ панъ йистъ. Поснидавъ панъ, даже косточки не оставывъ, тай собирається йихать. Отъ йидуть вони зъ тымъ робитныкомъ. Прийшлося перейиздыть черезъ якусь лужу, чи що; перейихали вони, а лошаць (жеребенокъ) молодой и zostався на тымъ боци лужи. Бомы кобыла крычить, рже, значить, до своего лошонка: «А чого ты такъ zostався?» — Боюсь, — каже лошѣ, — воды багацько. — «Не бійсь, — рже ему зновъ кобыла, — аже я перейшла.» Той послухавъ, тай побигъ. А робитныкъ слухавъ, слухавъ, та якъ зареоче, — ніякъ не удержиться. «Ты чого смієшься?» — пытае панъ у робитныка. А той не говоре правды. — Та такъ, каже, чогось сминики взялы. — «Нѣтъ, врѣшь!» — говоре панъ: — «а затѣмъ ты смотришь на того лошонка? Ты что-то такое знаешь!» Той и признався. «Такъ отъ зачымъ оти паны йидать гадюку!» — подумавъ робитныкъ, и винъ, значить, ставъ понимать, якъ розказують одно зъ однимъ звырявы разни и скотына и даже навить трава. Якъ вони стали йихать по луку, то трава й каже: «Я отъ такомъ болѣзни... а я отъ такомъ». И багато ставъ знать той робитныкъ, усе равно якъ панъ. Отъ панъ и каже: «Ну, комы ты теперъ усе знаешь те, що и я, то не кажи-жъ никому, а бльше всего не передавай жинци, а то половыну забудешъ». Отъ уже той робитныкъ отъ пана й отстриавъ; прийшовъ до дому, и дома куды не прийде, усе розбира и усе понима, якъ скотына балака, якъ птицы. А винъ слуша, та все рече. Жинка замк-

тыла тай пристала до ёго: «чого тай чего ты, чоловіче, регочешь? Винъ значала отказувась, та ничего не мигъ подлѣять зъ своею жинкою, узавъ тай признався; а жинка тоже не втерпѣла, порознесла по всему свиту.

Теперь того знанія нымѣ; нымѣ, значить, такого чоловіка, щобъ знавъ усе, а кажный знае потрошку: одинъ зва про скотыну, другой про траву, третій про що-небудь ще инче; а вже не знаю, чи е такі людѣ, щобъ понималы, про що пивны спивають, чи нема. Це, мабудь, казка; було колысь въ старе время, а теперь може де-небудь въ заводи звонны ллють, такъ распускають мову чи брехню, щобъ лучше колокола лылысь».

Сообщ. М. К. Васильевъ.

б) Летуны, огненные змѣи.

1) Всѣ легенды объ огненныхъ змѣяхъ, слышанныя мною отъ крестьянъ Тальменской волости, Барнаульскаго округа, Томской губерніи, относятся къ давно прошедшему времени. Въ настоящее время никто уже не видитъ такихъ змѣевъ; но, вполне вѣруя въ непогрѣшимость прадѣдовскихъ и дѣдовскихъ сказаній, народъ до сихъ поръ еще сохраняетъ убѣжденіе, что дѣйствительно были такія „чудовища“. Въ общемъ всѣ легенды сходны между собою и сообщаютъ слѣдующее.

Огненные, летающіе змѣи были не что иное, какъ нечистая сила, „дьявольщина“. Никто не видалъ ни одного змѣя днемъ или у своего хозяина, но всегда видѣли только ночью, летающимъ по небу къ тону дому, въ которомъ жилъ. Наружный видъ его описываютъ такъ: длиною онъ съ аршинъ, толщиною въ завитъ руки у мужчины; цвѣта огненнаго; полетъ его подобенъ падающей звѣздѣ, по дорогѣ отъ него сыплются искры, Подлетѣвши къ дому, гдѣ жилъ, онъ разсыпается по крышѣ искрами которыя тотчасъ же исчезаютъ.

Жили огненные змѣи у знахарей и, большею частію, у знахарокъ, потому что эти лица знали разные заговоры отъ нечистой силы и умѣли распорядиться ею. Но не у каждаго знахара или знахарки водились они, а только у тѣхъ, которые сами желали имѣть ихъ. Приобрѣсти огненнаго змѣя возможно было двоякимъ способомъ: или взять у кого нибудь готоваго, или высидѣть изъ пѣтушьяго яйца. 1) Высиживание производилось слѣдующимъ порядкомъ: брали пѣтушье яйцо подъ пазуху правой руки и носили до тѣхъ поръ, пока не выходилъ изъ него змѣй. 2) Каждому хо-

1) Пѣтушьямъ яйцомъ наши крестьяне до сихъ поръ называютъ обыкновенное куриное яйцо, только не вполне развитшееся, маленькое, величиною съ голубиное. Они допускаютъ, что подобное яйцо можетъ снести молодая курица не достигшая года, но не вѣрятъ, что оно можетъ быть отъ старой курицы; повтому всегда считаютъ такое уродливое яйцо не куринымъ, а пѣтушьимъ. По понятіямъ крестьянъ, пѣтушье яйцо предвѣщаетъ дому несчастье. Въ пищу его не употребляютъ.

2) Срв. литовскую легенду „Айчварасъ“, въ „Этногр. Обзор.“ кн. X, стр. 231. Ред.

занину нельзя было держать змѣя болѣе 3-хъ лѣтъ вслѣдствіе того, что послѣ этого срока онъ могъ принести какой-нибудь вредъ; поэтому слѣдовало или убить его, или передать кому-нибудь; вотъ при такомъ обстоятельстве и представлялась возможность приобрести готового змѣя.

Уходъ за змѣей не представлялъ ничего особенно труднаго: для него нужно было только гнѣздо и пища. Гнѣздо устраивалось подобно гусиному; пищу составляли яйца и молоко. Держали змѣя, судя по всѣмъ разсказамъ, исключительно для наживы, такъ какъ онъ имѣлъ способность носить своему хозяину богатство, „жить“. Богатство онъ бралъ тамъ, гдѣ оно было положено „не благословясь“. Носилъ змѣя богатства, повидимому, очень немного, такъ какъ по всѣмъ легендамъ оказывается, что лица, имѣвшія змѣевъ, не считались особенно богатыми, даже въ средѣ крестьянскаго населенія. Здѣсь замѣчается несходство воззрѣній народа на нечистую силу; по всѣмъ нашимъ народнымъ сказкамъ нечистая сила можетъ давать громадное богатство лицу, оказавшему ей какую-нибудь услугу; между тѣмъ змѣй, тоже какъ нечистая сила, не даетъ своему хозяину значительнаго богатства. Для того чтобы согласовать такое разногласіе воззрѣній, необходимо предположить, что огненный змѣй служилъ не исключительно только для наживы, а еще для другой какой-то цѣли.

Сообщ. *Н. Пузыревъ.*

(С. Павловское, Барнаульскаго у.)

2) Въ 1890 году я шелъ однажды въ церковь къ обѣднѣ. На паперти одна пожилая женщина подвела ко мнѣ другую, молодую, съ желтымъ лицомъ и мутными глазами, и, теребя ее за рукавъ, что-то ей говорила. Молодая женщина слабымъ голосомъ проговорила мнѣ: „Прости меня Христа ради, ко мнѣ летунъ летаетъ“, и поклонилась мнѣ. Какъ оказалось, это была крестьянка одной со мною волости, деревни Крутого, Фенича Маслова, которая влюбилась въ крестьянина своей деревни Камакина, не отвѣчавшаго ей взаимностью. Отъ этого она сильно заболѣла и въ горячкѣ бредила этимъ крестьянникомъ. Горячечный бредъ крестьяне объяснили тѣмъ, что къ женщинѣ летаетъ летунъ (летающій дьяволъ), и она съ нимъ разговариваетъ. Чтобы избавить ее отъ этого, крестьяне привели ее на паперть, гдѣ она каждому входящему въ церковь должна была говорить вышеприведенныя слова. Въ другихъ случаяхъ такихъ женщинъ лѣчатъ еще отчитываніемъ, заклинаніемъ. Подобныхъ фактовъ здѣсь бываетъ не мало.

Сообщилъ *Стен. Шаровъ.*

(Учитель с. Посеры, Таможниковской вол., Нижегород. губ.).

3) Въ Мерефянской волостной судъ (Харьк. уѣз.) крестьянка Александра Буркиовская обратилась съ такимъ прошеніемъ: „1893 года, марта 5 дня, крест. Татьяна Онищенкова оклеветала меня по всей Мерефѣ неслыхан-

нымъ позоромъ, совершенно несообразно съ человѣческою жизнью, ни съ нашей религіей, что будто бы ко мнѣ летаетъ змій какой-то, съ которыми я состою въ дружескихъ отношеніяхъ. Подобная клевета меня до крайности оскорбляетъ. Я нѣбю у себя мужа законнаго и дѣтей взрослыхъ и честно продолжала нашу семейную жизнь, какъ даже извѣстно и обществу и нашимъ сосѣдямъ, многіе десятки лѣтъ, а теперь неожиданно является такой позоръ "... Она просила далѣе вызвать свидѣтелей и наказать Онищенко за клевету. Волостной судъ опредѣлялъ: „Татьяну Онищенко за толкованіе подобныхъ нелѣпостей подвергнуть на общественныя работы на три дня, Александру Буряковскую за принятіе на себя подобныхъ нелѣпостей—на два дня, тоже на общественныя работы“ (См. „Сынъ Отец“. 1893 г., № 175, 29 іюня).

Къ исторіи собиранія русскихъ былинь.

I.

Въ 70-хъ годахъ скончался въ Нерчинскѣ купецъ *М. А. Зензиновъ*. Человѣкъ наблюдательный, съ живымъ интересомъ вглядывавшійся въ своеобразную жизнь Забайкалья, *М. А. Зензиновъ* часто дѣлился своими наблюденіями съ читающей публикой и напечаталъ, главнымъ образомъ въ «Трудахъ» Вольно-Экономическаго Общества, рядъ статей по торгово-промышленнымъ и этнографическимъ вопросамъ, скрывая обыкновенно свое имя подъ псевдонимами—*Даурецъ*, *Даурскій пастухъ*, *Сонбирякъ* и т. п.—Какъ этнографъ, покойнаго Зензинова больше всего интересовали буряты, а особенно такъ называемая тибетская медицина бурятъ—*ламистовъ*; въ свое время Зензиновъ пользовался по ту сторону Байкала извѣстностью большаго знатока этой медицины.

Въ настоящее время сынъ *М. А. Зензинова*, *М. М. Зензиновъ*, имѣя въ виду составить для трудовъ Читинской филіаціи Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества біографію своего отца, какъ выдающагося мѣстнаго дѣятеля, занялся разсмотрѣніемъ многочисленныхъ рукописей, оставшихся послѣ покойнаго. Пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ *М. М. Зензинова*, я просмотрѣлъ тѣ рукописи, которыя содержатъ этнографическіе матеріалы.

Среди этихъ рукописей, заключающихъ вообще много любопытнаго (рядъ монгольскихъ сказовъ, описаніе нерчинской свадьбы, масса лирическихъ народныхъ пѣсенъ), нашелъ я отрывокъ былины о *Ставрѣ*. Въ сожалѣнію, вопросы о томъ, когда, кѣмъ и гдѣ былъ записанъ этотъ отрывокъ, могутъ быть рѣшены лишь предположительно. Даты записи въ вашекъ отрывкѣ не имѣется,—приходится, слѣдовательно, довольствоваться свѣдѣніемъ, что *М. А. Зензиновъ* производилъ свои этнографическія наблюденія съ 30-хъ годовъ до 73 года. Можно думать, что бы-

лина была записана изъ устъ сказителя не самимъ Зензиновымъ; ореографіа рукописи, заключающей былинну и писанной рукою Зензинова, слишкомъ не похожа на ореографію другихъ его рукописей; встречающіяся въ рукописяхъ Зензинова указанія на корреспондентовъ, доставлявшихъ ему этнографическій матеріалъ, даютъ нѣкоторое право заключить, что имѣющійся въ моемъ распоряженіи отрывокъ былинны есть копія съ доставленной Зензинову записи. Названіе деревни, въ которой записанъ отрывокъ, стоитъ въ заголовкѣ былинны, но чернила выцвѣли настолько, что разобрать названіе я не могъ; изъ другихъ рукописей и дневниковъ М. А. Зензинова видно, что кругъ его этнографическихъ наблюденій ограничивался исключительно Забайкальемъ. Наконецъ, самый важный при изученіи былинной традиціи вопросъ¹—отъ кого записанъ нашъ отрывокъ,—не можетъ быть рѣшенъ даже и гадательно, такъ какъ никакихъ указаній на это у Зензинова нѣтъ.

Не смотря на отсутствіе въ записи Зензинова столь важныхъ указаній, какъ отмѣченныя выше, сохранившійся въ его рукописяхъ отрывокъ былинны о Ставрѣ имѣетъ, по моему мнѣнію, значительный интересъ. Во-первыхъ, очень характерно заглавіе былинны—«Старина деревни С.....», заглавіе, лишний разъ подтверждающее, что народное названіе для былинны есть «старина»; во-вторыхъ, очень характеренъ зачинъ былинны; въ-третьихъ, изъ содержанія былинны, хотя и неоконченной, видно, что она примыкаетъ къ той редакціи былинны о Ставрѣ, которую пр. В. Ө. Миллеръ называетъ сибирской; наконецъ, предполагаемая возможность записи нашего отрывка въ Забайкальѣ любопытна для вопроса о географическомъ распредѣленіи былинъ.

Вотъ самый текстъ отрывка со всѣми его ореографическими особенностями.

Старина деревни С.....

1. Благословижа меня Господи старину сказать
Старину сказать стару прежнюю
Стару прежнюю да старадавную¹⁾.
Какъ во славномъ было въ Городѣ во киевѣ,
5. Уласкова князи увладимѣра,
Ужъ было шированыицо почесной нирѣ,
Какъ про многихъ про князей про бояриномъ,
И про сильныхъ могучей про богатырей
Ипровсю полѣицу Удалую,
10. Только нѣту напирѣ вътъ боярина Ставра,
Какъ Боярина Ставра Сына Годиновича,
Тутъ возговорилъ промолвилъ владимеръ князь,

¹⁾ Зачинъ этотъ, вписанный между заглавіемъ и началомъ самой былинны, сначала былъ, очевидно, пропущенъ: онъ вписанъ, по недостатку мѣста, мелкимъ и сжатымъ почеркомъ.

- Ужъ вы гогой Слуги мои верныя,
 Поезжайтѣка Слуги За бояриномъ Ставромъ,
 15. За бояриномъ Ставромъ Сыномъ Годиновичемъ,
 Вы подайтѣ ка Ставру Мою Грамотку,
 Позовитѣ вы Ставра навѣселоі пиръ.
 Какъ немного тому врѣмю миновалося
 Приезжаеъ ко князю бояринъ Ставѣръ.
 20. Онъ оступаетъ вополаты бѣлокамѣныя
 Онъ Крестъ кладѣтъ пописаному,
 Онъ поклонито вѣдетъ поученому
 Онъ кланяется да поклоняется,
 Онъ навѣ то начетыре настороночьки,
 25. А владимѣру князю наособицу.
 Онъ Сяли Задубовыя Столы
 А затѣжа вѣтъ, заскатѣрти Забранныя,
 И затѣжа Есвы Сахарныя
 Онъ въ нолъ питья бояра напивалися
 30. Онъ въ полъ сытъи бояра наедалися,
 И мѣжду Собой бояра призахвасталися
 Хвалятца Златомъ Серебромъ,
 Еще хвалятца Скатынымъ Земчугомъ,
 Какъ возговоритъ промолвить бояринъ Ставеръ
 35. Бояринъ Ставеръ Сынъ Годиновичъ,
 Ужъ вы Глупыя Бояра неразумныя
 Вы хвалитѣсь Златомъ Серебромъ,
 Еще хвалитѣсь Скатынымъ Земчугомъ,
 Ужъ какъ Есть умѣня убоярина Ставра
 40. Убоярина Ставра сына Годиновича
 Молода жена василиса васильевна
 Она ростомъ дороствомъ дородиѣ всехъ,
 Брасотою Лѣнотою она краше всехъ
 Ее белое Лицо, бутѣто белой Снегъ,
 45. Ее черныя Брови, какъ у соболя,
 Ее ясныя очи, какъ у сокола,
 Умѣетъ она Истуга Лука Стрелять,
 Въ Семисотную версту въ золотѣ перстѣнь.
 Тутъ возговоритъ промолвить владимѣръ князь,
 50. Ужъ вы гои еси Князья Мои боярави
 Вы Сильныя могучиы богатыри,
 Еще вся полѣница вѣтъ удолая,
 Не напрасна-ли Ставѣръ похваляется,
 Вы возмитѣ Ставра Забѣлыя Ево ручьки
 55. Отъ вѣдитѣко Ставра въ тѣмну тѣиницу.
 Тутъ услышала Ево молодая вѣтъ жена
 Молода дочь василиса васильевна,
 Приказывать имать Своего добра коня,

- На тузе на уздицу на тѣснѣную,
 60. Сѣдлаетъ Бонн во чернацкое Седло
 Какъ подтыгивать 12 подыпругъ шелковыхъ
 Подъпоясываютъ тѣской палицою,
 И подѣстъ(га)ваетъ Своей тугой Лукъ
 Она тугой Лукъ вѣтъ разрывчетой.
 65. Какъ негрозная туча подымалася
 Какъ невихри Вополяхъ, давѣтъ Завѣли,
 Подымается Ставрова Молода Ево жена
 Молода дочь василкса васильевна
 Подѣзжаетъ додвору Князя владимѣра.
 70. Она крикнула Грохнннъ Голосомъ.
 Засвистала она Свистомъ будто лютой звѣрь.
 Ахъ ты Батюшка, владимѣръ князь,
 Ты подайка мнѣ Ставра Сына Годиновича.
 Ты почтожа нать Ставромъ величатся.
 75. Отъшучу я тѣбѣ шуточку немалинъкую
 Ты заплотишь Мнѣ пошлину вѣликую
 Затакую вѣтъ обидушку несносную.

.....

Сообщилъ *Н. Мендельсонъ*.

II.

Въ виду интереса, который вызываетъ въ послѣднее время вопросъ о географическомъ распространеніи былинъ и другихъ формъ народнаго творчества, заслуживаютъ вниманія нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщенныя въ VII т. біографіи Погодина (стр. 227—229) объ одномъ собирателѣ 40-хъ годовъ, *Н. Борисовѣ* изъ Шенкурска Архангельской губ. Этотъ Борисовъ былъ дѣятельнымъ корреспондентомъ Погодина, доставлявшимъ ему пѣсни, сказки и т. п.¹⁾ Посылая разъ Погодину матеріалъ, Борисовъ пишетъ: „Послѣднія (сказки), можетъ быть, плохи, но извините, я не успѣлъ переписать лучшихъ; въ скоромъ времени пошлю вамъ: Илью Муромца, Калина Календаровича, Марью Царевну и сказку о Бурей избѣ, трехъ платящихъ и саночкахъ-самолоточкахъ—превосходныя сказки! Я нашелъ здѣсь крестьянина, сообщившаго мнѣ эти сказки, у котораго, кажется, вся голова только и наполнена сказками да пѣснями; онъ самъ говоритъ, что знаетъ „чортову пропасть этакихъ разныхъ побывальщинокъ; до трехъ сотъ!“ Но вотъ бѣда: онъ такъ отчаянно пишетъ, что въ его каракулькахъ надо съ огнемъ искать смысла; со словъ же его писать нѣтъ возможности: онъ сказываетъ свои сказки, какъ будто читаетъ „Поимлуй мя, Боже“; тише

¹⁾ Именемъ этого Борисова обозначены нѣкоторыя сказки въ собраніи Афанасьева, вѣроятно полученныя Афанасьевымъ изъ Географич. Общества, куда могли онѣ попасть отъ Погодина, по его связи съ Надеждинымъ. Имъ же напечатана въ „Москвитинѣ“ 1843, № 4, одна сказка („О Горь-горяниинъ Даниилъ дворянинъ“), вошедшая въ собраніе Афанасьева.

не можетъ, сбивается. Извините меня, что посылаемые пѣсни дурно переписаны; я торопился и въ хвостъ и въ голову; впрочемъ, я полагаю, что вы разберете мои іероглифы. Я не знаю, не напечатанъ ли *этотъ* самый Илья Муромецъ въ собраніи Кирши Данилова; этой книги у насъ не водится. У меня сказка такъ начинается:

Во славномъ городѣ, во Муромѣ,
 Во селѣ Карачаровѣ
 Жилъ былъ старикъ Иванъ Тимофеевичъ;
 У него былъ сынъ Илья Муромецъ,
 Онъ былъ на возрастѣ,
 Какъ быть соколъ на волетѣ;
 Онъ просилъ у родного батюшки
 Благословенья великова,
 Навѣки нерушимова... и пр.

Я читалъ объ этомъ Ильѣ въ критикѣ „Отечеств. Записокъ“ на Киршу Данилова; къ несчастью, изъ этой критики я ничего не понялъ о Муромцѣ и списываю его, полагая, что мой Муромецъ только однокимилецъ съ Муромцемъ Кирши Данилова, а въ ходѣ рассказа они различны⁴.

У Кирши Данилова, дѣйствительно, нѣтъ варіанта этой былинны съ такимъ началомъ, равно какъ и въ „Рус. былинахъ старой и новой записи“, изданныхъ Этнографическимъ Отдѣломъ.

Сообщилъ А. Грузинскій.

Народные толки 1897 г.

1.

Тысяча вискисотъ дывиносто дывятого года ны будутъ тургувати лавошныкы крамомъ: будутъ казёны лавы, усе будутъ роздавать бызъ грошый, куму чого потребуѣт(ь)ця; грошый не треба буды, воны будутъ валят(ь)ця по вулицяхъ. У насъ, у Моловатци. ¹⁾ Шесть жинка торгуйе бызъ свидытл(ь)ства дышевшы на половину протывъ лавошныковъ. Їйи брагы у допросъ: „Де ты берешъ“? Вона кажы: „Я быру у лавкахъ“! Такъ воны, ти паны, и пойхалы, ничего и ны зробылы. Теперъ у Моловатци усеи люды у суко(н)ныхъ кужухахъ тымъ, шо дешевшы суко. Такъ вона такъ продае: у день гроши возмы, а крамъ у ноци о(д)даѣе. Їйи носы потчу чоловикъ кучыравый. Вона упередъ тургувала у свекра, а теперъ у ридного батька: чйи свекоръ прогнавъ, кажы: „Де

¹⁾ Новоѣловатка, слоб. Богучарскаго уѣзда, въ семи верстахъ отъ мѣста жительства автора. М. Д.

ты берешъ крамъ"? а вона каймы: „У садку у насъ багато, повинъ слодокъ. Пидить, подынитъ(ь)ця!“ Воны пидуть, подымят(ь)ця—ничого тамъ и няма, а вона пиды та пренесе что(!)—зна скляны крану. А свекоръ узавъ шйи и прогнавъ, бойит(ь)ця. Люды кажуть, що це Анцыхрестова маты, и каждого чоловіка запысуе, хто беры(!) у нейи крамъ. Такъ у насъ люды боят(ь)ця и брать у нейи крану: кажуть, вона позапысувала людей, такъ воны уся будуть Анцыхрыстовы. Та и подумать можно, що одъ Анцыхреста продай: такы сокю(!), що тры цилковыхъ за аршынь, а вона по цилковому продай—скляны вгодно быры, та боят(ь)ця люды брать того, що запысуе. За цей крамъ будуть почати(!) привладать. Того года, 99-го, вы буды еонин, заловайт(ь)ця; Царь утыче у чужу землю; люды знишають(ь)ця: туркы, чырнесы, кыргызы, кошыкы, а Царь одынъ буды на весь свить. И будуть ходыть пророкы и будуть казать: „Кийтись, ото скоро буды страшный судъ!“ (И)ихъ возмутъ, и Царь прыкажы убывать. Люды знатыму(ть), що одъ шихъ крони займыт(ь)ця зымля, такъ воны будуть настылатъ опавчывъ здоровый кругъ, щобъ ны брызнула кровь на землю. Нашнутъ быть, такъ кровь такы брызны на землю и займыт(ь)ця уся зымля, съ того буды страшный судъ.

2.

Воронжес(ь)кой губернии, Павловс(ь)кого города, волосты Михайловкы у слободы Пытривци йсть человекъ, салдаты, такы(и), що самъ себе занувавъ залезомъ уже одынацать годинъ. (И)ого бравъ становый, роскуванъ, а винъ упыйеть закунався. Теперь уже на шыи иззаду зарисъ чепъ, уже пырыросло тила якъ на долоню. Начиняно до чыпа закинь, тры звонны такы, що хунтивъ во пять або по 6; высыть залезна палка, а чепъ отъ шыи та до колынъ прыкованый пять сорочкою; навхрыст(ь) шыпы чырысь плечи; поясъ (!) залезный нсъ шыпы; на рукахъ, на кажному пал(ь)ци залезны кил(ь)ци повресталы, на ко-яныхъ пал(ь)цияхъ уже поспадалы, попырындамы, сами кисточы осталысь; и (въ) вушахъ кил(ь)ци пороспылюнаны позаводыно (кил(ь)ци тн, що у у книс(ь)ныхъ хомутахъ,—залито и кил(ь)ци). Никомы ны ляга спять: винъ такъ спыть, почуйе по круцахъ. У його нима своей хаты, винъ ходы по миру; йому люды дають гроши, винъ гроши тк роздайе та занупуйе, та виша на себы. Уже высыть на йому залеза пудинъ два, це ны бачылы своимы очыма, а у роти у його пятавъ, винъ носы на те, щобъ ны балакать. Никто його ны дозна, чы винъ святой, чы який винъ йсть. Такъ це ны пытайты за выдуму, а це собстве(в)на правда.

(Оба ММ сообщили крест. слободы Попасовой, Богучарскаго уезда, Троежы Автонович Суббота, 12 лѣтъ)

М. Дикаревъ.

Критика и Библиографія.

А. Мюллеръ. *Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ.* Переводъ съ вѣмецкаго подъ редакціей прив.-доцента *Н. А. Мядникова.* Томъ III, СПб. 1896, стр. 448. Т. IV, СПб. 1896, стр. 271. Цѣна 5 руб.

Въ свое время мы уже сообщали читателямъ «Этногр. Обзорнія» о выходѣ первыхъ двухъ томовъ этого изданія и тогда же отмѣтилъ всю необходимость появленія труда Мюллера на русскомъ языкѣ. Конечно, и трудъ Мюллера не свободенъ отъ нѣкоторыхъ поспѣшныхъ заключеній. Напр., въ т. III, стр. 212, суфизмъ Саадія характеризуется, «какъ кроткая и чистая, въ высшей степени разумная жизненная философія». Оставляя въ сторонѣ субъективный вопросъ о степени разумности, мы все же постысиаемся видѣть кротость и чистоту у того писателя, который (всприм., во 2-ой половинѣ Голистана) произноситъ такіа сентенціи: «Не держи себя волкомъ, но не держи себя и овцою, чтобъ тебя не съѣли волки», «Ни съ другомъ, ни съ врагомъ не доводи до крайней степени ни дружбы, ни вражды: быть можетъ, ты съ другомъ нѣкогда поссоришься, съ врагомъ помиришься», «Будь скрытень съ людьми и, даже говоря къ голой стѣнѣ, будь остороженъ: быть можетъ, за стѣвою тебя подслушиваютъ». Едва ли можно назвать такіа правила кроткими и чистыми... Однако, не смотря на подобные lapsus calami, трудъ Мюллера остается очень цѣннымъ, и появленію русскаго перевода нужно радоваться.

Къ сожалѣнію, переводъ далеко не всегда удовлетворителенъ. Очень часто онъ тяжелъ, а иногда прямо грѣшитъ противъ русской фразеологіи: „Полный остроумія и ума, ему все же въ умственномъ отношеніи не доставало глубины“ (III, 73), «Хотя и будучи довольно независимъ», (III, 120), «Погашеніе возстанія» (III, (97), «его достойная (т. е. цѣнная) исторія» (IV, 198); съ подобными неуклюжими фразами можно, разумеется, примириться, но въ другихъ случаяхъ прямо извращенъ смыслъ: «Чингизъ-ханъ считался монголою» (III, 294) вм. «былъ всѣмъ извѣстенъ, какъ монголъ»; иной читатель подумаетъ, пожалуй, что Чингизъ-ханъ вовсе не былъ монголою. «Мы, нѣицы, до сихъ поръ еще негодуемъ, когда наши дѣды рассказываютъ намъ о бѣдствіяхъ наполеоновскаго времени: но что значить это двѣнадцатилѣтнее *недовольство* въ сравненіи съ цѣлыми двумя столѣтіями (турецкихъ раздоровъ)?» (III, 209). У насъ нѣтъ подъ руками нѣмецкаго текста Мюллера (рецензія эта пишется въ одной

изъ отдаленныхъ деревень Ливана, куда нельзя было перевезти много книгъ съ собою), но, очевидно, тутъ произошло какое-то недоразумѣніе при передачѣ подлиннаго термина (Unfriede? раздоры)¹⁾. Последняя строка т. III, стр. 121 содержитъ или грубую ошибку или (что вѣрнѣе) опіску: «ученія» вм. «чтенія».

Нѣкоторыя изъ неточностей перевода не извинительны потому, что переводъ, повидимому, дѣлался людьми, свѣдущими въ восточныхъ языкахъ: восточные языки должны были бы помочь переводчикамъ въ уразумѣніи нѣмецкаго текста. Книга «Калила и Димна» названа *волшебными сказками* (III, 49). Неужели такъ и у Мюллера? ²⁾ «Бахръ по-арабски — море, или большой потокъ» (III, 182), — не потокъ, а рѣка; по-нѣмецки и то и другое — «Strom» (рѣчь идетъ о Нилѣ). «Бустанъ — садъ увеселеній» (III, 213). Слово «бустанъ» значить просто «фруктовый садъ», и если у Мюллера написано «Lustgarten», то надо было перевести «пріятный садъ»; «садъ увеселеній» имѣетъ по-русски свое особое значеніе, не годящееся для заглавія творенію Саадія, Сочиненіе Низамія «Хамсе» объясняется какъ «пятерня» (III, 213). Для пяти поэмъ годится названіе «пятерница», а «пятерней» обыкновенно называютъ пять рукъ. Денизъ Тимура: «расти — русти» переводится «право — сила» (III, 292) и называется лицемеріемъ. Русскій читатель непремѣнно пойметъ «сила» въ смыслѣ подлежащаго, но будетъ недоумѣвать, въ чемъ же здѣсь лицемеріе. На самомъ же дѣлѣ слово «расти» значить по-персидски «правда» или «правота», и у Мюллера, очевидно, написано «Recht» (срв. выраженіе: *ich habe Recht* — я правъ). Слово «факыхъ» обыкновенно переведено въ точности: «правовѣдъ», во на стр. 268, т. IV — «правовѣрный»; вѣроятно, это простая опіска. Прозвище «Утрушъ» переведено «нѣмой» (III, 40), а оно значить «глухой».

Мюллеръ, составляя свою книгу, издавалъ ее выпусками. Иногда въ послѣдующихъ выпускахъ онъ поправлялъ ошибки предыдущихъ. Въ русскомъ переводѣ, да вдобавокъ въ такомъ, фирму котораго согласился взять на себя ориенталистъ-специалистъ, слѣдовало бы не повторять ошибокъ Мюллера, а сразу же ихъ исправлять. Между тѣмъ переводчики этого не сдѣлали. Бѣдный русскій читатель, изучая исторію Багдада (т. II), не догадается, конечно, что въ ней есть ошибки, очень серьезныя, отмѣченныя лишь въ исторіи Персія (т. III, примѣч. къ стр. 25). Также едва ли догадается читатель, что свѣдѣнія, сообщенныя во II т. (стр. 336), объявляются въ т. III, стр. 264, какъ «непростительный *lapsus calami*, который, быть можетъ, можно извинить только его чудовищностью». Читателю и въ голову не придетъ сомнѣніе, потому что въ другихъ случаяхъ онъ видитъ примѣчанія редакціи, оспаривающія какое-

¹⁾ Въ оригиналѣ Spanne: „was aber will diese Spanne von einem Dutzend Jahren sagen gegen zwei ganze Jahrhunderte?“ — Дальнѣйшія догадки г. рецензента на счетъ отдѣльныхъ выраженій въ оригиналѣ вполне справедливы. *Ред.*

²⁾ Въ подлинникѣ просто: Märchensammlung. *Ред.*

нибудь мнѣніе Мюллера, и по неволѣ подумаетъ: что не оговорено редакціей, то, значитъ, несомнѣнно.

Правописаніе собственныхъ именъ—вообще правильно, но иногда есть и ошибки. Мы оставимъ въ сторонѣ имена европейскія (въ томъ числѣ даже «Тиръ Вильямъ Муръ» I, 263, вм. «Сэръ Уильямъ Мьюръ») и отмѣтимъ только нѣкоторые восточныя. Нѣмецкое я породило у переводчиковъ неправильныя начертанія: «Исъ-аль-мулькъ» (III, 127, вм. «Изъ»), «Азисъ» (III, 159 вм. «Азизъ»), «Хассанъ» (III, 287—288, много разъ, вм. «Хасанъ»), «Сиръябъ» (IV, 51, вм. «Зиръ-ябъ»); Исмаилъ всегда называется Измаиломъ. Вм. «дж» написано «дш» въ «Синдшаръ» (III, 158). Въ прозвищу Нуреддина «аль-Маликъ ас-Салихъ» (т. е. «благой царь») добавлено примѣчаніе: «выговаривать и твердо, какъ въ словѣ: мохъ (III, 169)»,—ну и выйдетъ вѣсто «благаго царя» «царь сдиратель шкуры»¹⁾. Мюллеръ, очевидно, написалъ «Salih» и долженъ былъ сдѣлать примѣчаніе насчетъ h,—не то нѣмцы совсѣмъ не произносили бы его. Наибольшій курьезъ вышелъ у переводчиковъ съ армянскимъ летописцемъ Өомой изъ Медзопы²⁾: они его называютъ «То-мась фонъ Медзофъ» (III, 292, 314).

Самымъ существеннымъ недостаткомъ русскаго изданія мы считаемъ изобиліе хронологическихъ опечатокъ. Вотъ, напр., нѣсколько, которые намъ бросились въ глаза *при самомъ быломъ чтеніи*, откуда мы заключаемъ, что ихъ гораздо больше: Смерть Якуба Сафара 875 г. (III, 34—вм. 878); окончаніе «Шах-наме» Фирдоусіемъ 1001 г. (III, 70,—вм. 1011); взятіе Хорезма Сельджуками 1042—1043 г. (III, 87—вм. 1045—1046); принятіе атабекомъ азербейджанскимъ титула «султанъ» датировано по христіанской эрѣ вѣрно (1191), но годъ гижры указанъ не вѣрно: 581 вм. 587; нападеніе Тогрула III на Рей—1394 (III, 147,—вм. 1194); годъ смерти Нуреддина Махмуда, «приобрѣтшаго неуваждаемую славу и всемірно-историческое значеніе», показанъ 1179 (III, 158), а онъ умеръ въ 1174 г.,—значитъ, прибавлено пять лишнихъ лѣтъ неуваждаемой славы; смерть Кымыджъ-Арслана II—1292 (III, 179,—вм. 1192); объ Альфараби сказано, что этотъ знаменитѣйшій изъ арабскихъ философовъ жилъ *гораздо позднѣе* эпохи сельджуковъ и хорезмшаховъ (III, 209), а онъ жилъ еще до наступленія ея; царствованіе Аргуна показано 1291—1295 (III, 275,—вм. 1284—1291); взятіе Багдада Тимуромъ—1491 (III, 332,—вм. 1401); Узунъ Хасанъ—1149 (III, 353,—вм. 1449).

Мы очень жалеемъ, что г. Мѣдниковъ согласился дать свою фирму не вполне удовлетворительному переводу.

А. Крымскій.

¹⁾ Что касается звука С вначалѣ, то будетъ ли онъ писаться съ буквою „сянъ“ или „садъ“, значеніе этого слова въ народномъ языкѣ остается неизмѣннымъ:—„сдиратель шкуры“.

²⁾ О немъ см. Etude sur Thomas de Medzoph et sur son histoire de l'Arménie au XV siècle, par F. Nève. Paris 1855.

Н. Я. Никифоровскій. Простонародныя примѣты и повѣрья. Суевѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Собр. въ Витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ, 1897. 8° X+308+30.

Новый обширный трудъ извѣстнаго знатока Бѣлоруссіи Н. Я. Никифоровскаго заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Стараясь охватить бѣлорусскую жизнь такъ, какъ она представляется суевѣрному сознанию бѣлорусса-витеблнина, собиратель охарактеризовалъ его мировоззрѣвіе съ тою полнотою и объективностью, какая возможна лишь для человѣка, духовно сроднившагося съ окружающей средою и сосредоточившаго въ наблюденіяхъ надъ нею лучшія стремленія и чувства своей жизни. Глубокая наблюдательность и многолѣтній житейскій опытъ, снимающій верхніе пласты народной и общественной жизни и раскрывающій ея внутреннія, сокровенныя основы, удачно соединились въ собирателѣ для того, чтобы сдѣлать его книгу одинаково интересной и для этнографа, который подойдетъ къ ней съ историко-культурными цѣлями, и для народника-беллетриста, которому она дастъ богатѣйшую канву для всевозможныхъ узоровъ народнаго быта и духа.

Личность собирателя совершенно отсутствуетъ въ книгѣ, (исключая, конечно, предисловія); нигдѣ онъ не говоритъ о себѣ съ активной точки зрѣнія, ничего не объясняетъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ объясненіе дается самимъ народомъ, нигдѣ не полагается на предположенія и догадки. 2300 сличимыхъ отдѣльныхъ наблюденій и замѣтокъ, собранныхъ въ его книгѣ, представляютъ собою, безъ всякой поправки, настоящія извлеченія изъ бѣлорусской жизни: она дробится и отражается здѣсь въ безконечномъ разнообразіи деталей матеріальнаго и духовнаго быта и производитъ впечатлѣніе поражающаго своимъ реализмомъ подлинника, по которому не прошлась ничья прихотливая кисть. Этотъ реализмъ, это безпристрастіе т. н. сырого матеріала есть въ то же время крупная научная заслуга, и ее засвидѣтельствуетъ не одинъ изслѣдователь, который остановитъ любознательную мысль на той или другой сторонѣ этого характернаго матеріала.

Обращаясь къ содержанію, мы видимъ, что въ этой книгѣ выразилось все, доступное мысли и слову невѣжественнаго, некультурнаго, но пытливо отыскивающаго истинную дорогу человѣка, еще скованнаго путами вѣковаго предрасудка и нужды, но инстинктивно чувствующаго, что правда и свѣтъ когда-нибудь заглянутъ и въ его убогую, жалкую обитель. Это чувство поддерживается въ немъ глубокою вѣрою въ полухристіанскаго, полужытческаго бога, окруженнаго сонмомъ добрыхъ и злыхъ гениевъ, которые ведутъ споръ за человѣка отъ перваго дня его рожденія до могилы. Послѣдній долженъ быть очень осмотрителенъ въ жизни: каждый его поступокъ, каждое слово и взглядъ должны быть строго согласованы не только съ кодексомъ общежителской практики, но и съ предначертаніями и волей «силы нездѣшной»: иначе человѣку со всѣхъ сторонъ угрожаетъ болѣзнь, несчастье и смерть. Характеръ этой «нездѣшной силы», по своему дѣйствию на людей, опредѣлился вполне, опредѣлились ея симпатіи и антипатіи, и вѣковой опытъ раскрылъ цѣлую свѣту примѣтъ и предзнаменованій, которыя могутъ обратить ея дѣй-

ствія на благо или вредъ. И среди богатѣйшаго матеріала, характеризующаго это двоявѣрное настроеніе умовъ бѣлорусской крестьянской массы, духовенство нерѣдко, новизниному, становится въ положеніе знахарей, этихъ присяжныхъ стряпчихъ въ дѣлѣ защиты человѣческихъ интересовъ отъ посягательства на нихъ лукаваго, темнаго божества. Насъ не удивляетъ, когда мы читаемъ о частныхъ случаяхъ превращенія чародѣйскою силою людей въ волковъ или «волколакъ», и когда послѣдніе, послѣ обратнаго превращенія, рассказываютъ о своей волколаческой жизни, на-примѣръ, слѣдующее. «Образъ жизни «волколаковъ» разнится отъ обыкновеннаго волчьяго. Такъ, волколаки воютъ на востокъ, или въ сторону своихъ деревень, когда ложатся спать и встаютъ—это молитва; подъ головою укладываютъ изголовье изъ мха, травы, хвороста, или обруба дерева и камня; утромъ умываются, поводя мордою по росистой травѣ; повинаясь привычкѣ, въ первую весеннюю пору они разгребаютъ землю—пахутъ». Но странно встрѣчать въ числѣ симпатическихъ и механическихъ средствъ, которыя должны облегчить появленіе младенца на свѣтъ Божій, обращеніе къ священнику не за молитвой, не за нравственной поддержкой во время страданій, но за тою же чародѣйскою символичкой, въ которую входятъ лишь церковные обряды и предметы. Когда не помогаетъ родильницѣ ни отваръ изъ сухого черныльника, ни ея девятикратное переступаніе черезъ мужа, который въ это время покорно лежитъ у порога избы съ внутренней стороны, тогда въ крайности обращаются къ священнику: «старшій въ семьѣ мужчина проситъ священника *расчи- нить* царскія врата: тогда и для *новорожденца* откроются ворота материнской утробы». Или: «въ крайнемъ и послѣднемъ случаѣ *родитку* опоясываютъ тѣмъ поясомъ, который употребляется священникомъ при церковномъ облаченіи, при условіи, чтобы этотъ поясъ ни прежде, ни послѣ не употреблялся подобною страдальцею». При крещеніи священникъ участвуетъ въ суевѣрномъ гаданіи и тоже на церковной подкладѣ. «Срѣзанные при *Кстѣ* волосы, читаемъ мы въ п. 135, священникъ мнетъ съ кусочкомъ свѣчнаго воска и бросаетъ въ купель. Если восковой комочекъ немедленно потонетъ, дитя скоро умретъ; будетъ плавать на поверхности купельной воды—дитя долго проживетъ». «Если не смерть, такъ рядъ болѣзней постигнетъ то дитя, которое чихнетъ, кашляетъ, вздохнетъ или облюетъ подъ *Кстою*» (133).

Эти примѣры показываютъ достаточно наглядно, какъ мало привилось въ бѣлоруссу христіанство своей внутренней, идеальной стороной.

Такого рода примѣты встрѣчаютъ рожденіе и вращеніе ребенка; ими окружено его раннее дѣтство; онѣ усынаютъ весь его жизненный путь, и онѣ же провожаютъ его въ послѣднее жилище. Реальные условія быта, связанные съ вопросами о томъ, гдѣ, какъ и тѣмъ живетъ человекъ, выразились въ нихъ съ гораздо болѣею полнотою и рельефностью, тѣмъ это можетъ быть сдѣлано въ лирической или даже эпической пѣснѣ. Уже не говоря о множествѣ суевѣрныхъ примѣтъ, относящихся къ предсказаніямъ погоды, земледѣльческому труду во всѣхъ его видахъ, къ жизни семейной и общественной, одни примѣты и указанія, касающіяся болѣз-

ней, представляют собою не только интересный въ научномъ отношеніи, но и поучительный въ общественномъ смыслѣ матеріалъ. Острые желудочныя боли мать изговяетъ у ребенка тѣмъ, что съѣсть его прутьями по животу, дѣлаетъ ему «парнику по уззи», «съ явнымъ намѣреніемъ причинить боль» (274). «Когда наступитъ особенно сильный припадокъ родимца, нужно надрѣзать низинецъ правой руки больного вѣстообразно и кровью помазать лобъ, глаза, носъ, ротъ и грудь его» (279). «Почти всѣ горловые дѣтскія болѣзни успѣшно излѣчиваются водою, три раза перелитомъ чрезъ волчье горло, которое сберегается отъ убитаго волка» (291). «Когда у малолѣтняго дитяти выпадаютъ яшки, нужно взять его за ножки и, перевернувъ головою внизъ, встряхнуть три раза. Но если то же приходится сдѣлать съ болѣе возрастнымъ дитятей, то въ дѣрной косякъ вколачивается крѣпкій гвоздь, и дитя привѣшивается погами на полчаса приблизительно. Это нужно повторить не менѣе трехъ разъ» (284). «Много помогаетъ отъ *сурочьей* вода, добытая именно со дна колодца,—для чего слѣдуетъ нырнуть на дно колодца съ бутылкою. Послеъ každого приема такой воды нужно бросать въ этотъ колодезь по одному холодному углю, и это средство будетъ помогать тогда *осуроченнымъ* людямъ всѣхъ возрастовъ» (245). Такія средства употребляетъ народно-медицинская практика въ Витебской Бѣлоруссіи, и средства, надо сознаться, радикальными, рѣшительными, если не въ одну, то въ другую сторону; множество другихъ средствъ отличается, правда, болѣе невиннымъ характеромъ, но зато эти средства и менѣе дѣйствительны.

Браю нужна не одна врачебная организація, но и школа. Эта потребность создается населеніемъ, и нерѣдко выражается на страницахъ разсказываемаго труда. «Передъ вторымъ купаньемъ, рассказываетъ собиратель въ п. 99, новорожденному дается въ руку вѣига, или доскутокъ печатнаго листа, и перо, чтобы дитя впоследствии было *писменнымъ* и *укнымъ*. Въ числѣ предметовъ, полагаемыхъ у порога избы, черезъ который должны переступить кумовья, рядомъ съ топоромъ, пилей, долотомъ и т. д. кладется и книга, въ надеждѣ, что впоследствии дитя будетъ мастерски владѣть этими предметами (126). Такъ, пуповину мальчика бабка отрѣзаетъ или на дубовой плахѣ, чтобы онъ былъ крѣпокъ, или на книгѣ, чтобы былъ грамотнымъ. И подобныхъ примѣровъ много. Жизнь дѣлаетъ свое дѣло, и пошешному, незамѣтно протѣкающему въ житейскій кругозоръ новымъ понятіямъ, влиномъ входящимъ въ старину и поселеніямъ въ всѣ разколы. Старое крѣпко, «съ нимъ проходитъ считаться», «пока еще не помоспѣло коренное преобразование суетѣрно-предразсудочнаго кругозора простолюдина», но и новое, если поддаться оптимистическому току автора виже цитируемыхъ словъ, имѣетъ не мало шансовъ для успѣшной борьбы. «Юная пока-что, говоритъ г. Никифоровскій, но имѣющая всѣ задатки просвѣтительнаго роста народная школа, расширявшаяся до заолустій, мрачныхъ завутъ, безостановочно льетъ туда свѣтъ, истину и трезвый взглядъ». А если это такъ, и если «текущая жизнь поочию подтверждаетъ, что и уцѣлѣвшимъ остаткамъ старинны предстоитъ конечное исчезновеніе», то мы должны быть особенно благодарны собирателямъ за

то, что онъ сберегъ для этнографической науки относительно-полную картину міросозерцанія до—и послѣ-реформеннаго бѣлорусса, отразившагося въ записяхъ собирателя, старѣйшія изъ которыхъ помѣчены шестидесятыми годами.

И въ этихъ записяхъ, непосредственно примыкающихъ къ известнымъ уже «Очеркамъ простонароднаго житія-бытія въ Витебской Бѣлоруссіи» и занявшихъ въ настоящемъ томѣ болѣе 300 страницъ четкой, убористой печати, собиратель неразсчитливо въ множествѣ разсѣялъ драгоценный матеріалъ заговоровъ, заклинаній, легендъ, пословцевъ, поговорокъ, крылатыхъ словъ и выраженій, изъ которыхъ каждая группа, будучи выдѣлена въ самостоятельный трудъ, уже имѣла бы цѣну и заслуживала бы поощренія. Въ самомъ дѣлѣ, того, что даетъ книга г. Никифоровскаго, съ успѣхомъ хватало бы на серію выпусковъ, изъ которыхъ въ первый вошли бы примѣты и предназначенія, сопрядающія человѣка, отъ рожденія до смерти, во второй, напримѣръ, болѣзни, ихъ лѣченіе, народно-медицинскіе средства и приемы, заговоры и заклинанія, въ третій легенды, которыхъ очень много и между которыми не мало любопытныхъ, вроде легендъ о превращеніи въ вукунекъ или тѣхъ, что помѣщены въ отдѣлѣ «Дополнительныхъ сказаній» (напр., о ростѣ бывшихъ людей, «осиленъ», происхожденіе болотъ, заростающія озера, возникновеніе горы и проч); далѣе могли бы быть выдѣлены демонологическія представленія, нечистики, вѣдьмы, вѣдьмари, знахари и знахарки. наконецъ, пословицы, поговорки, гадательныя формулы и мѣткія слова могли бы представить также весьма почтенный матеріалъ для сужденія не только о силѣ и экспрессіи устной рѣчи витебчанъ, но и объ особенностяхъ говора, известнаго собирателю въ совершенствѣ и передаваемого съ тою точностью, какую только можетъ передать наша еще не установившаяся и искусственная транскрипція.

Н. Я. Никифоровскій расположилъ свои наблюденія и замѣтки по известнымъ группамъ, которыя даютъ возможность читателю ориентироваться послѣ небольшого знакомства со сборникомъ, но далеко не сразу раскрываютъ все богатство заключеннаго въ немъ матеріала — и потому при поверхностномъ знакомствѣ съ нимъ получается впечатлѣніе, значительно менѣе выгодное, чѣмъ то, которое соответствуетъ ему по существу. Вотъ на какія крупнѣйшія рубрики дѣлитъ г. Никифоровскій свою книгу: А. Дѣтя «одъ спычатку» до конца «блзноцтвы». Б. Молодые люди обоого пола; брачущаяся чета. В. Будничная жизнь дома и внѣ дома. Г. Животныя ископаемыя и явленія природы. Д. Святотная жизнь дома и внѣ дома. Е. Къ вечеру—не рано (Болѣзни, старость, всяческія недомоганія и кончина человѣка). Ж. Дополнительные (смѣшанныя) сказанія. «Въ послѣдней систематизаціи разнообразныхъ сказаній, говоритъ по этому поводу собиратель, пришлось дать имъ предметное распредѣленіе: что тѣснѣйше относится къ человѣку, то расположено примѣнительно къ теченію жизни послѣдняго, и въ семъ случаѣ всѣ сказанія сообща передаютъ сущѣнно-предразсудочный кругозоръ простонародья о человѣкѣ отъ колыбели до могилы, или, точнѣе—отъ того безусловнаго мгновенія, когда чуть-чуть

опредѣлилось земное бытіе его, и до того опять же теряющагося времени, когда у отдаленныхъ сродниковъ исчезаетъ намятованіе о немъ, когда онъ обращается въ безличное имя «дядовъ». Остальныя сказанія, не относящіяся непосредственно къ человѣку, группируются при основной нити сказаній о земномъ владыкѣ, какъ положительныя и отрицательныя спутники». Несомнѣнно желательно было бы видѣть въ такомъ обширномъ сборникѣ подробный предметный указатель, который помогъ бы ориентироваться въ собранномъ матеріалѣ. Расположеніе послѣдняго по рубрикамъ дѣло чрезвычайно трудное: вотъ почему мы не споримъ съ собирателемъ относительно принятаго имъ порядка. Но отсутствіе указателя—единственный сколько-нибудь существенный недостатокъ. Интересы науки во всемъ прочтѣ въ достаточной степени гарантируетъ научная подготовленность собирателя, уже извѣстнаго въ этнографической литературѣ многочисленными трудами этого рода, ясное сознаніе преслѣдуемыхъ имъ научныхъ цѣлей, обуславливающее и его техническіе приемы, и внутренній характеръ его наблюденій. «Въ какой простотѣ послѣднія (т. е. поѣсть, сказаніе, малое сообщеніе) выходила изъ устъ сказателя, въ томъ видѣ она, по подлиннымъ словамъ собирателя, поступила въ настоящій сборникъ». «Гдѣ оказалось возможнымъ и гдѣ для вѣрнаго оттѣнка нужно было, въ текстѣ сказаній внесены типичныя реченія передачиновъ», при чемъ въ 390 выносокъ и примѣчанійхъ, помѣщенныхъ въ концѣ, дается объясненіе тѣхъ рѣченій, «кои не отысканы въ словаряхъ или кои на мѣ тѣ придается новый лексическій оттѣнокъ». Если добавитъ къ этому, что почти каждое отдѣльное сказаніе сопровождается указателемъ мѣста и времени записи, а въ приложеніи помѣщенъ общій топографическій указатель, то станетъ ясно, что въ книгѣ г. Никифоровскаго мы встречаемъ не только обширный и усердный, но и солидно обставленный въ научномъ отношеніи трудъ, объективность котораго не можетъ подлежать сомнѣнію.

Евг. Ляцкий.

А. Е. Бурцевъ. Сказки, разсказы и легенды крестьянъ сѣвернаго края. Спб. 1897.

Г. Бурцевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ библіомановъ, которые заботятся лишь объ увеличеніи числа библіографическихъ рѣдкостей. Въ виду этого не слѣдуетъ удивляться примѣчанію на оборотѣ заглавнаго листа настоящей книги: «Печатано въ количествѣ 40 экземпляровъ не для продажи».

Въ счастью для занимающихся этнографіей и народной поэзіей, вновь вышедшая библіографическая рѣдкость лишена всякаго значенія. Трудъ составленія для г. Бурцева не былъ тяжелъ: главная часть №№ сборника перепечатана имъ изъ «Живой Старины», изъ изданій Афанасьева Рыбникова, Барсова, Славянской, Харузина (о лопаряхъ,) одинъ № даже изъ сборника Кириши Данилова; кое-что (не имѣющее никакого отношенія къ нашему сѣверу) взято изъ любочныхъ книжекъ недавняго времени, между прочимъ «Англійскій Милордъ Георгъ» и «Французъ Венеціанъ»; само-

му г. Бурцеву принадлежить лишь нѣсколько разсказовъ, короткихъ и мало интересныхъ по содержанию. Ни объясненій, ни библиографическихъ указаній нѣтъ.

Вѣтшняя сторона книги—изъ заурядныхъ заурядная: посредственная печать, почти полное отсутствіе орнаментации, плохая корректура.

А. Соболевскій.

Н. А. Смирновъ. Русскія народныя пѣсни новѣйшаго времени. Этнографическій очеркъ. СПб. 1895. 26 стр. ц. 60 к.

Небольшая книжка г. Смирнова, уже отмѣченная мимоходомъ въ «Этногр. Обзорѣн» (XXXIII, 93), представляетъ собою попытку охарактеризовать русскую пѣсню «новѣйшей формации». Приступая къ своей работѣ, авторъ упрекаетъ собирателей народныхъ пѣсней въ томъ, что они руководствуются только личнымъ вкусомъ и, вслѣдствіе этого, совершенно игнорируютъ новѣйшія народныя пѣсни, находя ихъ пошлыми и грубыми. Напоминая читателю, что Костомаровъ еще въ 1872 году говорилъ, что не должно пренебрегать и новой пѣсней народа, онъ улаживаетъ на то, что приведенныя слова до сихъ поръ еще не находятъ себѣ отзыва. Правда, въ послѣдніе два, три года стали раздаваться отдѣльные голоса, говорящіе какъ бы въ защиту новой пѣсни (Перетцъ), но едва ли можно сказать многое при отсутствіи въ литературѣ новаго пѣсеннаго матеріала. Матеріалъ этотъ скуденъ, разбросанъ по провинціальнымъ изданіямъ; собиратели по большей части «люди случайные»; мѣста собранія—большую частью окраины Россіи.

Нельзя, конечно, не согласиться съ тѣмъ, что упреки, высказанные г. Смирновымъ по адресу собирателей народныхъ пѣсней до нѣкоторой степени справедливы и что не лишнее было напомнить имъ слова Костомарова; но все это даетъ намъ право ожидать, что г. Смирновъ вполне изучилъ все то, что было написано о современной народной пѣснѣ, всѣ тѣ «отдѣльные голоса, говорящіе какъ бы въ защиту новой пѣсни», которые стали раздаваться въ послѣдніе годы. А между тѣмъ, какъ намъ кажется, г. Смирновъ не совсѣмъ внимательно отнесся къ литературѣ интересующаго его вопроса. Въ его книжкѣ упоминается лишь работа Перетца (Современная русская народная пѣсня. Сравнительные этюды. СПб. 1893) и ни слова не говорится ни о статьѣ г. Успенскаго «Новыя народныя стишки»¹⁾. (Сочиненія т. III. СПб. 1891), ни объ очеркѣ С. М. Пономарева «Что поетъ про себя Приуралье» (Сѣверн. Вѣстн. 1887. XI, XII), ни о книжкѣ И. Я. Львова «Новое время, новыя пѣсни» (Устюгъ 1891), о которой была подробная рецензія въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1892 г. (октябрь)²⁾. Каждый изъ упомянутыхъ авторовъ работалъ надъ имѣющимъ у него лично рукописнымъ матеріаломъ, въ

¹⁾ Это именно та статья изъ „Русск. Вѣдомостей“, которая не точно обозначена нами въ „Этногр. Обзорѣ“ XXXIII 93 (въ выноскѣ). *Ред*

²⁾ См. еще „Этногр. Обзорѣ“ XXXIII, 176, подъ № 4. *Ред.*

составъ котораго входятъ пѣсни Новгородской, Вологодской гг., Приуралья; тѣми изъ этихъ пѣсенъ, которыя обнародованы въ указанныхъ нами статьяхъ, могъ бы воспользоваться и г. Смирновъ и дополнить то, что онъ извлекъ изъ просмотрѣнныхъ имъ сборниковъ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Очеркъ его отъ этого выигралъ бы въ полнотѣ и выводы были бы болѣе обоснованы.

Упрекая собирателей и изслѣдователей народныхъ пѣсенъ въ пристрастіи, г. Смирновъ приводитъ слова Бостомарова, что «никакъ не слѣдуетъ пренебрегать пѣснями новѣйшаго склада, или же носящими отпечатокъ новѣйшихъ передѣлокъ: если для нашего эстетическаго вкуса онѣ представляются уродливыми, пошлыми, даже циническими и лишенными всякой поэзіи, то для историка и мыслящаго наблюдателя человеческой жизни онѣ все-таки драгоценныя памятники народнаго творчества. *При этой точкѣ зрѣнія, видимая бессмыслица для насъ иногда не бываетъ лишена смысла*». Намъ кажется, что г. Смирновъ и самъ не вполне остался вѣренъ точкѣ зрѣнія, установленной Бостомаровымъ. Онъ не придаетъ никакого значенія «частушкамъ», которыя, по его мнѣнію, «представляютъ по большей части бессмысленный наборъ словъ»; къ этой бессмыслицѣ однако слѣдовало бы отнестись повнимательнѣе; можетъ быть, тогда авторъ не говорилъ бы объ нихъ съ такимъ презрѣніемъ. Въ упомянутой статьѣ Г. Успенскаго мы находимъ такіе слова объ этомъ типѣ современной пѣсни:

«Не изъ чего собрать и сложить пѣсню, но сочинить «стишокъ», откликнуться на разнообразнѣйшія явленія обыденной жизни, этого даже и утерять нельзя народу. И вотъ онъ сочинилъ такъ называемую частушку, т. е. куплетъ, и этими частушками отливается на каждую малость жизни... Собрать эти частушки съ такою же тщательностью, какъ собираются статистическія свѣдѣнія о всякихъ мелкихъ подробностяхъ хозяйства въ крестьянскомъ дворѣ, и разработавъ ихъ соответственно тѣмъ сторонамъ народной жизни, которыхъ онѣ касаются, мы имѣли бы точное представленіе о нравственной жизни народа» (Сочиненія. т. III стр. 655). Тотъ же взглядъ проводился и въ недавней статьѣ г. Балова: «Боротенькія пѣсни, или «припѣвки» («Этногр. Обзор.» XXXIII, 93).

Книга г. Смирнова основана почти исключительно на появившихся уже въ печати сборникахъ, на которыхъ онъ остановился, пересмотрѣвъ литературу по интересующему его вопросу за 70-е и 80-е годы. Только три пѣсни записаны лично авторомъ: одна описываетъ желѣзную дорогу, другая рисуетъ разгульное житье фабричнаго парня, третья, очень грустная, — разсказъ дѣвушки о ея паденіи въ Петербургѣ. Всѣ три пѣсни записаны въ Петербургской губ.

Какъ мы уже замѣтили, очеркъ г. Смирнова не даетъ полной характеристики современной народной пѣсни, да и самъ авторъ не претендуетъ на это, сознавая, что матеріала, жившагося въ его распоряженіи слишкомъ мало для этого. Подробно касается онъ отраженія въ пѣснѣ вѣшнаго вліянія городской культуры, вліянія ея на взаимныя отношенія мужской и женской молодежи деревни и на положеніе деревенской женщины;

пѣсни, касающіяся фабричнаго быта и отхожихъ промысловъ вообще, а также арестантскія пѣсни или совсѣмъ не затронуты или затронуты слегка.

Подводя итоги своей работѣ, авторъ говоритъ, что «содержаніе новѣйшей народной пѣсни слишкомъ бѣдно въ сравненіи со старою пѣсню, которая открывала передъ нами обширѣйшій горизонтъ мнѣстическихъ воззрѣній народа или рисовала старинные обычаи его жизни». Современная пѣсня разсѣиваетъ про «колошницы», «конверты», «штафеты», желѣзные дороги и т. п. предметы цивилизаціи, хотя не оставляетъ безъ вниманія, какъ мы видѣли, и интересы семейной жизни, но только новой, а не старой, сдѣлавшейся для народа теперь и мало интересной, и непонятной. Намъ кажется, что мнѣніе г. Смирнова о бѣдности содержанія современной народной пѣсни не совсѣмъ вѣрно. «Колошницы», «конверты», «штафеты» являются скорѣе, такъ сказать, аксессуарами пѣсни, а не предметомъ ея; содержаніе ея по прежнему берется изъ народной жизни и едва ли теперь бѣднѣе, чѣмъ въ старыя времена. Далѣе авторъ и самъ считаетъ свой приговоръ, совершенно справедливо говоря, что «современная народная пѣсня... не такъ ничтожна, какъ ее считаютъ: въ ней есть и смыслъ, и иронія, иногда даже болѣе глубокая, чѣмъ въ старой пѣснѣ, однимъ словомъ, она по-прежнему остается отраженіемъ народной жизни. Если получается некрасивое отраженіе, то слѣдовательно некрасивъ предметъ, который отражается». «Современная народная пѣсня—по вѣрному замѣчанію г. Смирнова—лучшее доказательство того, что для нашего народа наступило переходное время, настала другая эпоха—эпоха личныхъ интересовъ, личнаго творчества, могущаго совершенствоваться только при условіи развитія образованности».

Въ общемъ, не смотря на нѣкоторые недостатки, книжечка г. Смирнова представляетъ интересъ, какъ по указаніямъ на литературу 70 и 80-хъ годовъ (не совсѣмъ впрочемъ полнымъ), такъ и по разработкѣ извлеченнаго авторомъ пѣсеннаго матеріала. Но главное достоинство этой книжки заключается собственно въ ея, такъ сказать, публицистической сторонѣ, въ томъ, что авторъ еще разъ напоминаетъ нашему образованному обществу о значеніи тѣхъ «фабричныхъ» «лакейскихъ» пѣсней, къ которымъ очень многіе относятся съ полнымъ пренебреженіемъ.

Д. С.

Труды VIII-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1890 г. т. III. (Подъ ред. гр. П. С. Уваровой. М. 1897. 4° стр. 341 съ 28 табл. рис.).

Значительное большинство статей, помѣщенныхъ въ обширномъ и роскошно изданномъ 3-мъ томѣ «Трудовъ» VIII-го археологическаго съѣзда, посвящено разработкѣ и выясненію археологическихъ вопросовъ, бывшихъ предметами докладовъ и обсужденій на Московскомъ съѣздѣ 1890 г. Нѣкоторыя статьи представляютъ однако и чисто этнографическій интересъ; на нихъ-то мы и позволимъ себѣ остановиться.

Прежде всего обращает на себя вниманіе статья В. А. *Городцова: Жилища неолитической эпохи в долине р. Оки*. Чрезвычайно интересная работа. Городцова—результатъ его продолжительныхъ, произведенныхъ съ замѣтательною детальностью и тщательностью, изслѣдованій въ долине р. Оки слѣдовъ культуры неолитическаго человѣка. Основные выводы, къ которымъ пришелъ г. Городцовъ, отчасти уже извѣстны изъ его реферата, читаннаго В. И. Сизовымъ въ засѣданіи Имп. Моск. Археологическаго Общества и напечатаннаго въ «Археологич. Извѣст. и Замѣткахъ» (1895 г. № 4). Изслѣдованія г. Городцова обратили на себя заслуженное вниманіе въ виду того, что они касаются одного изъ крайне интересныхъ, но оставшихся до послѣдняго времени темными вопроса о типѣ жилищъ, которыми пользовался человѣкъ неолитической эпохи р. Оки—мѣстности особенно богатой слѣдами долговременнаго пребыванія въ ней человѣка въ періодъ т. в. каменнаго вѣка. Естественно, что этотъ вопросъ не можетъ быть чуждъ этнографіи, которая для установленія процесса развитія въ разныхъ сферахъ человѣческой культуры, вынуждена дополнять и иногда проверять свои выводы данными археологовъ. Между тѣмъ о жизни населенія Россіи въ «вѣдометаллическій періодъ» наука обладаетъ лишь крайне скудными свѣдѣніями: древности каменнаго вѣка сравнительно мало привлекаютъ вниманіе нашихъ археологовъ. Г. Городцовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ сравнительно немногочисленныхъ въ Россіи лицъ, которые посвящаютъ свои силы спеціально изученію этого далекаго періода. Насколько неожиданными и цѣнными для науки могутъ быть подобныя изысканія, доказывается результатами, добытыми г. Городцовымъ: изслѣдованіе дюнь, при которомъ онъ нашелъ остатки сторѣшняго, повидимому коническаго шалаша, далѣе находка очажныхъ ямъ и наконецъ земляни-ямы (на плотинѣ Черепково)—проливаютъ яркій свѣтъ не только на вопросъ о типахъ жилищъ неолитическаго періода въ долине Оки, но позволяютъ судить и объ образѣ жизни первобытныхъ обитателей, оставившихъ многочисленныя памятники своего быта въ видѣ орудія изъ камня, черепковъ посуды и т. п. Шалаша служили, повидимому, лѣтнимъ, ямы-земляни—зимнимъ жилищемъ. Выводы г. Городцова вполне сходятся съ выводами этнографіи, выдающей въ этихъ двухъ типахъ эмбрионы дальнѣйшаго развитія жилища у разныхъ народовъ и въ частности среди современныхъ инородческихъ племенъ Россіи. Предположеніе автора, что землянка на Окѣ явилась на смѣну пещерному жилищу, требуетъ, на нашъ взглядъ, болѣе обширныхъ доказательствъ. Во всякомъ случаѣ находка жилищъ двухъ типовъ у неолитиковъ на Окѣ ставитъ вопросъ, находившій себя болѣе или менѣе гадательное рѣшеніе, на прочную почву фактическихъ данныхъ и даетъ лишній интересный фактъ для этнографа.

Ө. Ө. *Чекалинъ* въ статьѣ: *Мешеры и буртасы по сохранившимся о нихъ памятникамъ*—старается установить, что подъ тѣмъ и другимъ названіемъ слѣдуетъ видѣть одну и ту же народность. И. Н. *Смирновъ* въ небольшой замѣткѣ: *Бесермяне Вятской губ.*—старается пролить свѣтъ на другую неопредѣленную еще наукой съ историко-антропологической точки зрѣнія народность бесермянъ. Авторъ старается отмѣтить

антропологическія и этнографическія черты сходства и различія между бесермянами съ одной стороны и вотяками и татарами—съ другой; въ результатъ проф. Смирновъ приходитъ къ предположенію, что «бесермяне, не будучи ни вотяками, ни татарами, являются овотачившимися потомками какого-то тюркского племени, ранѣе татаръ жившаго въ бассейнѣ Чепцы. Что это было за племя, остается пока для насъ загадкой». Если въ отношеніи вопроса о буртасахъ наука вынуждена ограничиваться собираніемъ скудныхъ историческихъ и архивныхъ свѣдѣній, то въ отношеніи мещеры или бесермянъ изслѣдователи находятся въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ: изученіе языка и антропометрическія измѣренія могутъ дать прочную почву для рѣшенія вопроса о принадлежности обѣихъ народностей къ той или иной племенной группѣ. Для рѣшенія вопроса о мещерякахъ накоплено со временъ VIII-го археологическаго съѣзда известное количество матеріаловъ, между прочимъ благодаря дѣятельности Общества Археол., Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанскомъ университетѣ; антропометрическія измѣренія (надъ небольшимъ количествомъ мещеряковъ) были произведены между прочимъ проф. Зографомъ. Дальнѣйшее накопленіе матеріала о мещерякахъ дастъ, надо надѣяться, достаточно основаній, чтобы съ одной стороны рѣшить вопросъ о происхожденіи мещеряковъ и опредѣлить районъ ихъ обитанія, а съ другой подтвердить или ослабить предположеніе о тождествѣ ихъ съ буртасами. Бесермянамъ не повезло въ той-же мѣрѣ, какъ мещерякамъ: въ предположеніи г. Смирнова о происхожденіи бесермянъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, но только дальнѣйшія изслѣдованія дали-бы возможность если не рѣшить, то по крайней мѣрѣ поставить на болѣе прочную почву вопросъ о происхожденіи бесермянъ. Нельзя поэтому не пожелать, чтобы Казанское Общество Археологій, Исторіи и Этнографіи, уже много потрудившееся надъ изученіемъ Волжско-Камскихъ инородцевъ, обратило вниманіе и на небольшую группу бесермянъ и оказало своими изслѣдованіями содѣйствіе къ рѣшенію вопроса объ ихъ происхожденіи и историческихъ судьбахъ. Другая, болѣе обширная замѣтка проф. *И. Н. Смирнова* посвящена вопросу обывшенъ нѣкогда канибализмъ у вотяковъ—*Воспоминанія объ эпохѣ канибализма въ народной поэзіи вотяковъ*. Матеріалами для возстановленія этой эпохи служатъ автору вотицкія сказки. Произведенія народной словесности могутъ служить источникомъ для возстановленія прошлаго быта народности только тогда, когда само произведеніе не оказывается заимствованнымъ: намъ кажется поэтому нѣсколько страннымъ, что г. Смирновъ на ряду съ сказками и преданіями, отражающими моментъ существованія эпохи канибализма у вотяковъ и принадлежащими, повидимому, къ циклу національныхъ произведеній вотяковъ, счелъ возможнымъ, для доказательства своего положенія, еще привлечь записанный имъ варіантъ известной сказки, очевидно заимствованной вотяками у русскихъ. «Солдатъ принесъ изъ лѣса чудную птицу: человекъ, который съѣлъ-бы ей голову, могъ сдѣлаться царемъ,—сердце—высокимъ сановникомъ. Провѣдалъ это знакомый солдату купецъ и условился съ солдаткой: съѣдимъ птицу; я буду царемъ, ты «санатомъ». Уго-

воръ этотъ подслушалъ солдатовъ работниковъ и скормилъ птицу двумъ сыновьямъ солдата. Пріѣхалъ купецъ, узналъ, что случилось, и говоритъ: нужно зарѣзать ребятъ; когда мы ихъ съѣдимъ, мы все таки будемъ—я царемъ, ты санатомъ¹⁾). Не останавливаясь на возбуждающей многія сомнѣнія статьѣ г. *Прозоровскаго*: *О славяно-русскомъ до-христіанскомъ счисленіи времени*, отмѣтимъ слѣдующія работы, имѣющія ко-свенное отношеніе къ нѣкоторымъ этнографическимъ вопросамъ: *Н. Е. Бранденбурга*: *Къ вопросу о каменихъ бабахъ*, *Н. Θ. Бѣляшевскаго*: *Слѣды первобытнаго челоѣка на берегахъ р. Днѣпра, вблизи Кіева*, и *Г. Л. Скадовскаго*: *Бѣлозерское городище Херсонскаго у.*

Н. Х.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. 1896. Томъ IV-й. № 1 (январь). *Клементиъ, Д.* Отдѣльная Экскурсія въ Восточную Монголію (докладъ, читанный 6-го сент. 1895 г.).

№ 2 (февр.). Въ отчетѣ по физ.-мат. и истор.-ѳил. отдѣленіямъ: о смерти *Д. А. Ровинскаго*; о смерти византиниста *Гавр. Спир. Дестуниса*; о смерти классика и археолога проф. *Бреславльскаго* унив.—та *Мартина Гёрца*; о смерти біолога и знатока первобытныхъ древностей проф. *Базельскаго* унив.—та *Людвига Рюттмейера*.—*фонъ-Деммъ*. *О, д-ръ*. Дополненіе къ мемуару: «Египетскіе отрывки къ исторіи патриарховъ александрійскихъ» (докладъ 29 ноября 1895 г.).

№ 3 (мартъ) Въ «извлеченіяхъ изъ протоколовъ»—сообщеніе *А. А. Куника* о татарскомъ періодѣ русской исторіи.—Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русск. яз. и слов. за 1895 г., составл. *А. Θ. Бычковымъ*: вышелъ III вып. Словаря русскаго яз. на букву *Д*, начатаго *Я. К. Гротомъ* и продолженнаго *А. Θ. Бычковымъ*,—продолженіе возложено на *А. А. Шахматова*; собирается матеріалъ для областного словаря русскаго яз.; напечатанъ четвертый вып. Матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ, собр. понынѣшнѣ *И. И. Срезневскимъ* (буквы *Л, М, Н*); печатается, подъ наблюденіемъ *А. А. Шахматова*, Словарь олонечнаго нарѣчія, сост. *Г. И. Куликовскимъ*; напечатанъ 1-й вып. Литовско-русско-польскаго словаря *бр Юшкевичей*, подъ ред. проф. *Ф. Θ. Фортунатова* (*А — Dz*); *А. А. Шахматовымъ* составлена программа сѣверно-великорусскихъ говоровъ; подъ ред. ак. *М. И. Сухомлинова* изданы 7 и 8 томы Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ; ак. *И. В. Явичъ* издалъ 7-й томъ Исслѣдованій по русскому яз.: «Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ», извлеченія болѣе чѣмъ изъ 60 рукописей; онъ же, задавшись цѣлью составить критическое обзорніе богатаго матеріала объ употребленіи разныхъ тайныхъ языковъ у сла-

¹⁾ Въ полномъ видѣ сказка помѣщена въ монографіи автора „Вотани“. Ср. *Аванасъевъ, Сказанія*, II, № 115, Сборн. свѣд. для изуч. быта крестьянск. населенія Россіи, II (матеріалы *Н. А. Иванцова*).

вѣтъ, выпустилъ сочиненіе: «Die Geheimsprachen bei den Slaven» (здѣсь, между прочимъ, русскій тайный языкъ ооеней, старцевъ, шаповаловъ и шерстобитовъ); онъ же напечаталъ: «Ruska Književnost u osamnaestom stoljecu» (помѣщено въ «Матицѣ Хорватской»); онъ же въ изданіи Вѣнской Академіи Наукъ помѣстилъ: «Anzeiger der philosophisch—historischen Classe»; ак. А. Н. Веселовскій въ Журн. Мин. Нар. Просв. помѣстилъ отрывокъ изъ приготовляемой имъ исторической поэмы, а именно, статью: «Изъ исторіи эпитета», тамъ же его замѣтка: «Молитва св. Сисинія и Верамлово коло» (привлечены эоіонскіе тексты молитвы, давшіе новое соображеніе); адъюнктъ А. А. Шахматовъ во іюнѣ и іюлѣ отчетнаго года совершилъ поѣздку въ Калужскую губ. для изученія мѣстныхъ говоровъ; въ результатъ изслѣдователь пришелъ къ заключенію, что врядъ ли гдѣ найдется этнографическая граница между бѣлоруссами и южно-великоруссами: тѣ и другіе, по его мнѣнію, одно общее племя; напечатана рецензія ак. А. Θ. Бычкова на соч. Р. М. Зотова, «О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время»; его-же на соч. В. С. Иконникова «Опытъ русской исторіографіи»; рец. И. В. Янча на соч. А. Каріева, «Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога»; его-же на кн. П. А. Кулаковского, «Иллиризмъ, Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія»; рец. А. Н. Веселовскаго на трудъ Θ. И. Леонтовича «Очерки исторіи литовско-русскаго права, Образованіе территоріи Литовскаго государства»; въ отчетномъ году Академія содѣйствовала проф. Филевичу въ его путешествіи въ Прагу, Вѣну, Будапештъ, Колошъ (Клаузенбургъ), Сибинъ (Германштадтъ) и Черновцы для пополненія и обработки матеріаловъ по изученію Карпатской Руси; Академія содѣйствовала чешскому этнографу Л. Кубѣ для собиранія народныхъ напѣвовъ и пѣсенъ въ Сербіи; напечатанъ трудъ Д. А. Ровинскаго: «Подробный словарь русскихъ гравировъ XVI—XIX вѣковъ»; продолжались печатаніемъ: 1) сочиненіе Д. А. Ровинскаго, Черногорія, въ ея прошлѣ и настоящемъ,—П. В. Шейна, Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края,—Θ. А. Брауна, Разысканія въ области Гото-Славянскихъ отношеній,—II-й томъ онешскихъ былинъ, собранныхъ А. Θ. Гильфердингомъ; Отдѣленіе Русс. яз. и Слов. приступило къ воспроизведенію фотографіей хранящейся въ Люблинскомъ музеѣ извѣстной Супрасльской рукописи XI вѣка, содержащей въ себѣ мартовскую минею чегію; смерть Н. Н. Булича и П. И. Саввантова и біографическія справки о нихъ.—Домоносъевская премія присуждена Б. К. Ульянову за сочиненіе: «Значеніе глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ».—Отчетъ о присужденіи премій графа Д. А. Толстого: первая медаль—Вал. Ал. Журавскому за соч.: «Древности Закарпатскаго края, Развалины стараго Мерва». Сиб. 1891.; вторая медаль—проф. В. А. Лебедеву за соч.: «Финансовое право»; третья медаль—А. Н. Харузину за соч.: «Крестыанское землевладѣніе въ Эстляндской губерніи по даннымъ 1892—1894 гг.». Ревель 1895.—Отчетъ о присужденіи премій

имени Императора Александра II, учрежденной Симбирскимъ дворянствомъ: полная премія — *Θ. А. Щербинъ* за соч.: «Воронежское земство 1865—1889. Историко-Статистическій Обзоръ. Ворон. 1891». — Отчетъ о присужденіи преміи *А. М. Сибирякова*: присуждена *Н. Н. Оглоблину* за соч.: «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа».

№ 4 (апр.). Въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ по Отдѣленію Русск. яз. и Слов. находятся слѣдующіи свѣдѣнія: въ Академію представленъ 1-й томъ болг.-русскаго словаря, составленнаго *Н. Геровымъ* (будетъ печататься въ изданіяхъ Отдѣленія); сборникъ великорусскихъ пѣсень *П. В. Шейна* принятъ Академію для изданія; ад. *А. А. Шахматовымъ* изготовлена «Первая глава исторической грамматики русскаго языка» (будетъ напечатана); отпечатана составленная *А. А. Шахматовымъ* «Программа для собиранія особенностей сѣверно-великорусскаго нарѣчія» (Сиб. 1895); по предложенію *А. А. Шахматова* и *А. Θ. Вычкова*, при Отдѣленіи рѣшено издавать отъ 4 до 6 разъ въ годъ «Извѣстія Отдѣленія Р. Я. и С. И. А. Н.» (въ числѣ 400 экз.); помѣщена записка *А. А. Шахматова* по вопросу объ изданіи Словаря русскаго языка, согласно которой опредѣлено не исключать словъ областныхъ и вообще словъ изъ живого разговорнаго языка въ устахъ великорусскаго племенн; подобраны матеріалы для II тома «Исслѣдованій по русскому языку». — *В. Васильевъ*, Записка о надписяхъ, открытыхъ на памятникахъ, стоящихъ на скалѣ Тырь, близъ устья Амура. Долож. 14 февр. 1896. (стр. 366—367). — *И. Я. Спрогисъ*, Литовскій языкъ въ памятникахъ юридической письменности (415—420 стр.).

№ 5 (май). Касающагося этнографіи нѣтъ ничего.

Томъ V № 1 (іюнь). Въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ находимъ: по представленіи ад. *В. К. Ершштедта*, издается рукопись съ греческимъ текстомъ «Повѣсти о семи мудрецахъ» (Сантина); помѣщены записки ад. *В. Г. Васильевскаго* о русско-французскомъ предпріятіи по изученію памятниковъ церковной исторіи и искусства въ Авонѣ. — *Н. Кащенко*, О нахожденіи остатковъ мамонта около Томска (31-и стр.).

№ 2 (сент.). *В. Кордтъ*, Отчетъ о занятіяхъ въ голландскихъ архивахъ лѣтомъ 1895 г. (143—148 стр.).

№ 3 (окт.) Отчетъ о дѣятельности Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ за 1895 г. (179—207 стр.). Отчетъ, о 38-мъ происхожденіи наградъ гр. Уварова (мал. премія): 1) *Н. П. Собко* — за «Словарь русскихъ художниковъ съ XI по XIX вѣкъ», т. I, вып. 1 и т. II, вып. 1. 2) *П. В. Голубовскому* за соч.: «Исторія Смоленской земли съ начала XV вѣка». Кіевъ 1895. 3) *И. Н. Смирнову* за соч.: «Восточные финны. Историко-этнографическій очеркъ». Т. I (ч. 1 и 2) и II (ч. 1 и 2); 4) *Фр. Адв. фонъ Кейслеру* за соч.: «Окончаніе первоначальнаго русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ въ XIII столѣтіи» (рукопись).

№ 4 (ноябрь). Въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ находимъ: поставлено печатать представленный въ рукописи сборникъ Шейна (см.

выше); А. А. Шахматовъ взялся слѣдить представленный въ Академію словарь бѣлорусскихъ идиотизмовъ *О. Г. Бородинца* съ словаремъ Носовича; Академія содѣйствуетъ изданію трудовъ А. А. Потебни (Изъ записокъ по русской грамматикѣ); В. И. Юшковичъ представилъ краткій очеркъ о повѣдѣ въ Велѣю и матеріалы бр. Юшковичей (лит.-русскій словарь); сообщеніе А. А. Шахматова о ходѣ работъ по собранію матеріаловъ для словаря русскаго языка; въ Академію представлены «Матеріалы для словаря техническихъ морскихъ и рѣчныхъ словъ, собранныхъ чинами Министерства Путей Сообщенія по мысли О. О. Веселого»; вдовѣ извѣстнаго собирателя П. Н. Рыбникова—А. А. Рыбниковой (изъ Калиша) обѣщано содѣйствіе при 2-мъ изданіи «Сборника былинъ»; отпечатана составленная А. А. Шахматовымъ «Программа для собранія особенностей южно-великорусскаго нарѣчія» и начата печатаніемъ составленная Е. О. Карскимъ «Программа для собранія особенностей бѣлорусскаго нарѣчія»; свѣдѣнія объ изслѣдованіи В. Н. Щенкина объ языкѣ древнѣйшаго памятника Кирилловской письменности—Саввинской книги; поступили «Матеріалы для словаря мѣстнаго нарѣчія Нерчинскаго края—подполк. Н. А. Ноневича; свѣдѣнія о работахъ по словарю русскихъ писателей (400,000 записей) С. А. Венгеровъ, подъ заглавіемъ: «Списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и источниковъ для ихъ изученія» (опредѣлено напечатать въ 4 года); записка прив.-доц. В. М. Истрина о печатаніи его изслѣдованія апокрифа: «Откровеніе Месодія Патарскаго» и связанныхъ съ нимъ «Видѣній Даниїла»; свѣдѣнія о найденной Е. В. Пѣтуховымъ рукописи XVIII в. съ проповѣдями *Гавріила Бужинскаго*; свѣдѣнія о присланныхъ К. Ф. Филимоновымъ его статьяxъ: «Этнографическіе матеріалы: 1) Кошгутское нарѣчіе; 2) Слова и выраженія, употребляемыя жителями Кошгутской волости въ разговорной рѣчи» (въ оттискахъ) и въ рукописи—дополненія къ печатнымъ его статьямъ.—Записка П. В. Шейна (объ изданіи его великорусскаго сборника: система распредѣленія пѣсеннаго матеріала, обрядовъ, игръ и проч. и проч.).

№ 5 (дек.). Докладъ А. А. Куника о работахъ его и Вестберга: «Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ» (печатается въ «Зап. Ак.») Гутъ, Г. д-ръ, Забѣтка о разборѣ Нью-чжиской надписи въ Янь-тай.

Извѣстія Восточно-Сибирси. Отдѣла И. Русск. Географ. Общества. Т. XXVI, № 4—5 (1896) г. А. А. Кауфманъ: Сложныя формы землевладѣнія въ Сибири по мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1887—1892 гг. Авторъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ земельной общины въ Сибири, сообщаетъ различныя формы, которыя принимаетъ земельная община въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири. Въ виду того, что въ послѣдней встрѣчаются самыя разнообразныя формы землевладѣнія, начиная отъ захватнаго пользованія землей, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ происходитъ выдѣленіе сельской общины изъ волостной, что пользованіе различными угодьями, въ зависимости отъ условій каждой данной мѣстности, представляетъ зна-

чительное разнообразіе,—статья г. Кауомана представляет серьезный интересъ для изученія исторіи развитія земельной общины вообще. *Ф. Конз:* Хатынь-Арыиское скопческое селеніе. Описаніе экономического быта скопцовъ; культурное воздѣйствіе ихъ на сосѣдей-якутовъ. *П. Е. Кулаковъ:* Буряты Иркутской губ.: обстоятельный очеркъ хозяйственного быта бурятъ; развитіе ихъ матеріальной культуры; воздѣйствіе на нихъ русскихъ; движеніе бурятскаго населенія въ зависимости отъ экономическихъ, бытовыхъ и культурныхъ факторовъ. *М. Кроль:* Предварительный отчетъ о работахъ по изслѣдованію Забайкальскихъ бурятъ за періодъ 1892—95 гг.: общественный строй; обычное право (охотничье, пастушеское, семейное, наследственное); исторія расселенія Забайкальскихъ бурятъ и экономической ихъ бытъ). Надо замѣтить, что всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя г. Кроль, кратки и отрывочны. Это объясняется конечно характеромъ самой статьи. *Н. Геккеръ:* Три якутскія могилы. Въ этой небольшой статьѣ авторъ довольно подробно описываетъ произведенныя имъ раскопки трехъ якутскихъ могилъ. Одна изъ нихъ была произведена въ урочищѣ Тураннахъ, на юго-западѣ отъ небольшого поселка «Ытыккуол», другая въ урочищѣ «Нилататта», верстахъ въ 3-4 отъ того-же поселка, и третья во 2-мъ Жехсогономскомъ наслегѣ. При описаніи вышеупомянутыхъ могилъ авторъ приводитъ цифры ширины, длины могилы, разстояніе ея отъ уровня земли, расположеніе въ ней скелета; описываетъ также найденныя въ могилѣ различные предметы. Въ связи съ этимъ онъ касается вопроса о способахъ погребенія, указываетъ на два: 1) посредствомъ зарыванія въ землю и 2) въ арангасѣ, т. е. въ выдолбленной изъ толстаго дерева колодѣ или же срубѣ, которые вмѣстѣ съ покойникомъ подвѣшивались на вѣткахъ дерева въ лѣсу, и склоняется къ мысли, что въ древности былъ распространенъ только второй способъ. Въ результатъ онъ приходитъ къ тому заключенію, что эти три могилы болѣе поздняго происхожденія, а найденныя въ нихъ скелеты болѣе ранняго. Объясняется это, по его мнѣнію, отчасти распространеніемъ христіанства, подъ влияніемъ котораго якуты снимали съ деревьевъ арангасы и предавали ихъ землѣ, отчасти-же распоряженіями начальства о зарытіи арангасовъ.—*В. С. Е. Якутскій родъ.* Статья эта является отвѣтомъ на статью «Памятной книжки Якутской области» о якутскомъ родѣ до прихода русскихъ. Не смотря на полемическій и даже задорный тонъ статьи, она является интересной въ научномъ отношеніи въ виду тѣхъ вопросовъ, которые затронуты ею. Прежде всего авторъ разъясняетъ вопросъ о власти отца и мужа и приходитъ къ заключенію, что эту власть въ якутской родовой организаціи нельзя характеризовать чертами абсолютизма, простирающагося до права жизни и смерти надъ всѣми домохозяцами. Далѣе онъ разбираетъ положеніе женщины въ добрый періодъ и характеризуетъ его, какъ періодъ свободныхъ половыхъ отношеній. Въ связи съ этимъ онъ приводитъ много фактовъ въ пользу прохожденія якутами стадіи матриархата. Въ заключеніе авторъ, во-первыхъ, выставляетъ положеніе, что родовая власть, какъ организація, носитъ республиканскій характеръ, защищаетъ его примѣрами изъ якутскихъ сказокъ и

жизни якутовъ; во-вторыхъ описываетъ общественный бытъ якутовъ подъ господствомъ русскихъ.

Кавказская Жизнь. Художественно-литературный сборникъ. Тифлисъ, 1896. III. 9. Давидовъ предпринялъ въ Тифлисъ новое иллюстрированное изданіе, имѣющее цѣлью знакомить русскихъ читателей съ народностями Кавказа. Содержаніе первой книжки даетъ представленіе о той программѣ, по которой будетъ издаваться «Кавказская Жизнь». Сюда вошли: Гость (изъ осетинскихъ нравовъ), *Куртатинца*; Обрядъ коронованія грузинскихъ царей. III. Арагва, стихотвореніе (съ грузинскаго, изъ поэмы кн. Ильи Чавчавадзе «Аццили»), *Иванъ-да-Марья*; Грузинскій театръ 1850—1895 гг. А. Хатамова; Вечеръ, стихотвореніе II. *Опочиница*; Гумно, сцена изъ кахетинской жизни, *Не онъ*; Стрѣлтивный Аракекъ, былъ (съ армянскаго), А. *Адельяна*; Изъ Златоуста, изреченія, *Ис. Тхоржевскаго*; Шавшети и Имерхеви, этнографическіе наброски III. *Давидова* и, наконецъ, *Ре-ро*, имеретинская пѣсня (для хора съ оркестромъ, въ переложеніи на «ортепіано») Н. С. *Кленовскаго*. «Ре-ро» съ успѣхомъ было исполнено въ Москвѣ, на первомъ этнографическомъ концертѣ, устроенномъ подъ управленіемъ Н. С. Кленовскаго. Замѣтимъ, что почтенному автору, по словамъ кавказскихъ газетъ, удалось лѣтомъ прошлаго года записать много новыхъ мотивовъ въ Кахетин у извѣстныхъ знатоковъ старинныхъ пѣсенъ.

Anthropologie. 1896. I. Ed. Piette: Etudes d'ethnographie préhistorique (прод. въ № 4). Изученіе флоры переходнаго отъ палеолитическаго къ неолитическому періоду на основаніи раскопокъ въ Mas-d'Azil. Въ промежуточномъ слѣдѣ Пьеттомъ найдена масса небольшихъ плоскихъ камней, поверхность которыхъ покрыва рисунками, отдѣланными минеральной краской, добываемой изъ горныхъ породъ около мѣста раскопокъ. Окраска камней происходила при помощи кисти, палочки или пальца; «палитрами» служили раковины и камни; рисунки сдѣланы преимущественно розовой или красной краской. Исследователь относитъ ихъ къ періоду, когда, по исчезновеніи сѣвернаго оленя, населеніе постепенно забыло искусство рѣзбы и скульптуры и перешло къ окрашиванію предметовъ. Рисунки на камняхъ, въ противоположность нультуръ послѣдней эпохи дилювія, не представляютъ изображенія природы; это грубо сдѣланныя линіи и геометрическія фигуры (круги, эллипсы, кресты и пр.). Часть рисунковъ Пьеттъ считаетъ пиктографическими знаками, изображеніями змѣй, деревьевъ, орудій производства охоты, животныхъ и пр., часть представляетъ, по его мнѣнію, символическія изображенія (напр. солнца), наконецъ, значительную долю изображеній слѣдуетъ отнести къ цифровымъ и алфавитнымъ знакамъ: «это своего рода письмо, смыслъ котораго остается для насъ тайной». Сравнивая найденныя изображенія со знаками, иногда встрѣчаемыми на рисункахъ, относящихся къ эпохѣ распростиранія сѣв. оленя въ Зап. Европѣ, и со знаками древней письменности Египта, Эгеи и Троады, авторъ высказываетъ предположеніе, что зачатки

письменности, появившихся впервые въ Зап. Европѣ (въ частности въ Пиринейхъ) были занесены миграціями съ запада на востокъ. Далѣе сравненіе финикійскаго алфавита съ знаками изъ Mas-d'Azil приводитъ г. Пьетта къ предположенію, что финикійяне восприняли рядъ знаковъ изъ Пиринейской цивилизаціи, а это, въ виду того, что древнѣйшая греческая цивилизація уже пользовалась одинаковыми знаками письменности, облегчило воспріятіе греками финикійской азбуки. Финикійяне измѣнили значеніе, но не форму древней азбуки изъ Mas-d'Azil. Находка Пьетта безусловно представляетъ большой интересъ, такъ какъ открываетъ новую сторону художественнаго творчества доисторическаго обитателя Зап. Европы, но выводы его имѣютъ значеніе лишь очень смѣлой и недостаточно доказательной гипотезы. Къ статьѣ приложены рисунки и кромѣ того (къ № 4) большой альбомъ изображеній этихъ камней въ краскахъ.

Dr. Macclaud: Notes sur les Pakhala (Африка); исторія, географическія границы ихъ распространенія, внѣшность, одежда, вооруженіе, жилище.

L. Lapicque: Documents ethnographiques sur l'alimentation minérale; употребленіе соли, способы добыванія и приготовленія ея у разныхъ некультурныхъ народовъ.

2. *E. T. Hamy*: Les races malaises et américaines. Антропологическіе очерки; вступительная лекція къ курсу антропологии, чит. въ Muséum d'hist. naturelle.—*R. Verneau*: De la pluralité des types ethniques chez les nègrilles. Антропологическій очеркъ карликовъ племенъ Африки, среди которыхъ авторъ отличаетъ два основныхъ типа: брахи-и долихоцефальный; мѣстами оба типа смѣшаны.—*S. Reinach*: La sculpture en Europe avant les influences gréco-romaines (см. *Antropologie* 1894 и 1895 гг.). Авторъ заканчиваетъ свою интересную работу изученіемъ изображеній животныхъ, птицъ и сложныхъ сюжетовъ въ доисторическомъ искусствѣ Европы; основной выводъ г. Рейнаха сводится къ признанію мѣстныхъ, самостоятельно развившихся элементовъ искусства въ средней Европѣ, безъ вліянія на него восточныхъ цивилизацій. Недостаткомъ труда можетъ считаться сопоставленіе предметовъ безъ достаточнаго распредѣленія ихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

3. *R. Collignon et J. Deniker*: Les maures du Sénégal. Антропологич. очеркъ берберскаго населенія, смѣшаннаго съ неграми.—*S. Reinach*: Découvertes récentes en Attique et à l'Égine. Находка при изслѣдованіи могильниковъ и городищъ предметовъ микенской и до-микенской культуръ; открытіе домовъ, относящихся къ эпохѣ до-микенской.

4. *Piette*. Etudes etc. (см. № 1) *G. Paroisse*: Notes sur les peuplades autochtones de la Guinée française. Нѣкоторые этнографическія свѣдѣнія о туземныхъ племенахъ.—*Dr. Tautain*. Sur l'anthropologie et les sacrifices humains, aux Iles Marquises. Антропология въ указанной мѣстности вышла изъ употребленія въ новѣйшее время. Случаи ея проявленія были отмѣчены еще въ 80-хъ годахъ текущаго столѣтія. Антропология связана на Маркизскихъ островахъ со слѣдующими причинами: жертвоприношенія (кормленія боговъ), корм-

леніе человѣч. мясомъ вождей, считавшихся земными представителями божества, представленія о воспріятіи качествъ съѣденнаго человѣка; далѣе мотивомъ антропофагіи является желаніе обезвредить, уничтожить умершаго: маори вѣрятъ, что покойники продолжаютъ жить почти что физическою жизнью послѣ смерти, и могутъ отомстить за убійство: съѣденіе убитаго прекращаетъ загробное существованіе мертваго. Мотивами антропофагіи являются далѣе чувство мести, любовь къ человѣческому мясу вообще и, наконецъ, голодъ при долговременныхъ передвиженіяхъ въ лодкахъ. Авторъ останавливается далѣе на человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, способахъ умерщвленія жертвъ, на устройствѣ жреческой касты и положеніи другихъ жрецовъ, касается затѣмъ случаевъ употребленія въ пищу мертвыхъ и употребленія человѣческаго мяса и женщинами. Болѣе часто встрѣчающіеся случаи употребленія въ пищу дѣтей и женщинъ авторъ объясняетъ въ гастрономическими соображеніями, а способомъ охоты за людьми, когда партія охотниковъ старалась овладѣть болѣе слабымъ элементомъ населенія. Въ періоды голоданія встрѣчались случаи употребленія въ пищу стариковъ, родителей, женъ и собственныхъ дѣтей. Въ большинствѣ случаевъ, однако, господствуетъ экзоканибализмъ. Людоѣдство, въ виду своей обыденности, не сопровождалось празднествами. Интересенъ обычай, согласно которому родня убитаго и назначеннаго для съѣденія лица, имѣла право, съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ (обнаженіе тѣла и окраска тѣла углемъ), придти въ вражескій лагерь, чтобы проститься съ умершимъ, не опасаясь враждебныхъ дѣйствій со стороны убійцъ¹⁾.

5. *W. Z. Ripley: Notes et documents pour la construction d'une carte de l'indice céphalique en Europe.* Между прочимъ значительное количество библиограф. указаній по вопросу о головномъ указателѣ среди населенія Европы.—*P. d'Enjou: L'appendice caudal dans les tribus Moï.* Авторъ во время своего путешествія по Индокитаю въ 1890 г. отмѣтилъ у одного изъ индивидовъ, принадлежащаго къ племени мон ясно выраженный хвостовидный отростокъ. По преданію самихъ мон только скрещиваніе съ другими племенами привело къ утратѣ у большинства изъ нихъ хвостовиднаго отростка, которымъ они, по преданію, въ древности отличались и которымъ гордились. Авторъ ставитъ вопросъ о возможности существованія въ прошломъ хвостатыхъ людей и склоненъ къ рѣшенію его въ положительномъ смыслѣ; это была раса, составляющая звено между человѣкомъ и антроподами. Онъ склоненъ считать мон, нѣкогда занимавшихъ весь Индокитай, потомками такой расы. Одинъ субъектъ, котораго могъ наблюдать изслѣдователь, и преданіе мон служатъ впрочемъ единственной опорой его предположенію. *S. Reinach. La Crète, l'Illyrie et l'Italie méridionale.* Культурная связь указанныхъ мѣстностей въ до-историческій періодъ.—*Dr. Tautain: Notes sur l'ethnographie des îles Marquises.* Божества, вѣра въ ду-

¹⁾ Статья подробно изложена д-р. Эразмомъ Масевскимъ въ варшавскомъ „Tygodnik ilustrowany“ 1897, № 18. *Ред.*

ховъ умершихъ. Отношенія къ дѣтямъ, культъ предковъ, возраждающихся въ новорожденныхъ, усмысленіе, представленіе о загробномъ мірѣ—*Naivaiki*, *Bugotu*: авторъ обращаетъ вниманіе, что въ царство мертвыхъ *Naivaiki*—на Маркизахъ, *Bugotu*—на Тонгѣ, могли, по вѣрованіямъ, сохранившимся до послѣдняго времени, переселиться только души привилегированнаго класса. Остальная масса населенія послѣ смерти оставалась на мѣстахъ, гдѣ они жили и умирали. Это даетъ автору поводъ высказать предположеніе, что съ Гавамъ (Сандвичевы о-ва) въ прежнее время населеніе Маркизскихъ о-въ находилось въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ и что въ послѣдствіи воспоминаніе о Гавамъ постепенно утратилось, и названіе его перешло въ названіе царства мертвыхъ, которое нынѣ помѣщается подъ землей, но нынѣ указывается на сѣверъ, т. е. по направленію къ Сандвичевымъ о-вамъ.

6. *Zaborovski*. La circoncision, ses origines et sa répartition en Afrique et à Madagascar: обзоръ географическихъ границъ распространенія обычая обрѣзанія въ Аѳрикѣ и на Мадагаскарѣ. Авторъ отрицаетъ мнѣніе о происхожденіи обрѣзанія изъ саллотоміи и приводитъ въ доказательство вѣснй фактъ сосуществованія обоихъ обычаевъ у разныхъ народовъ. Далѣе онъ старается доказать, что въ обрѣзаніи слѣдуетъ видѣть одинъ изъ обрядовъ, употребительныхъ при испытаніяхъ, которымъ освѣщается переходъ къ зрѣлости: оно является посвященіемъ въ половую жизнь; это доказывается тѣмъ, что обрѣзаніе совершается надъ взрослыми и лишь въ послѣдствіи (какъ напр. у евреевъ) переходитъ въ обрѣзаніе младенцевъ. Въ Аѳрикѣ обрѣзаніе распространилось частью благодаря вліянію др. Египта, евреевъ и народностей, двигавшихся отъ восточныхъ областей материка на западъ и югъ; они приносили вмѣстѣ съ обрѣзаніемъ и культуру риса, и какъ и послѣдняя—обрѣзаніе во многихъ мѣстностяхъ Аѳрики явленіе недавнее.

Globus. 1895. Изъ статей этнографическаго содержанія обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія. *Bd. LXIX*. 1. *Zemmrich*. Deutsche u. Slavener (съ картой). Географическое распространеніе обоихъ національностей. *W. Horák*. Irrlichter in Mähren. Вѣрованіе, что блуждающіе огни—души умершихъ некрещенными дѣтей. *Mason*. Uebereinstimmung einer amerikanischen u. einer finnischen Webervorrichtung (съ 2 рис.). *Schaubert*. Hochzeitsgebräuche der kurdischer Chaldäer. Краткій очеркъ свадебныхъ обрядовъ. 2. *Rhamm*. Die tchecho-slavische Ausstellung für Volkskunde in Prag 1895. 3. *Iguchi*. Japonische Märchen. *H. Zondervan*: Neue Arbeiten über Niederländischen Ost-Indien. 4. *Hoffman*. Die Shoshoni-u. Banak-Indianer; историческія свѣдѣнія, географическое распредѣленіе, занятія, одежда. *Th. Achelis*. Ethnologie. Geographie u. Geschichtsschreibung; авторъ дѣлаетъ попытку опредѣлить границы между указанными науками. 5. *R. T. Kaindl*: Neue Beiträge zur. Ethnologie und Volkskunde d. Huzulen. Жилища, повѣрья (м. пр. о животныхъ), воззрѣнія на бракъ. *Schilde* u. *Panzer* bei d. amerikanischen Bevölkerung. 6. *R. T. Kaindl* (оконч.). Вѣрованія въ предназначенія, обрядъ при погребеніи, отношенія брачныя, одежда и

пр. у гундуловъ. 7. *G. Kossina*. Die geschichtliche Entwicklung d. germanischen Volksgrenzen in Ost und West. 8. *Hrolf Vanghan Stevens*. Der Cholera Zauber bei den Temia auf d. Halbinsel Malaka. *A. Oppel*. Das Museum f. Natur-Völker u. Handelskunde in Bremen. По новому открытiю музея. 9. *H. V. Stevens* (окончание). *H. Vambéry*. Bilder aus China. *W. Joest*. Läuse Essen u. Eau de Cologne-Trinken. Распространенность этихъ обычаевъ у разныхъ народовъ. 10. *G. Radde*. Besuch auf Buton u. Süd-Celebes. *Ambrosétti*. Die Grotten-Bilder v. Carahuasi (Argentinien) съ табл. въ краскахъ. *A. Vierkandt*. Der Ursprung d. Haustierzucht u. die Wirtschaftsformen; по поводу кн. Hahn'a: Haustiere. 11. *Blumentritt*: Die Manglanenschrift von Mindoro. Новое свидѣтельство о сохранившейся до настоящаго времени туземной азбуки. *Lapiques* Forschungsreise auf d. Andamanen. (этногр. свѣдѣнiя). *Radde* (продолж.). 12. *C. Keller*: Reisestudien in den Somoliländern. *Radde* (оконч.). *Bülow*: Das ungeschriebene Gesetz d. Samoaner (обычно-правовыя нормы, обществ. устройство, угол. право, отношенiя между супругами, положенiе женщинъ, гостепрiимство и пр.). *Przyborski*: Totengehräuche beim rumänischen Landvolke in Südungarn (положенiе съ умершими платковъ, форма траура и пр.). 13. *R. Hansen*: Die Bauernhäuser in Schleswig. *Keller*: Reisestudien (прод.). *Krahmer*: Ueber jukagirische Briefe (извлеч. изъ статьи Шаргородскаго въ «Землеводѣнiи», 1895, 2 и 3). 14. *P. Sartori*. Die Sitte d. Namensänderung. *Gardes* Forschungsreise in Südwestgrönland. *P. Steinin*: Die Kirgisen d. Kreises Saïssansk im Gebiete v. Semipalatinsk (свод. обычаи, разводы, нѣкот. свѣдѣнiя о системѣ штрафовъ за обиды и проч.). 15. *Gardes* Forschungsreise (прод.). *Sartori*: Namensänderung (прод.). 16. *C. Hahn*: Kaukasische Dorfanlagen und Haustypen. *G. v. Buchwald*: Atebar u. Uhu im germanischen Elementargedanken. *Kellen*: Neue Beiträge z. elsässischen Volkskunde (обычаи, обряды). *Mogess*: Erforschung von Papagueria und Seriland, am oberen Teile des Meerbusens v. Kalifornien.—Neue Schnitzereien u. Masken von Bismark-Archipel und Neu-Guinea. 17. *Hahn*: Kaukasische Dorfanlagen (прод.). *Buchwald*: Atebar u. Uhu (прод.). *H. Seidel*: Ethnographisches aus Nordost-Kamerun (mit Nachrichten über Seelenmehrheit u. Seelenessen) (бытъ, образованiе, погреб. обряды). 18. *F. G. Schultheiss*: Die geschichtliche Entwicklung d. geographischen Begriffes „Deutschland.“—Ein Aufenthalt bei König Menelik v. Abessinien. 19. *F. G. Schultheiss*: Die geschichtliche Entwicklung etc. (прод.). 20. *G. Radde*: Besuch im Amboina. *Bülow*. Samoanische Sagen. 21. *E. Seelman*. Das Deutschtum in Artois. *E. Goebeler*: Die Forschungsreise des abbé Le Camus nach Klein-Asien. *H. Meyer*: Muschelhügel (Sambaki) u. Urnenfeld bei Laguna (Brasilien). 22. *G. Radde*: Besuch v. Mankassar. *E. Goebeler*: Forschungsreise (прод.). *H. Seidel*: Aus Französisch-Indochina (торговля, города и проч.).—Selbstmorde unter den Schwarzen im Gebiete v. Lopoço Marques (частые случаи самоубiйства, причины и способы ак-

шенія себя жизни со стороны туземцевъ). Warum arbeiten die Naturvölker nicht? (отвѣтъ—на основаніи психологіи дикаря.) 23. *C. Keller*: Reisestudien etc. (прод.) *E. Seler*: Götzendienerei unter d. heutigen Indianern Mexikos (съ изобр. идоловъ). *C. M. Pleyte*: Die Kwakwabank d. Buschneger Surinams (религиозныя празднества). *R. Andree*: Das Kreiselspielen u. seine Verbreitung (свѣдѣнія изъ разныхъ странъ объ игрѣ въ волчекъ). *G. A. Krause*: Merkwürdige Sitten d. Haussa (празднества, семейные обычаи и обряды, свадьба.) *G. Kampfmeyer*: Ein alter Bericht über litauische Totengebräuche (свѣдѣнія отъ конца XVI в.). 24. *R. F. Kaindl*: Viehzucht u. Viehzauber in den Ostkarpaten.

Bd. LXX 1. Zum 70-ten Gebursttage Bastians. *A. Oppel*: Die altmexikanischen Mosaiken (съ 15 рисунками древн. мозаическихъ масокъ и др. предметовъ). *Fr. Müller*: Die Fortschritte d. amerikanischen Linguistik. 2. *M. Buchner*: Zur Anatomie u. Aesthetik bei d. Japanern. *C. Hahn*: Die grusinische Militärstrasse (путевые очерки). 3. *E. Förstemann*: Neue Mayaforschungen. Продолженіе статей Buchner'a и Hahn'a.—Die Verbreitung von Mythen unter den Indianern Nordwestamerikas (легенда о воронѣ, основанія мифологіи народности). 4. *O. Finsch*: Aus Neu-Guinea. *F. Grabowsky*: Rükenthals Forschungen im malaischen Archipel. *B. Laufer*: Zur Geschichte des Schminkens in Tibet. 5. Näpfchensteine in der Schweiz (описаніе и рис. „чашинныхъ камней“). 6. *Kisak Tamai*: Die Erforschung des Tschiwangebietes auf Formosa durch die Japaner (обряды, празднества, матер. культура). 7. *C. M. Pleyte*: Ein arakanesischer Hausgötze (съ изобр.). 8. *J. Hoffman*: Die Pit River Indianer in Kalifornien (образъ жизни, жилища, оружіе). 9. *R. Hansen*: Ueber Wanderungen germanischer Stämme auf der Cimbrischen Halbinsel. *H. Vambéry*: Bilder aus Bochara. *W. Joest*: Nochmals Läuse-Essen und Eau de Cologne-Trinken. 10. *T. Maler*: Neue Entdeckung von Ruinenstädten in Mittelamerika. *F. Grabowsky*: Semons Forschungen in Australien, Neu-Guinea u. den Molukken. *S. Yagi u. Shinomura*: Zur Prähistorik Japans (съ рис. предметовъ, добытыхъ изъ раскопокъ). *C. Keller*: Reisestudien in d. Somaliländern (прод.) *A. Vierkandt*: Eine Probe wissenschaftlicher Ethnologie (по поводу замѣтки Frobenius'a въ Arch. f. Ethnogr. IX, 3). 11. *M. Harnes*: Bosnien u. die Hercegovina in Vergangenheit u. Gegenwart. *C. Keller*: Reisestudien etc. (оконч.). *L. Jacobowski*: Das Weib in der Poesie d. Hottentotten. *H. Samter*: Noch einmal die Pleijaden (объясненіе названія созвѣздія). *H. Seidel*: Ein Wahrsagegerät aus Kamerun. 12. *O. Lerch*: Eine Fahrt auf dem Princepulca u. Banbaflusse (Nordost-Nicaragua). *M. Hörnes*: Bosnien etc. (прод.) *R. Karutz*: Ohrdurchbohrung u. Ohrschmuck. 13. Продолженіе статей *M. Hörnes*'a u. *R. Karutz*'a. 14. Die armenischen Frauen (съ 6 рис.; положеніе женщины). *Stenin*: Die Wurden des gouv. Eriwan (образъ жизни, постройки, одежда, семейное устрой-

ство, бракъ и свадьба, погребеніе, религіоз. воззрѣнія; легенды о животныхъ, происхождение обезьяны, медвѣдя, кошки, кукушки). *Fr. Figura.* Das Schwirrholtz in Galizien (употребленіе его пастухами). 15. *F. Tetzner:* Die Kaschuben am Lebasee (мѣстожителство, занятія, жилище, вѣщность и характеръ, пища, одежда, могила и надгробные памятники). *H. Grothe:* Ein Besuch in Bengasi (Cyrenaika). *I. Goldziher:* Ueber Kannibalismus aus orientalischen Quellen. 16. *F. Tetzner:* Die Kaschuben (продолж.). Die orientalische Frage in d. Anthropologie. *C. Davidsohn:* Das Nackte bei den Japanern. 17. *G. Lamprecht:* Die Schaukel der Tochter Potikitans, Nga-Upoko-E-Rua (переводъ пѣсни маори). *F. Tetzner.* Die Kaschuben (прод. пѣсни, пословицы, сказанія). *T. A. Ambrosetti:* Jaguareté-Ába. Der Uerwolfglauben bei den Südamerikanischen Indianern (сказаніе объ ягуарахъ). *A. Vierkandt:* по поводу книги Гроссе. Die Wirtschaftsformen u. die Formen d. Familie. 18. *F. Tetzner:* Die Kaschuben (оконч.: сказанія, празднества, свадьба). *P. Dittrich:* Schlesischer Hausbau und schlesische Hofanlage. Das Vordringen der Finnen im südwestlichen Finnland. 19. *J. Hoops:* Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere (излож. кн. R. Loewe подъ указаннымъ заглавіемъ).—Die Forschungen von Dutreil de Rhins in Centralasien. 20. Die Forschungen v. Dutreil de Rhins (оконч.). *G. Minkevitch:* Reise nach Mesched in Persien. Die ungarischen Zigeunerkonstruktion vom Jahre 1893 (число всѣхъ цыганъ за исключеніемъ Будапешта опредѣлено въ 274940, изъ нихъ осѣдлыхъ 243432, полuosѣдлыхъ—20406, несѣдлыхъ 8938*). 21. *Kisak Tamai:* Japanische Blutrache gegen die Koreaner. *C. Keller:* Reisestudien in den Somaliländern (прод.). *G. Minkevitch:* Reise nach Mesched (оконч.). 23. *K. Th. Preuss.* Die Totenklage im alten Amerika (vom Standpunkte d. Völkerpsychologie) *C. M. Pleyte.* Seltene ethnographische Gegenstände von Kisar (идолы, божницы). *C. Keller.* Reisestudien (оконч.). Nansens eigener Bericht über seine Polarreise. 22. *F. G. Schultheiss:* Das Haberfeldtreiben in Oberbayern (разсматривается съ историко-этнографической точки зрѣнія судебное разбирательство по обвиненію 48 лицъ за устройство суда правовъ—остатокъ средневѣковой старины). *L. Wilser:* Die bemalten Kiesel von Mas-d'Azil (по поводу находокъ Piette'a, см. выше Anthropologie 1896 г.). *H. Seidel:* Transvaal u. seine Goldausblute. *Preuss:* Die Totenklage im alten Amerika (прод.). 24. *Zimmermann:* Die Entwicklung v. Britisch-Indien—Die Eunuchen im kaiserlichen Palast zu Peking. *A. Oppel:* Die Herkunft d. Bevölkerung von Madagaskar. *Halbfass:* Saley und Ager, zwei kleine deutsche Sprachinseln in Piemont.

Internationales Archiv f. Ethnographie 1896. Bd. IX. 1. *C. Sapper.* Alterthümer aus d. Republik San Salvador. *F. S. Krauss:* Bojagié

*) Тутъ вкралась какая-то ошибка, потому что общая цифра не сходится съ итогомъ подраздѣленій.
Ред.

Alile's Glück und Grab; zwei moslemische Gussarenlieder (къ исторіи сюжетовъ юго-славянскаго эпоса; текстъ, переводъ, объясненія). Мелкія замѣтки Schmelz'a: 1) Antike südamerikanische Keulen. 2) Ein alterthümliches Signalinstrument (употребленіе въ Курляндіи и Венгріи др. оружія въ средніе вѣка и въ современности; доп. къ статьѣ о Hille-bille (т. VIII, 121). 3) Begräbnisgebräuche in Japan (употребленіе въ сидячемъ, скорченномъ положеніи, сожженіе. 4) Ueber geflochtene Kragen v. Westafrika; 5) Aberglaube im XIX Jahrh. (въ Гамбургѣ въ 1895 г. полиція привлекла къ отвѣтственности женщину, спеціально занимавшуюся, какъ ремесломъ, указаніемъ суетвѣрныхъ средствъ женщинамъ и дѣвушкамъ для освобожденія мужей и возлюбленныхъ отъ всевозможныхъ пороковъ). 6) Die Schlangen in der Volksmedizin (употребленіе настойки на гадюкахъ, какъ лѣкарств. средства, въ Пруссіи). 7) Ueber das Anspucken erstverdienten Geldes (распространеніе этого обычая въ Германіи). 2. *Ling Roth*: Alleged Native Writing in Borneo. *M. C. Schadel*. Bijdrage tot de Kennis van de Ethnographie der Westerafdeeling van Borneo. Мелк. зам.: 1) *H. Kern*: Ein civaistisches Heiligthum auf Borneo. 2) Zur Ethnographie der Matty-Inseln. 3) Hunde u. Naturvölker (собака въ нар. вѣрованіяхъ). 4) Blaserohrpfeile mit Haizahnspitze v. Borneo. 3. *Schmelz*: Beiträge zur Ethnographie von Neu-Guinea. *L. Frobenius* Stilgerechte Phantasie (объ основаніи міро-озерцанія у дикарей). Мелк. зам.: 1) Skizzen aus West-Borneo (взиманіе долговъ, гипнозъ и внушеніе. 2) Ein Fisch als Aphrodisiacum (употребленіе въ пищу рыбы *Fistularia serrata* въ случаѣ безплодныхъ браковъ). 3) Prudery in scientific Matters (о фаллическомъ культѣ). 4. *S. K. Kusnezow*: Ueber den Glauben vom Jenseits und den Todtencult der Tschegemissen (ирод. статьи г. Кузнецова, начат. въ томѣ VIII. Погребальные обряды, изложенные чрезвычайно детально). *K. Hagen*. Chinesische Prunkwaffen. Мелк. зам. 1) Neuere Beiträge zur Ethnobotanik (вѣрованія и обряды, сопряженные съ представленіями о разныхъ растеніяхъ). 2) Hunde u. Naturvölker (собака въ нар. вѣрованіяхъ). 3) Pin-wells and ragbusches (въ Японіи). 4) Hameçons en bois employés près de Bordeaux. 5) Исчезновеніе первобытной культуры въ Аляскѣ, на основ. *Dall*'я. Alaska as it was and is, 1865—1895. 5. *G. Schlegel*. La fête de fouler le feu (Китай). *R. Parkinson*, Beiträge z. Ethnographie der Matty-und Durour-Inseln. Мелк. зам. 1) Firedrill and Chopsticks from New-Guinea. 2) Das Hakenkreuz in Afrika (употребленіе севастики въ Африкѣ въ качествѣ орнамента). 3) Zur Ethnographie der Matty-Inseln. 4) Bestrebungen z. Erhaltung und Neubelebung alter Volksgebräuche, Trachten u. Sitten (Швеція, Австрія, Франція, Голландія, Германія). 5) Ueber die ethnographischen Elemente der Millennium-Ausstellung in Budapesth (изл. реф. *Herman*'а въ Вѣнскомъ антропологич. Обществѣ). 6) Nashornvogelschnäbel als Schmuck. Eine neue Schildform (Kaiser-Wilhemsland). 7) The invention of the Net. 8) Eine Reinigungsopfer in Pahang. 9) Объявленіе о смерти путемъ передачи части

платья умершаго на Целебесѣ. 10) *Frauenleben in Korea*. 11) *Das Theater in Japan*. 12) Ein neuer Beitrag z. Kenntniss des Höhen-Kultus (Kangéan-Archipel). 13) Ueber die Tätowirungen der Prostituirten (въ Европѣ). 14) Trepanation bei den Ureinwohnern der Canaren (съ рис.). 15) Деформированные черепа изъ Перу. 16) Die Kenntniss der Sprachen und der Schrift der eingebornen Stämme de Philippinen. (обзоръ новыхъ трудовъ по этому вопросу). 6. *H. Schurs*. Zur Ornamentik der Aino. *Мелк. зам.*: 1) Ueber die Negritos von Mindanao oder die Mamanuas. 2) Ein Teronazli im ethnographischen Museum d. Universität Basel (рис. орнамента) 3) Ueber die Vertheidigungswaffen der Eingebornen Amerikas (по поводу труда W. Hough'a, *Primitive amerikan Armor*). 4) Anthropophagie in prähist. Zeit in Böhmen (по пов. статьи Matiegka¹⁾, въ *Památky archaeol.* XVI). 5) Ueber Menschenopfer in Serbien (для полученія клада). 6) Die chinesische Mauer. 8) Pleistocene Man in Amerika. 9) Die tschecho-slavische Ausstellung (въ Прагѣ, 1895 г.).

Mittheilungen d. Anthropologischen Gesell. in Wien. Bd. XXVI. 1896.
 I: *R. S. Steinmetz*. Endokannibalismus (см. отдѣлъ критики въ XXXI кн. «Этн. Об.») *O. Herman*: Ethnographische Elemente der Millenniums-Ausstellung Ungarns, mit besonderer Berücksichtigung der Urbeschäftigungen. *L. H. Fischer*: Paläolitische Fundstelle im Löss von Willenhof (Niederösterreich). Между прочимъ находка костей мамонта совмѣстно съ каменными орудіями.—II. *W. v. Schulenburg*: Ein Bauernhaus im Berchtesgadener Ländchen (съ 118 рис.) Чрезвычайно подробное описаніе дома, утвари и орудій. *A. Makowsky*: Beiträge z. Urgeschichte Mährens. Находка могилъ съ инвентаремъ бронзоваго вѣка и предметовъ культуры la-Tène. Рец.: 1) на „Этногр. Обзор.“ 1890 г., г. Bugiel'я. 2) *K. Skrzyńska*: Kobieta w. pieśni ludowej (женщина въ польскихъ пѣсняхъ. Варш. 1891). *Н. Зографъ*. Некрологъ А. П. Богданова.—III. *G. Bancalari*: Forschungen und Studien über das Haus. I Курная изба, очагъ, печь, труба, каминъ (съ 55 рис.) *H. Matiegka*: Antropophagie in der prähistorischen Ansiedelung bei Knovize u. in der prähistorischen Zeit überhaupt. Переводъ статьи Матейки, помѣщ. въ *Památkach archaeologických* (1893, т. XVI). *J. E. Pisko*: Gebräuche bei der Geburt und Behandlung d. Neugeborenen bei den Albanesen. Обычаи и обряды при рожденіи ребенка, способы лѣченія. *K. v. Inama-Sternegg*: Interessante Formen d. Flurverfassung in Oesterreich. Формы распредѣленія земельныхъ участковъ въ нѣсколькихъ деревняхъ и попытка объяснить ихъ историческими и культурными условіями.—IV и V: *R. Fr. Kaindl*: Haus u. Hof der Huzulen (съ 228 рис.) Жилыя помѣщенія и утварь. Суевѣрія, связанныя съ различными частями дома. *S. K. Kuznetsov*:

¹⁾ См. „Этногр. Обзор.“ кн. XXV. Статья Матейки переведена также въ извѣстнѣхъ „Mittheilungen“ и пр. (см. ниже).

Fund eines Mammuthskeletes und menschlicher Spuren in der Nähe d. Stadt Tomsk. Описание обстоятельств находки скелета мамонта совместно съ каменными орудіями около Томска въ апрѣлѣ 1896 г., по изслѣд. проф. Кащенко.

Периодическо Списание на българското книжовно дружество въ Сръдецъ. Кн. XLIV *Арировъ, С.* Одна болгарская рукопись XVII вѣка въ Пражскомъ музеѣ.—*Сарафановъ, М. К.*, Населенію княжества Болгарія по тремъ первымъ переписямъ (оконч.; см. „Э. О.“ кн. XV). Народныя болгарскія произведенія. (Нар. пѣсни, записанныя въ с. Преславѣ Таврической губерніи, въ Россіи, Преславскій учительмъ *Тан. Върбанскимъ*).—*Шаткаревъ, К. А.*, Нѣсколько поправокъ (къ матеріаламъ для болгарскаго словаря изъ г. Прилѣпа).—Д-ръ Франьо Рачки† Сообщ. *В. Д. Стоиловъ*.

Кн. XVI. *Дмитріевъ*, Солунъ въ своемъ прошломъ.—*Ивановъ, М.*, Къ изученію болгарскихъ діалектовъ (Замѣтки о говорахъ въ области Средногорскаго нарѣчія).—*Цоневъ, Б.*, Юго-славянская Академія наукъ и искусствъ въ Загребѣ.—*Дановъ, С. Ж.*, Отъ Софіи до Праги. (Путевыя замѣтки и воспоминанія).—*Плачковъ, И. И.*, Окончаніе -е во множ. числѣ существит. муж. р. въ новоболгарскомъ языкѣ.—Народныя болгарскія произведенія (изъ Горно Джумайска, въ Македоніи), запис. *А. П. Стоиловъ*¹⁾.

Кн. XLVIII. *Занетовъ, Г.*, Болгарскія колоніи въ Россіи.—*Бѣлковскій, Гр. А.*, Денежная система въ Болгаріи. Юридическо-экономическій этюдъ.—*Арировъ, С.*, Къ болгарской библиографіи до 1877 года. Авторъ, имѣя въ виду трудъ А. Теодорова: „Български книгописъ“ (1 ч.: со времени первой новоболгарской печатной книги до послѣдней русско-турецкой войны 1641—1877. Софія 1893. 8°. 176 стр.), дополняетъ его библиографическимъ указателемъ 122-хъ изданій.—*Начовъ, Н.*, Экскурсъ въ нашу народную поэзію. Авторъ, ознакомившись съ трудами своихъ и иностранныхъ любителей и изслѣдователей болгарской народной поэзіи, которые касались, главнымъ образомъ, содержанія и отчасти формы народныхъ пѣсенъ, рѣшается внести въ эту область изученія творчества свои небезынтересныя свѣдѣнія. „Ний ще се опита“е, говорить онъ: „да кажемъ нѣщо отъ туй, което тѣ не сж казали.“ Вся его статья состоитъ изъ трехъ частей: 1) Пѣсня и пѣніе въ нашей народной поэзіи, 2) Музыка и музыкальное исполненіе, 3) Виды музыкальныхъ инструментовъ (продолж. и оконч. въ кн. XLIX—L и LI).—Болгарскія народныя произведенія: пѣсни, собранныя *А. П. Стоиловымъ* (жтвенныя, лазарскія, богоявленскія („водички пѣсни“), юрьевскія) изъ Горно-Джумайска и Прилѣпа.—*Стоиловъ, А. П.*, Матеріалъ для болгарскаго словаря изъ Горно-Джумайска.—*Шаткаревъ, К. А.*,

¹⁾ Кн. XLVI и XLVII см. въ „Этн. Об.“ XXIV, стр. 161. Содержаніе XLIV и XLV кн. „Пер. Спис.“ даемъ по оглавленію, помѣщенному въ концѣ XLIII кн.

Еще нѣкоторыя поправки къ сообщеннымъ г. А. П. Стоиловымъ словамъ изъ гор. Прилѣпа, какъ матеріалъ для болгарскаго словаря.— Изъ рецензій можно отмѣтить: *Н. А. Н.* О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана, какъ историческомъ матеріалѣ. *М. Дриногъ*, Византійскій Временникъ, вып. 2.; ? Лекціи по славянскому языковзавію Тимофея Флоринскаго.—Климентъ епископъ словенскій. Трудъ В. М. Ундольскаго, съ предисловіемъ П. А. Лаврова), Алфх (Рѣчникъ на болгарскія языкъ. Найденъ Геровъ.)

Кн. XLIX—L. *Балабановъ, Марко Д.*, Борьба за отечество и вѣру, или Скендербей, албанскій герой (1444—1467).—*Начовъ, Н. А.*, О побратимствѣ. I. Чинъ братотворенія; особая молитва при братотвореніи; апокрифическая легенда о томъ, какъ Провъ назвалъ Христа братомъ, въ видѣ источника братанія; когда побратимство достигло церковнаго узаконенія? II Церковное побратимство и его виды: побратимство, освящаемое чиномъ братотворенія; побратимство молитвой; п. евангеліемъ; п. клятвой; п. крещеніемъ въ одной и той же водѣ; п. купаніемъ въ Иордани; п. совмѣстнымъ ходженіемъ по святынямъ (Св. Иванъ Рыльский, Св. Гора, гробъ Господень); п. по уговору для испрошенія милости Божіей; п. по званію (напр., священники между собой).—III. Народное побратимство: п. по крови; п., устанавливаемое надъ домашнимъ очагомъ (вѣрують ли во имя О. и С. и Св. Д. и въ Евангеліе? вѣрують ли въ огонь?“—вопросы священника); п. ходженіемъ на „росенъ“ (пахучій цвѣтъ—*Dictamnus albus*); п. поцѣлуемъ; п. общаніемъ. Виды и поводы случайнаго побратимства: побратимство съ ровесникомъ или близнецомъ; п. молокомъ (молочное братство). (Неок.)—*Начовъ, Н.*, Экскурсъ въ нашу народную поэзію (продолж.; см. выше).—*Бѣлковскій, Гр. А.*, Денежная система въ Болгаріи (прод.).

Кн. LI. *Палаузовъ, Н. Х.* По поводу статьи: «Болгарскіи колоніи въ Россіи».—*Уста-Генчовъ*. Нѣсколько словъ о народномъ ваяніи.—*Начовъ, Н.* Экскурсъ въ нашу народную поэзію (продолж.).—*Начовъ, Н. А.* О побратимствѣ (продолж.).—Рец. *А. П. Стоилова* въ «Сборникъ отъ македонски болгарски народни пѣсни. Събралъ Наумъ К. Таховъ. София. 1895 стр. 220. Ц. 2 л. 50 ст.

Кн. LII—LIII. *Начовъ Н. А.* О побратимствѣ. IV. Вѣрность, чистота нравственныхъ отношеній; религіозный синкретизмъ; отношеніе къ полу и возрасту; коллективность; нерасторгаемость; родство; права наслѣдства; всенародность и торжественность обычая. V. Эпическое побратимство: побратимство съ стихіями природы; п. въ животномъ эпосѣ; посестринство съ вилами; побратимство въ легендарныхъ сказаніяхъ: съ Богомъ, со святыми, съ ангеломъ и дьяволомъ; побратимство въ свадебномъ ритуалѣ; военно-разбойническое (гайдацкое) побратимство; п. въ быту: широкое употребленіе названія «побратимъ» не въ первоначальномъ смыслѣ. VI. Побратимство—общеславянскій обычай; византійская ἀδελφότης и ея славянское происхожденіе; причины долговѣчности южно-славянскаго побратимства; заключеніе.—*Начовъ, Н.* Изслѣдованіе о стихосложеніи нашихъ

народныхъ пѣсенъ. I. Строфы. II. Число слоговъ въ стихѣ. III. Цезура. IV. Припѣвы. V. Вольные стихи. VI. Дополненіе: какъ создаются народныя пѣсни; создаются-ли теперь народныя пѣсни у насъ; нѣкоторыя новыя народныя пѣсни; подражаніе у нашихъ стихотворцевъ нашимъ народнымъ пѣснямъ. *Флоринскій Т. Д.* Д-ръ Францъ Рачки, первый предсѣдатель Югославянской академіи. Критико-біографич. очеркъ. Перев. И. Миларовъ.

Кн. LIV. *Златарскій В. Н.* Очеркъ болгарской исторіи.—*Ари-роуз С.* Календарь-работъ (деревянная палка съ «чертами и рѣзками»).—Критика. *Дриновъ М.* Рец. на кн.: *Найденъ Геровъ*. Рѣчины на българскій языкъ съ тълкованіе рѣчѣтъ на българскы и на русскы. Часть I. А—Д. Пловдивъ. 1895. LI+396 стр., 8°. (перев. съ русск. см. Т. I кн. 2 «Извѣстій Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Наукъ».)

Газеты и Журналы.

Владимірскій Губ. Вѣд. 1897. 1. Какъ встрѣчали Рождество русскіе цари. Былое скаточныхъ вечеровъ. Рождество Христово у сибирскихъ переселенцевъ.—4. Географія Владим. губ., сост. Смирновымъ (библ. зам.).—6. *Добрыничи*. Вновь возникшіе промыслы въ Муромскомъ уездѣ. I сборъ тальниковыхъ прутьевъ.—8. То же. II. Вылущиваніе желудей.—19. *Спиремскій*. Объ упадкѣ народнаго пѣсеннаго творчества (приведено много новѣйшихъ „куплетовъ“).—22. *Добрыничи*. Производство мочала въ Меленковск. уездѣ.—26. *Сяичи*. *Ильинскій*. Александрова гора близъ гор. Переяславля-Залѣскаго, какъ мѣсто хорошаго Александра Невскаго.—28. *Нефедовъ*. Причитанія Владим. уезда (сочбщено 7 причитаній похоронныхъ дочери по отцу и жены по мужу).

Гродненскій Губ. Вѣд. 1897. 20. К. В. *Вируля*. Краткое описаніе Гродненской губ. (продолженіе, между прочимъ, глава: населеніе и его занятія). N. Изъ Мстисловской вол. Волковскаго уезда. (О воровствѣ цыганки).—30. *Кобринскій*. Изъ Кобринскаго уезда. Трасца (повѣрья о лихорадкѣ).—29, 33, 34. М-ъ. Путевыя замѣтки по Кобринскому уезду. III. Пять дней на съенокосѣ.—66. *Ө. Д-вичъ*. Темныя силы въ деревнѣ (знахарство въ Слонимскомъ у.).—74. А. Г. Мильникъ, заштатный г. Грод. губ. (Условія жизни и занятія).—70. Способы обработки земли въ Бѣлоруссіи 300 лѣтъ тому назадъ („Вѣд. Вост.“).

Духовный Вѣстникъ грузин. энзархата. 1897. 11, 14. Хлысты (обрядовая ступона секты). Свящ. *І. М.*—12, 15. Обзораніе церквей энзархомъ Грузіи Владиміромъ. *И. К.* (приводятся сказанія и свѣдѣнія о построеніи церквей).—14. Касубанскій монастырь Пресв. Богородицы, свящ. *П. Карбелова*.

Извѣст. 1897. 103. Описаніе манускрипта XVII в. съ лѣчебникомъ и „книжлосомъ“.—114, 115. Истор. справка о сношеніяхъ армянъ съ грузинами.—134. Клинкуши въ дер. Ворбало.—144. Тяжба двухъ деревень мохавцевъ.—155. Землевладѣніе въ Кизикии.—165. Баградъ-мирва (истор. повѣсть). *Парк.*—191. Конгрессъ ориенталистовъ въ Парижѣ. *А. Хаханашвили*.—199. О воинскихъ надписяхъ. *Татаркани Дадшкеліани*.—203. Шав-набада (легенда). *Н. Асламашвили*.—227. Мингрельскій языкъ въ обществѣ и литературѣ. *А. Хаханашвили*.—246. Образованность у словаковъ (перев. съ рус.).—240. Индійскія жемчужины (изъ Revue encyclopédique).—258, 261. Древняя груз. рукопись „Служба Іакова“. *М. Джанашвили*.

Кавказское Сельское Хозяйство. 1897. 183. Хозяйство мингрельцевъ. *Н. Курнаки*.—187. Изъ Озургетскаго уезда (экономич. очеркъ).

Кавказъ. 1897. 143. „Землевладѣніе“ съ приложеніями под. ред. Д. Н. Агушва. Библ. *А. Хашова*.—160. О дворянскомъ землевладѣніи въ Кизикии. *Д.*—161. Нѣсколько словъ о нашемъ военно-историческомъ музеѣ. *В. Потто*.—172. „Батонеби“ (геніи болѣзней) въ Кутаис. губ. *П. Петрова*.—176. Изъ практики сельскихъ судовъ. *А. Кипшидзе*.—178. Нравы и обычаи хевсуръ. *А. Никитина*.—185. Осетинскіе бѣсоватые. *Кесаева*.—199. Свадебные обычаи у молчанъ. *Ө. Д.*—204. Библ. Матеріалы по исторіи Грузіи. *Э. Жордания*.—206. Письма изъ Кизикии. *А. Натроевъ*.—210. Погребеніе у мусульманъ. *Сениц. Иваничкаго*.—228, 245. Древняя исторія Кавказа по кинообразнымъ надписямъ.

самъ Вана. *М. Дж.*—312. Судъ присяжныхъ на Кавказѣ.—314. Библ. „Земле-вѣдѣніе“ за 1897 г. Кн. I—II. *А. Хаа.*—316. А. А. Марлинскій (Вестужевъ) *В. Потто.*—1898. 6. Царица Тамара въ народной легендѣ и у Лермонтова *Андрѣ Веселовскій.*

Казбекъ. 1897. 63. Надежда и разсудокъ. Легенда *Осипа Шубина* (съ ям-ецкаго).—101. Можно-ли вѣрить жентъ. Кавказъ сказка.—109, 110, 113. Горы и ущелья отъ Теберды до Большого Зеленчука.—118. Пастухъ и бѣсъ (осетин. сказаніе). *Кесаева.*

Налужскія Губ. Вѣд. 1897. 33. Ливонская сага о происхожденіи Чудского озера. (Изъ „Прав. В.“)—35. Важная археол. находка. (Барельефы въ г. Турѣ, во Франціи; изъ „Нар.“)—50. Древнее кладбище (болѣе 200 лѣтъ тому назадъ въ Житомирѣ; изъ „Н.“)—66—69. Сіамскій король и его страна (изъ „Н. В.“)—73. Почаевъ. Открытіе большого клада. (Найдено оружіе, польскіе и голландскіе дукаты и пр. Изъ „Р. С.“)—83. Археологическая находка въ по-гостѣ Дворцахъ, Псковской губ., Новоржев. у. (2 колокола XVI в. и котелъ съ мѣдными монетами. „Пск. Г. В.“)—105. Всероссийскій миссіонерскій съѣздъ въ г. Казани.—О хлыстовской сектѣ.—116. Внутр. изв. Суевѣріе относи-тельно убитого молвіей въ Абхазіи (изъ „Р. С.“).

Кавал. 1897. 34, 35. Народное преданіе о временахъ XVII в. (господство турокъ въ Имеретіи).—23, 37. Тушинскія пѣсни.—30. Нѣкоторые обычая японцевъ.—38, 39. Историко-археологическое описаніе дер. Удѣ (Ахалцыхск. уѣзда, Телис. губ.).—41. Философскія сочиненія католика Антонія I. *А. Аханашидзе.*—50—52. Два акта („гуджары“), касающіеся экономическаго быта тушинъ. *Д. Албанели.*—50. Грузин. рукописный словарь С. С. Орбе-лиани, хранящійся въ Гелатѣ.

Новосибирск. Губ. Вѣд. (Прибавленіе). 1897. 52—56. Общественное приращеніе у крестьянъ.

Міровые Отголоски. 1897.—46. Находчивый человѣкъ: посредничество между жителями того свѣта и земными обитателями. (Изъ „Самар. Вѣст.“)—47. *Е. Шмурло.* Сибирскія письма.—Малороссія. Отношеніе къ переносу: она истолкована въ смыслѣ ревнивыхъ сказокъ, имѣющихъ цѣлью закрѣпленіе недвижимости. (Изъ „Кіев. Слова“).—48. Сибирь. Замѣтка о новоселцахъ въ Бѣловодскомъ участкѣ Маріинск. окр. (Изъ „Сибир. Вѣст.“)—Отношеніе сибирскихъ крестьянъ къ переносу: мнѣніе о томъ, что описанный будетъ зачисленъ по мѣсту его записи. (Изъ „Енисей“).—49. Периодическая печать. Замѣтка о вѣрѣ китайцевъ въ загробную жизнь. (Изъ ст. Краснояръ въ „Книжкахъ недѣли“).—50. Сибирь. Замѣтка о жизни инородцевъ въ Вилюй-скомъ округѣ (Изъ „Нижегород. Листка“).—52. 58. 65. 79. *И. Е. Шесченко.* Красноярскій. Отъ Каспія до Аму-Дарьи. (Рисунки къ № 79 въ № 80, къ № 52—въ № 53).—53. *Теофрастъ Ренодо.* Парижскій карнавалъ.—Запад-ный край. Розыски пропавшаго человѣка при помощи указной гадаки. (Изъ „Смолен. Вѣст.“).—58. Ялтинское побойще. Описаніе побойща между русскими и турецкими рабочими въ Ялтѣ (см. также въ № 64 изъ „Южн. Края“).—59. Екатеринбургскій Соломовъ. Воръ выдаетъ себя подъ вліяніемъ угрозы, что соломовка, находящаяся у того, кто укралъ, должна увеличиться.—60. Шполянскій погромъ. Описаніе еврейскаго погрома въ мѣстечкѣ Шпола.—61. Придѣлпоровье. Мнимая святая и ея вліяніе на деревенскую молодежь. (Изъ „Смолен. Вѣст.“)—63. 66. 67. 69 70. 76. 80. 82. 84. 85. 92. 94. *Юр. Казн-Вѣст.* Письма изъ Константинополя.—Періодич. печать. Выдержка изъ статьи „Генераль Кирѣевъ о штундистахъ“, помѣщ. въ жур. „Revue internationale de Théologie“. 65. Выгодныя невѣсты. Служь о томъ, что преступленіе дѣвушекъ, отъ-завшихъ голову мужику, можетъ загладиться и дѣвушки будутъ освобождены отъ наказанія, если онѣ выйдутъ замужъ.—66. Охота на тура въ Кавказскихъ горахъ (съ рисункомъ).—Смѣсь. Бракъ между умершими—обычай, существо-вавшій прежде среди татаръ.—Поволжье. Выдержка изъ помѣщенного въ „Ни-жегородск. Листка“ отчета о состояніи Васильево-Слободской библіотеки (Ба-лахи. у.); данныя объ отношеніи крестьянъ къ книгѣ (см. также № 76)—71.

Изъ данныхъ германской уголовной статистики. (Изъ ст. В. Срезневскаго (въ март. кн. Журн. Мин. Юст.) Наблюденія изъ практики Мирового Судьи. Изъ ст. г. Тулуба въ той же кн.).—72. С. Рыбаковъ. Состояніе просвѣщенія среди нашихъ инородцевъ и коренного населенія.—74. Изъ Туркестанскаго края. Замѣтка о туркестанскомъ винодѣліи; о травѣ артемизии („дарина“).—75. Периодическая печать. Описаніе карнавала въ Ниццѣ (Изъ „Москов. Вѣд.“).—Деревенская газета. О газетѣ, издающейся въ с. Павловѣ, Нижегород. г. (Изъ „Волгара“).—Изъ Туркестанскаго края. О санитарныхъ условіяхъ жизни сартовъ и отношеніи ихъ къ русскимъ врачамъ.—Поволжье. Женщина въ качествѣ повѣреннаго на мировомъ судѣ. (Изъ „Казанск. Тел.“).—Слухи среди крестьянъ о войнѣ съ турками; мнѣніе ихъ о планѣ построенія жел. дор. въ Сибири и о переплывѣ. (Изъ „Саратовск. Дневн.“).—Югъ. Замѣтка о несогласіяхъ среди старообрядцевъ Кіевск. г. (Изъ „Кіевск. Слова“).—О земледѣльцѣхъ нѣмецкихъ колонистовъ въ Крыму. (Изъ „Новороссійск. Тел.“).—79. Поволжье. Самарскій заклинатель бѣсовъ (Изъ „Саратовск. Газ.“).—81. Антоніо Консельейро—черный пророкъ. Мнимый пророкъ новой религіи (о ея сущности не говорится), составившій себѣ отрядъ изъ 10,000 послѣдователей и наводившій ужасъ на Бразилію своими разбоями.—*Нильс Бронскій*. Лондонскіе отголоски. Здѣсь, между прочимъ, есть краткая замѣтка объ исторіи развитія пьянства въ Англіи и его statu quo (по ст. Arthur'a Shadwell'a „Исторія пьянства въ Англіи“ и ст. Джона Мунро „What London Drinks“ въ янв. кн. 1897 г. „Cassells Family Magazine“).—82. Новый народъ карликовъ, открытый на Памирѣ датскими охотниками Олуесенъ и Филиппсенъ.—83. Сибирь. О земледѣліи у киргизовъ (изъ „Сибирск. Вѣстн.“).—*Еж. Уманецъ*. Успенскій день въ Бахчисарѣ.—86. Поволжье. Погребеніе самоубійцы въ кладбищѣ, какъ причина засухи у крестьянъ Сергачск. у. (изъ „Нижегор. Листка“).—87. *Н. Рыллинъ*. Современная деревня. I. Исканіе правды. Исторія одной покупки земли всей деревней, раскрывающая внутренніе деревенскіе отношенія.—Юго-запад. край. Замѣтка о чехахъ-колонистахъ (изъ „Волынъ“).—Сѣрный зѣдръ, какъ суррогатъ водки (изъ „Екатерин. Г. В.“).—Югъ. Транспортъ переселенцевъ въ Приамурскій край (изъ „Нов. Обзор.“).—87. Восточная азіатка (легенда).—Александръ Николаевичъ Пыпинъ. Краткая замѣтка о его дѣятельности; тутъ же его портретъ.—90. Иганіе домовыхъ въ Мюнхенѣ (изъ „Münchener Neueste Nachrichten“).—91. Изъ малайскихъ явановъ. Фактъ, характеризующій отношенія между супругами.—Д. К.—44. Типы современной культуры.—Техническое образованіе въ Японіи.—Кавказъ. Замѣтка о переселенцахъ на Кавказъ (изъ „Нов. Обзор.“).—Туркест. край. О мусульманской сектѣ, напоминающей нашихъ хлыстовъ (изъ „Окраины“).—О сближеніи между русскими и кочевниками магометанами (изъ „Киргизск. Стенн. Газ.“).—92. Засѣданія ученыхъ обществъ. Замѣтка о докладѣ П. Козлова о его трехлѣтн. путешествіи по центр. Азіи, совершенномъ вѣствѣ съ В. П. Роборовскимъ въ 1893—95 гг.—Оверъ. О сѣздѣ безпоповцевъ (изъ „Ватск. Г. В.“).—Поволжье. Лѣкарство „киндеръ-бальзамъ“, какъ суррогатъ водки (изъ „Нижегор. Листка“).—Сибирь. Выкормива пушныя звѣрь на дому—промыселъ тобольскихъ инородцевъ (изъ „Юан. Кр.“).—94. Поволжье. Эксплоатація потайной милостыни съ преступной цѣлью.—95. *И. М. Рубинцовъ*. Кулачный бой (Письмо изъ Америки). Состязаніе боксеровъ и отношеніе къ нему американцевъ.—96. *Нильс Бронской*. Англіискія предпріятія въ Персіи. Изложеніе ст. Эдуарда Кроу „English Enterprise in Persia“, помѣщенной въ „The Nineteenth Century“.—97. *Ал. Федоровъ*. Мирная задача арміи. Армія, какъ школа народа.—Школьный вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ.—97. Польскій край. Дѣло о продажѣ дѣвушекъ въ гаремы („Волынъ“).—Кавказъ. Паника въ Баку вслѣдствіе ожиданія чумы. („Сар. Дн.“).—98. 106 113. 132. 134. 137. 140. 145. 146. 147. 149. 154. *Юрій Казы-Бекъ*. Письма изъ Константинополя.—98. *III—ржк*. Рецензія о книгахъ Милля „О подчиненіи женщины“ и Фаррара „Женщины у домашняго очага“.—99. Сѣв.-зап. край. Стремленіе къ переселенію среди крестьянъ

Витебск. г. („Смол. Вѣст.“).—100. 127. 146. *И. Шевченко-Красногорскій*. Отъ Каспія до Аму-Дарьи.—101. Нашла коса на камень. Восточная сказка. 103. Период. печ. Объ исторіи завоеванія Сибири (изъ ст. Дадлова въ „Книжкахъ Недѣля“).—104. *Из. Ал-скій*. Кіевскіе отъѣзды (здесь, между прочимъ, свѣдѣнія о положеніи дѣла народнаго образованія въ Кіевѣ и о санитарн. состояніи Кіева).—*А. Е. Изъ Ферганской области*. О мѣстныхъ разбояхъ.—Черноземн. полоса. О бюджетномъ положеніи переселенцевъ во время пути („Орл. Вѣст.“).—Малороссія. Фактъ, свидѣтельствующій объ усиленіи интереса крестьянъ къ книгамъ („Жизнь и Искусство“).—107. *Д-тъ*. Волки и овцы. Возраженіе на статью „Нов. Вр.“, относившіяся отрицательно къ армянамъ въ Россіи.—Сибирь. О знахаряхъ въ Сибири („Томск. Л.“).—108. *Nick*. Письма изъ Германіи. О дѣлѣ д-ра Петерса, бывшаго имперскаго комиссара африканскихъ земель, находящихся подъ протекторатомъ Германіи.—*Н. Левитскій*. Два слова къ вопросу о пересмотрѣ законодательства объ артелях.—Червоземная полоса. Стремленіе къ переселенію у крестьянъ черноземной полосы („Калужск. Вѣстн.“)—110. *Соврем. лѣтоп.* Посѣщеніе могилъ родныхъ въ Финляндіи въ Петербургѣ. *Ниль Бронской*. Лондонскіе отголоски. Иллюстраціи къ современному пьянству высшихъ классовъ англійскаго общества и его прекраснаго пола въ особенности.—Статистич. данныя по поводу переселенч. дѣла Курск. г. (Курск. Лист.“).—111. 119. По Окъ. *Изъ путевыхъ впечатлѣній*.—111. Туркестанскій край. Корреспонденція, рисующая положеніе промышленности въ Туркестан. кр.—*А. Осиповъ*. Эксплоатація религіознаго чувства (сборы пожертвованій на афонскіе монастыри) („Иверія“). 112. Замурованные фанатики. Запино погребенные въ Тираспольскомъ у. („Одесск. Лист.“).—*Литотисецъ*. Литературная лѣтопись. Указывается на отношеніе населенія къ переписи и приводится рядъ выдержекъ изъ провинц. газ., рисующихъ впечатлѣнія счетчиковъ.—*Вас. Разиньковъ*. Воробьиная ночь. Ночныя грозы въ Малороссіи и отношеніе къ нимъ населенія.—113. Поволжье. Статистич. данныя о крестьянскомъ землевладѣніи въ Нижегородѣ. г. („Нижегородск. Л.“).—114. Рисунокъ изъ ст. „Отъ Каспія до Аму-Дарьи“.—*З. Шведскій* изслѣдователь Азін Свенъ Хединъ (Sven Hedin) (съ портретомъ).—*Philharmonizm*. Поблги и Арабески. Здесь, между прочимъ, замѣтка о новѣхъ Святозара Гурбана-Ваянскаго „Иродъ“, въ которой описываются страданія слованихъ сиротъ, похищенныхъ мадырами съ политической цѣлью.—116. *А. Черскій*. Норвежскія саги о чумѣ. I. Куропатка въ Истедаль. II. Церковь въ Вальдеръ.—117. Увеличеніе морскихъ и военныхъ силъ Японіи и ея финансы („Times“).—119. *Из. Ал-скій*. Кіевскіе отголоски. Здесь, между прочимъ, о вліяніи городской культуры на малороссовъ.—Корреспонд. изъ Туркестанскаго края. Народная школа у мусульманъ.—Поволжье. Служа, восстанавливающіе крестьянъ противъ интеллигенціи („Сар. Дн.“).—122. Царство пигмеевъ въ Азін. Объ открытыхъ датскими путешественниками, Олсенъ и Филсенъ, страхахъ на Памирѣ съ населеніемъ очень небольшого роста.—Европейскіи дуэли (статистика ихъ).—Ежегодныя самоубійства въ Европѣ (статистика ихъ).—Упадокъ рыбной промышленности.—Закаспійская область. Текстъ прошенія, поданнаго жителями тохтамышскаго района, Мервск. у., рода Векиль, ва ния начальника области, объ оставленіи у нихъ навсегда ихъ вачальника („Закасп. Обзор.“).—124. Махмѣвскіе безпорядки. Безпорядки въ слоб. Махмѣвъ, вызванные тѣмъ, что арендаторъ земли, на которой происходила ярмарка, ввмалъ съ продававшимися на ней скота особый сборъ въ свою пользу. („Привз. кр.“). Еврейскій погромъ въ Херсонской г. („Волгарь“).—126. Периодич. печать. Случай изъ исторіи сибирск. суевѣрія („Русск. Старина“).—Новыя жертвы фанатизма. Новыя данныя о заживо погребенныхъ въ Тирасп. у. („Одесск. Нов.“).—127. Американскій азартъ. Случай увлеченія азартными играми.—Засѣданія ученыхъ обществъ. Замѣтка о докладѣ Свещъ. Гедина въ отд. геогр. И. Р. Г. О.—*Ал. Ф.* „Хлѣба и сильныхъ ощущеній“. О стремленіи современнаго культурнаго человечества къ сильнѣйшимъ ощущеніямъ („Изложеніе ст. „Crime in current literature“ въ „Westmin-

ster Review").—128. Приуралье. Санитарное состояніе мястныхъ городовъ („Ураль").—Черновоз. пол. Экономическое положеніе крестьянъ сельца Шевелева, Орловск. у. („Недѣля").—Случай крестьянскаго самосуда („Сар. Дн.")—Рисунокъ къ 12 гл. ст. „Отъ Каспія до Аму-Дарья").—Л. Черскій. Живыхъ Нигары (Ай-Тодорская легенда).—129. М. Вернозъ. Письма кругосвѣтнаго путешественника. — 132. *Скиталецъ*. У евангелистовъ. — Поволжье. Несчастный случай въслѣдствіе свадебнаго обычая запереть спальню новобрачныхъ („Сар. Дн.").—133. Черновоз. полоса. Сопротивленіе властямъ при изысканіи водопоя („Южн. Кр.").—Югъ. Новыя данныя о тираспольскихъ сектантахъ („Одесск. Л.").—134. Внутр. почта. Земельныя недораумія у крестьянъ съ помѣщиками („Калушск. Вѣстн.")—136. Периодич. печать. Описаніе китайскаго суда надъ хунхузами („Развѣдчикъ").—137. *Нилъ Бронской*. Довдонскіе отголоски. Новая женщина въ Англіи.—Примѣры крестьянскихъ поновокъ („Сельск. Вѣстн.").—138. *Robert Donald*. Какъ живетъ оранцузская деревня. —139. Англичанцы о Сибири. Свѣдѣнія о путешествіи по Сибири подполковника Уотерса.—140. Телеграфъ и суевѣріе. Крестьяне въ окрестностяхъ Вандль-Валы (Австрія) думаютъ, что электрическіе проводники привлекаютъ тучи.—Статистика безработицы.—140. Внутр. почта. Сопротивленіе властямъ („Одесск. Нов.").—141. Внутр. почта. Приговоръ крестьянск. обществъ, отыгивающій обществ. мораль при наймѣ пастуха и т. п. едѣлахъ („С. Л.").—143. *И. М. Рубиновъ*. Письма изъ Америки. Воскресный отдыхъ и американское духовенство.—144. Древность массажа.—Къ свѣдѣнію русскихъ членовъ предстоящаго женскаго конгресса съ Брюсселя. Библиографія женскаго вопроса.—Сельскохозяйственные очерки Забайкалья. Станица Могойтуйская, Акинск. окр.—Краткое описаніе древняго влады, найденнаго близъ дер. Сохъ, Опатовск. у.—144. 145. *Н. С.* Новый видъ обскурантизма. Реченія на ст. Людоинка Кривницкаго „Генезисъ идей" („Міръ Б.", май, 1897 г.).—145. Англичане и библия. Краткое изложеніе ст. о дѣятельности Вританскаго и иностраннаго Виблейск. Общ. въ „*Me Clure's Magazine*".—145. 152. *А. И. В.*—мъ. Среди моря и скалъ. Изъ путешествія по Финляндіи.—145. Бабій бунтъ.—146. *Е. А.—ди*. Абиссинія, какъ будущая часть православнаго міра.—Послѣднія извѣстія. Сопротивленіе переписи со стороны татаръ. Слухи о томъ, что перепись производится съ цѣлью обращенія татаръ въ православіе и распространенія среди нихъ русской грамотности, при чемъ во всѣхъ татарскихъ деревняхъ построить аптеки и повѣсить волежъ мечетей колокола („Волежск. Вѣстн.").—147. Послѣднія изв. О цыганахъ въ Бессарабіи („Бессараб.").—148. Поезд. изв. о Ѳеодорѣ Ковалевѣ („Бессараб.").—149. 150. 151. 153. *Д. Райскій*. Наши задачи на дальнемъ Востока.—149. Религіозная война въ Бразиліи (О сектѣ Антонио Консельера (Масіела то-жъ).—150. Ч. Въ Палестину и Сирію Изъ путевыхъ писемъ натуралиста.—151. Послѣд. изв. Статистическія свѣдѣнія о Кавказѣ по послѣдней переписи.—152. Пос. изв. Нищенство, какъ промыселъ въ Пензенск. г. („Сар. Л.").—153. Торговля въ Абиссиніи.

„Моабѣ". (Вѣстникъ, грузин. ежемѣсяч. журналъ). 1897. I, VI. Самуравано. Письма турста. *Ө. Сазокія*.—I. Новый годъ („Каландоба") въ Мингрелии. *Ею-же*.—II, IV, V, VII, IX, X, XI. Ложныя вѣста въ повѣи „Барсова Бона" („Велхисъ Ткаосати"). *А С.—шым*.—I, II, III, IV. Тушинскія пѣсни, собранныя *Д. Ростомашвили*.—III. Вюркратія въ грузинскомъ царствѣ. *А. Хаханашивили*.—II, III, IV. Рапайна. Переводъ съ нѣмецкаго. *А С.—шым*.—II, V, XI. Абхазцы. Этнографическій очеркъ. *Н. Джанашия*.—X. Мингрельскія послонницы. *Ө. Сазокія*.—Гурія-Адгара. Письма турста. *Ею-же*.—VIII. Народныя пѣсни. *Ею-же*.—XII. Извѣстія арабскихъ и персидскихъ писателей о Грузіи. Переводъ.—XII. Грузины-католики. *Л. Исарлова*.—Картинки изъ сельской жизни. *Две. Каданшвили*.

Наука. 1897. 4. 5. *В. М. Козаришукъ*. Жертва и жертвенныя дѣти. (Гуццльская сказка, стр. 283—290; она носитъ на себѣ слѣды литературной обработки, по крайней мѣрѣ, въ слогѣ, хотя сказано, что она записана въ

с. Плоской).—Библиография: „На верблюдах“ Уралова; „Наши родичи“, Желтиковой.—6, 7, 8. *Н. Захарина* (Якунина). Каменная баба. (Датская легенда).—*В. М. Коварищук*. Капшукъ (жопелекъ, гудульская сказка, зап. въ с. Черногоузъ съ такими же особенностями въ „слогахъ“).—Всячина. Похоронные обряды индййцев („Моск. Вѣд.“).

Новое Обозрѣніе. 1897. 4620. Положеніе армянъ въ Грузинскомъ царствѣ. *А. Хач-ова*.—4626. Свотокрадство у горцевъ. *Ганно Б.*—4622. Грузины и грузинки. *М. Д.-м.*—4679. Истор. справки (патр. Нерсесъ V. Татар. литографа въ Тифлисѣ). *А. Ериноу*.—4677. Безземелье въ Осетіи. *Г. Цаголовъ*.—4686. Венгерцы и кавказскій племена.—4719. Сванетія. (Экономическій очеркъ).—4726. XI конгрессъ ориенталистовъ въ Парижѣ *А. Хач-ова*. 4719, 4731, 4759. Сванеты. (Экономич. очеркъ). *К. Николадзе*.—4726, 4731. XI Международ. съѣздъ ориенталистовъ въ Парижѣ. *А. Хач-ова*.

Оренбургскія Губ. Вѣд. 1897. 36. Смѣсь. Перепись. Отношеніе къ ней нѣкоторыхъ образованн. обывателей.—Эскимосскія постройки въ Оренбургѣ. Чумы изъ снѣга, выстраиваемыя извочниками для защиты отъ холода и вѣтра.—37, 43, 50. *Н. Аскій* Очерки Приуралья.—37. Смѣсь. Рамазанъ или рамаданъ. Краткое описаніе его.—38. *Г. Г. Мязовой* дворъ въ 1896 г.—Островъ Критъ (изъ „Правит. Вѣстн.“).—39. *А. Кузнецовъ*. О времени основанія селъ и деревень. Краткая замѣтка, указывающая на то, что на основаніи данныхъ переписи можно судить о времени основанія селъ и деревень.—40. Оренбургскій казачій полкъ въ Харьковѣ. Взятіе городка. Описаніе казачьяго праздника, на которомъ происходитъ взятіе сѣнагового городка и джигитова (изъ „Харк. Г. В.“).—41. Мысли и факты. Извлеченіе изъ статьи Тилле (въ „Nord und Süd“): „Ворьба за обладаніе немцами шаромъ“ (попытка отвѣтить на вопросъ, „какая раса и какое племя одержитъ верхъ въ борьбѣ за миръ“, изъ „Русск. Вѣд.“).—Засѣданіе Оренбургск. Отд. И. Р. Геогр. Общ.—44. Взятіе сѣнжныхъ городковъ.—45. Рецензія на ст. Чернавскаго „Слобода Куртамышъ“ („Оренб. Еп. Вѣд.“).—46. Рассказы счетчиковъ („Приаз. кр.“).—47. *Н. Ивановъ*. Откуда появилась медвѣдь. Стихотворное переложеніе литовскаго преданія.—Письмо урядника Моршинскаго, переселинаго въ 1895 г. въ Уссурийск. казачье войско, къ своимъ оренбургск. землякамъ.—48, 49, 50. Изъ парижскихъ писемъ. Масляница въ Парижѣ.—48. Смѣсь. Неумѣстное остроуміе. Отношеніе къ переписи нѣкоторыхъ образованн. людей.—51. *Ф. Г. Хлѣбная* торговля въ Оренбургѣ.—*В. Ахиръ* заманъ нитаби (ученіе о кончавъ міра). Рецензія на ст. Е. А. Малова (въ XIV т. *Извѣстій Общ. Арх., Ист. и Этногр.*) объ этой книгѣ, очень распространенной у татаръ, башкиръ и киргизовъ.—Засѣданіе Оренб. Отд. И. Р. Г. Общ.—52. Русская жизнь. О преувѣличенномъ страхѣ чумы, распространившемся среди рабочаго населенія (изъ *Ек. Г. В.*)—О дѣятельности И. Р. Г. Общ. и Антрополог. Общ. въ изученіи „Востока“ (изъ „Правит. Вѣстн.“ и „Московск. Вѣд.“).—Смѣсь. Происхожденіе слова „тость“.—53. Побойше русскихъ съ турками въ Ялтѣ (изъ „Моск. Вѣд.“).—Интересная семья. Изъ наблюденій сельскаго счетчика.—58. Смѣсь. Греческія пословицы.—85. Русская жизнь. О жолудовомъ промыслѣ въ Владимірск. г. (изъ „Вѣд. Г. В.“).—Стороннее сообщеніе. О собраніи и изданіи народнхъ русскихъ сказокъ (отъ Отд. Этн. И. Р. Г. Общ.).—Смѣсь. Чума и шаеранъ. Обычай индййскихъ шивтовъ обсыпая покойниковъ шаераномъ (изъ нѣмецк. газ. „Врачебное Обозрѣніе“).—67. Изъ парижскихъ писемъ. „Ми-каремъ“—половина поста, парижскій праздникъ.—69. Отчетъ Оренб. Ученой Архивн. комиссіи за 1895—96 г.).—70. *Н. Ивановъ*. Въ Слободкѣ. Изъ записной книжки оренбургск. счетчика (отношеніе раскольниковъ къ переписи).—71. Засѣданіе Оренбургск. Учен. Архивн. комиссіи.

Орловскія Епарх. Вѣд. 1897. 16—18. Пашковны и ихъ ученіе (прод. и оконч.).

Отголоски. 1897. 67. Судъ и преступленія. Дѣло о насиліяхъ по поводу всенародной переписи. (Слухъ, что перепись имѣетъ въ виду обращеніе населенія въ барскихъ крестьянъ). Изъ „Камско-Волжск. края“.—70. Еврейскій погромъ; ложные слухи объ евреяхъ (изъ „Одесск. Нов.“).—Случай доб-

ровольнаго погребенія заживо девяти человѣкъ раскольниковъ на берегу Двѣстровскаго лимана (изъ „Олес. Нов.“).—72. Дополнительные свѣдѣнія объ заживо погребенныхъ.—80. Японія и японцы. Выдержки изъ корреспондентки въ „Новомъ Вр.“ и изъ статьи проф. Краснова въ книжкахъ „Недѣли“.—82. Судъ и преступленія. Фанатизмъ: послушникъ Николаеваго монастыря Буняновъ найденъ умершимъ въ пещерѣ и зарытымъ по грудь въ землю; около него просфоры, иконы, лампады, духовныя книги. Онъ просилъ, чтобы его зарыли для спасенія его души (изъ „Уральца“).—90. Судъ и преступленія. Случай изувѣрства („Оренб. Л.“).—91. Нравы современной деревни („Нов. Вр.“).—95. Разныя извѣстія. Духоборы въ пересыльной тюрьмѣ („Сар. Дн.“).

Пермскія губ. Вѣд. 1897.—34. 36. *Александръ Наумовъ*. Изъ исторіи заселенія и просвѣщенія Зауралья.—Поклонники дьявола. (Изложеніе доклада, читаннаго въ засѣданіи И. Р. Г. О.).—Лотось, какъ архитектурное украшеніе.—39. Изъ Самары. Свообразная процессія: убиральщики иконъ, выходы изъ с. Мстеры, Шуйск. у., Владимір. г.—40. Среди газетъ и журналовъ. Отношеніе населенія къ переписи. (Изъ „Астрах. Листа“).—42. Аэрианскіе диакри. (Изложеніе доклада д-ра Пацуконича о поѣздѣ въ Абиссинію, читанномъ въ Антрополог. Общ.).—44. Разныя извѣстія. Рамазанъ. Замѣтка объ нагометан. праздникѣ рамазанъ.—45. Изъ с. Усть-Кемское. У остояковъ. Фактъ, свидѣтельствующій о непониманіи остояками христіанской религіи.—Жизнь въ тайгѣ.—Разныя извѣстія. Вліяніе погоды на количество преступленій.—46. Вара китайцевъ въ загробную жизнь.—47. Изъ с. Троицкаго, Пермск. у. Житійскіе курьезы. Жалоба въ судъ на поминовеніе „за упокой“ при жизни.—49. Разныя извѣстія. О способахъ укрощенія на востокѣ дикихъ леопардовъ.—50. Кустарныя издѣлія остояковъ.—51. О происхожденіи первыхъ обитателей о-ва Крета.—62. Десятники бабы. Отправленіе общественной службы женщинами въ Арханг. губ. (Изъ „Рус. Судоходства“).—Разныя извѣстія. Полезный обычай. Обычай амереванцевъ устраивать дѣтскіе праздники съ посадкой деревьевъ.—55. Среди газетъ и журналовъ. Замѣтка о жизни и дѣятельности знаменитости Федосѣевского раскольниковаго толка въ Москвѣ—матери Евникии (Изъ „Свѣта“).—56. Лѣченіе „внутренней грѣсти“ угусами крысъ. (Изъ „Врача“).—59. Судебная хроника. Кишиневскій окружной судъ. Дѣло о продажѣ снадобій и вещей, имѣющихъ будто бы сверхъестественную силу.—60. Изъ Бѣйска „Войнишки“. (Кулачные бои на масляницѣ).—60. Русскія менонитки. (Изъ „Крыма“).—61. Изъ Махонскаго села Шадринск. у. Санакція нищенства. Нищие погорѣльцы съ нашитыми на шапкахъ и на груди удостовѣреніями сельскихъ властей („покормешниками“) (Изъ „Урала“).—61. Брачное условіе. Засвидѣтельствоваанныя полиціей письменныя условія гражданск. брака. (Изъ „Луча“).—62. Самара. Адвокатъ загробнаго міра. Старикъ, промышляющій посредничествомъ между крестьянами и обитателями того свѣта.—64. Среди газетъ и журналовъ. Отношеніе прѣстѣй къ различнымъ русскимъ авторамъ. Изъ статьи г. жи Волкова въ „Образованіи“.—70. Сормово. Балахи. у. Гусные бои.—75. С. Покровъ, Сергаченск. у. Неугомонный удавленникъ. Взглядъ крестьянъ на погребеніе самоубійцы на кладбищѣ, какъ на богопротивное дѣло.—79. Среди газетъ и журналовъ. Изъ сибирскихъ воспоминаній д-ра Вѣлогодова; фактъ, характерн. крещеныхъ бурятъ.—80. Тобольскъ. Новый кустарный промыселъ: питомники пушныхъ звѣрей у инородцевъ.—81. Среди газетъ и журналовъ. Фактъ, свидѣт. о непониманіи русскимъ народомъ догматовъ христіанства.—Судебная хроника. Поруганіе надъ трупомъ съ сусѣдкою цѣлю.—82. Среди газетъ и журналовъ. Замѣтка о положеніи жвачины у русскихъ менонитовъ (изъ „Крыма“).—Деревенскій журналъ. О надѣющемся въ с. Павловѣ, Нижегородск. г. журналѣ, посвященномъ интересамъ крестьянск. самоуправленія.—84. Разныя извѣстія. Телеграфъ и китайцы. Объ отношеніи китайцевъ къ телеграфу (Изъ „North China Daily News“).—Погибшіи материкъ. Изложеніе публичной лекціи объ Атлантидѣ, чит. д-ромъ геологіи Карно-

жицкимъ въ Петерб.—83. Разныя извѣстія. Примѣты вотяковъ.—92. В. Кричевскій. Добровольныя ссмыслныя. Беллетристич. очеркъ, въ которомъ изображаются крестьянскія жевщныя, добровольно слѣдующія въ ссылку за мужьями.—94. Ловля жемчуга. Изложенье доклада И. П. Вартенева „О жемчужномъ промыслѣ, по р. Повзвчанкѣ Олонек. г.“ читаннаго на Московской выставкѣ рыболовства и рыболовства.—95. Свайный постройки. О свайныхъ постройкахъ, открытых въ Флоридѣ (Америка) экспедиціей подъ начальствомъ проф. Франка.—96. Отхожіе заработки поволжскихъ крестьянъ. Краткая записка, указывающая на отсутствіе организаціи правильнаго распределенія рабочихъ рукъ во время лѣтней рабочей поры. Помѣшательство на религіозной почвѣ (изъ с. Пирога, Кремовчугск. у.)—97. Кри-кри. Злобы дня. О предразсудкѣ относительно майскихъ браковъ (боязнь вѣнчаться въ маѣ, чтобы не мѣлаться всю живая). Указывается на распространенность этого предразсудка.—98. Историческій очеркъ угнетенія на уральскихъ горныхъ заводахъ. Изложенье доклада г. Бокова, читаннаго въ периской комитетѣ Уральск. Общ. любит. естествозн.—99. Обрядъ присяги у китайцевъ.—100. Земская школа и расколъ. Записка объ отношеніи старообрядцевъ въ школѣ. (По Ежегоднику, издав. Московск. губерн. земск. управ.).— Среди газетъ и журналовъ. Факты обману супругами въ Звенигородск. у. (Изъ „Кіевлян.“)—101. Среди газетъ и журн. „Забѣжи“ — лица, помогающія лошадинымъ барышнямъ въ Кавказѣ обманывать неопытныхъ крестьянъ. (Изъ „Канско-Волжск. Кр.“)—Самый старинный романъ. Объ „Исторіи двухъ братьевъ“, сочиненной 3200 лѣтъ тому назадъ египтянъ, писателемъ Эшпапа (Изъ „Моск. Вѣд.“)—102. Результаты первой всероссійской переписи.—Власть тѣмъ. Жививо погребенные фанатики въ Тирасполь.—103. Последнія извѣстія. Женщина, изъ желанія опозорить мужа, позвала на четверенькахъ, а дочь заставила вести ее на веревкѣ. (Изъ „Новостей Дня“).—По поводу 150-лѣтія Алтайскихъ горныхъ заводовъ и рудниковъ. (Изъ „Сибир. Листка“).—105. Н. А. Силицины. Периодич. печатъ. Здѣсь, между прочимъ, изложены статьи: Н. Х., „Среди новоселовъ“ (Русская М.); М. Кроля, „По кочевьямъ забайкальскихъ бурятъ“ (Нов. Сл.); Катапова. Отчетъ о поѣздѣ въ Миусинскій окр., Енис. г. (Учен. Зап. Каз. ун.); Н. Попова, лекціи по общей психопатологіи (тамъ же). 106. Еще о жививо погребшихся фанатикахъ. (Изъ „Одесск. Л.“)—Статистика Петербурга.—О китайскихъ предразсудкахъ и суевѣріяхъ.—111. Новые подробности о жививо погребенныхъ („Бессарабецъ“).—114. С. Сестренка. Камышловск. у. Интересный субъектъ. Человѣкъ, выдающій себя за сына полковника, странствующаго по совету І. Кроншт. (Изъ „Сар. Дн.“)—Хвалыиск. у. Мракъ вѣщества. Эксплиатация крестьянъ челоуѣкомъ, выдающимъ себя за Христа („Сар. Дн.“)—115. Среди газетъ и журн. Постановленіе схода крестьянъ дер. Медвѣевки, Аткавск. у., отказывающее обычай пять могоarchy при наймѣ пастуховъ и т. п. сдѣлкахъ („Сар. Дн.“).—116. 122. 126. П. Б. Письма съ дороги. (Изъ Перни въ Петербургъ).—Джепророчья Виталия. Свѣдѣнія о сектантахъ Виталин, игравшей выдающуюся роль въ исторіи съ заурованными раскольниками („Одесса. Нов.“)—Посланіе лжепр. Виталин („Рус. Вѣд.“).—118. Мараловодство въ Сибири.—Настоящіе индійскіе факиры. (Изъ ст. М. Ства въ „Borderland“)—119. Движеніе въ Сибирь и обратно („Сиб.“)—Спротивленіе властямъ („Од. Нов.“)—Мошенничество на религіозной подлѣлкѣ (Ниж. Листъ).—Кочевники переселенцы („Нов.“).—120. Свежъ Гединъ шведскій путешественникъ.—122. Эксплоатация религіознаго чувства русскаго челоуѣка аеонекими келіотами („Иверія“).—125. Въ святу у жививо погребенныхъ („Р. Вѣд.“).—127. Китайскіе паясы.

Пермскія Епархіальныя Вѣдомости. 1897. 4, 5, 7, 8, 12. Свѣщ. П. Пономаревъ. Расколъ въ предѣлахъ Савинскаго прихода.—5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19. Протестантскій шетизмъ, какъ родоначальникъ южнорусскаго шутландизма.—12. К. о. в. Вселенная счетчика при переписи одного зараженнаго расколомъ прихода Пермскаго у.—7, 8, 9. Отчетъ о дѣятельности Пермскаго

епархіального комитета православнаго миссіонерскаго общества. (Миссіонерскія школы; составъ учащихся по вѣроисповѣданію и народности; указаніе на отношеніе инородцевъ къ миссіонерск. школамъ).—13, 14, 15, 16, 17. Отчетъ Пермскаго епархіального училищнаго совѣта о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Пермской епархіи за 1895—96 г. (Статистика православнаго населенія Пермской епархіи; церковно-прих. школы, школы грамоты и начальн. училища другихъ вѣдомствъ; статистика раскола и ино-вѣрцевъ).—18, 16. Народная мудрость. Тенденціонный подборъ пословицъ съ цѣлью охарактеризовать народное міровоззрѣніе („Печа. Еп. Вѣд.“).—18, 19, 21. Отчетъ Пермскаго епархіального училищнаго совѣта о состояніи церковно-приходск. школъ и школъ грамоты Пермск. еп. за 1895—96 г.—18. Откуда произошелъ и что означаетъ обычай украшать гробы умершихъ пѣтнями и устлать путь къ кладбищу древесными вѣтвями („Самарск. Еп. Вѣд.“).
Подольскія Губ. Вѣд. 1897. 32. Георгій Побѣдоносецъ во народн. воззрѣніяхъ.—33—34 Южно-русскій народн. праздникъ „Рахманьскій Великдень“.—34—35. Переселенческое дѣло въ Сибири.—52. Сіамъ или страна „Зялаго Слона“.—64. Древне-русскій приходъ.

Прибайкальскій Листокъ. 1897. 59. II.—С. Ливовскія саги. О происхожденіи Чудскаго озера или Пейпуса. (Переп. въ Кал. Губ. Вѣд. 33).—68. Корреспонденціи. Астаханъ (о бытѣ и нравахъ калмыцкихъ жрецовъ, изъ „Астр. Листка“).—76. Е-нина Латышскія сказки: О происхожденіи водопада близъ Гольдигвена; О чемъ бесѣдуютъ вѣдьмы въ ночь на Ивановъ день.—75. Кечедиси. Въ когтяхъ демона, кавказская легенда Юрія Казы-Бекъ.—84. Къ нравамъ и быту калмыцкихъ жрецовъ (изъ „Астраханскаго Листка“).

Сельскій Хозяинъ. 1897. 24. М. К-ва. О рабочихъ въ Малороссіи и влияніи ихъ на ходъ мѣстнаго хозяйства. Попытка объяснить положеніе хозяйства въ Малороссіи этнографическ. особенностями малороссійскихъ губ.—25. Сѣтунъ А. Шестаковъ. Полтавскій участокъ Южно-Уссурийскаго края. Краткое указаніе на способъ обработки земли у китайцевъ.—28, 29, 30, 31, 32, 41, 42, 43, 44, 45, 47. К. О. Ариинскій. Русское дѣло съ точки зрѣнія народныхъ примытъ.—38. Д. О. Корреспонденціи изъ Новороссіи. Свиданіи о сельско-хозяйств. рабочихъ на югъ Россіи.

Уфимскія Губ. Вѣд. 1897. 50, 51. Федоръ Чуфринъ. Село Минскій заводъ, Уфимской губери.—63, 64, 65. И. А-скій. Очерки Приуралья.—70. Мелочка. Екатеринбургскій Соломовъ. Воръ выдалъ себя, испугавшись того, что у него соломинка сдѣлается длиннѣе (изъ „Мір. Отг.“).—76. В. Шоголовъ. Село Топорняно, Уфимск. у. Описаніе мѣстной ярмарки.—79. О сближеніи между русскими и кочевниками магометами (изъ „Киргизск. Степи. Газ.“).—86. Въ засѣданіи Имп. Общ. любит. древн. писемъ. Замятка о докладѣ г. Волкова: „Дѣйствительно-ли была безыменна большая часть трудовъ древнерусск. писателей?“ (изъ „Правит. Вѣстн.“).—87, 89, 90, 91. М. Колесниковъ. Черемисы язычники въ Беляевск. у.—90. Дѣятельность Читинскаго отдѣленія Приамурск. отд. И. Р. Г. О. въ 1895 г. (изъ „Правит. Вѣстн.“)—91. Гаветныя извѣстія и свидѣнія. Объ исторіи гор. Монако (изъ „Правит. Вѣстн.“).—93, 95, 97, 99. Герасимовъ. Изъ впечатлѣній санитарнаго по записной его книжѣ. О санитарномъ состояніи Уфы.—93. Замятка о исторіи и современномъ положеніи Тессалии (изъ „Правит. Вѣстн.“).—94. Замятка о состояніи Енисейскаго музея (изъ „Правит. Вѣстн.“).—100. С. Мастеевскій. Мекрессе.—105. Пунктуальныя отвѣты. Случай непониманія рубрикъ переписного листа.—107, 109, 110, 111. Н. Оленчикъ. Водное богатство и рыбное хозяйство въ Уфимск. у.—114. С. Мастеевскій. Паломничество магометанъ въ Мекку.—116. Имп. Русск. Геогр. Общ. Замятка о докладахъ г. Вильсона о переписи въ Петербургѣ и г. Семенова о переписи во всей Имперіи („Правит. Вѣстн.“).—Царство пигмеевъ въ Азіи (Міров. Отг.“). 187, 168. Краткій очеркъ крестьянскаго хозяйства въ сѣверной полудѣ Велебеевск. у.—170. Замятка о коллекціи чудскихъ вещей, доставленной изъ Кунгура, Пермск. г., въ Уральское Общ. любит. естествозн.—179, 187. З. Е. Никольск.

Описаніе селевій Балтаевской волости, Мешелинского у.—183, 185. Изъ статей „Деревенскіи монографіи“, помѣщенныхъ въ №№ 7, 8 и 9 Вѣстника Птицеводства за 1896 г. Изъ деревни Урачь-Тау, Стерлитамакск. у.—183. О дѣятельности Подольскаго епархіальнаго статистич. комитета („Правит. Вѣстн.“). 186. *Али Искандеровъ*. Еще о мусульманскомъ медресе. По поводу ст. „Русскій владетъ при медресе въ Уфѣ“, („№ 81 Уф. В.“) и „Медресе“ („№ 100“).—191. О происхожденіи символа свободы въ видѣ шапки египтскаго покроя („Правит. Вѣстн.“).—198. *Н. Оленичъ*. Системы власти административной въ Оренбургск. край до 1865 г.—200. Слѣды явчества въ домашнемъ обиходѣ чувашъ.—*М. Петисовъ*. Описаніе Новотроицкой волости 4 земскаго участка, Бирск. у.—231. *А. Селяевъ*. Бирская бесплатная бібліотека читальня.—232, 235. Замѣтки наблюдателя. Очерки Приуралья, 1896 г. Письма изъ Троицк. у., Оренб. г.—234. *Н. Оленичъ*. Нѣсколько мыслей объ Уфимскомъ музеѣ.

Уфимскія Епархіальныя Вѣдомости. 1897. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Уфимской епархіи за 1896/97 г. (Статистика школъ, раскола и иновѣрцевъ).—10. *Свящ. Николай Разумовъ*. Открытіе прихода при ц. села Тюлюга Златоустовск. у. и освещеніе 15 дек. 1896 г. новоустроеннаго въ этомъ селѣ храма.—21. Отчетъ Уфимскаго Епархіальнаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1896 г. (Здѣсь свидѣнія о религіозно-нравственномъ состояніи преченныхъ мнородцевъ Уфимской епархіи).

Хозяинъ. 1897. 12. *Л. Львовъ*. Письма изъ Степного края. II (начало въ № 43 за 1896 г.). О назначеніи хозяйствъ.—15, 16. *Им. Молодыхъ*. Вольныя земли.—15. *И. Странскій*. Изъ Лужскаго у. О ловлѣ рыбы въ р. Лугѣ.—19. *Н. Оберъ*. Экономическій упадокъ и отхожіи промыслы крестьянъ Осташиновск. у.—22, 23, 24, 25, 26. *Е. Реско*. Путевыя впечатлѣнія русскаго хозяина.—22, 24. *А. Мертвею* Письма съ сѣверо-запада. Характеристика сельскаго хозяйства въ сѣверо-зап. край и Царствъ Польскомъ.—25. *Я. Памферовъ*. Нужды киргизскаго хозяйства.—29. *В. Акимировъ*. Изъ почтовой деревни.—*Д. Невеичъ*. Сельскохозяйственная жизнь въ Россіи. Изъ Константиноградскаго у., Полтавск. г. (Отношеніе малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ къ сельскохозяйств. машинамъ. Мѣстные „хозяйственные“ крестьяне и ихъ хозяйство).—31. Передовая статья. О связи между грамотностью населенія и его экономич. благосостояніемъ.

Цюбюсъ Пурцелъ. (Листокъ извѣстій на грузин. яз.). 1897. 216. О бесполезныхъ обычаяхъ народныхъ.—223, 226. О составленіи новаго груз. словаря.—235. Библ. Матеріалы по исторіи Грузин. *Θ. Жордания*.—243. Шелководство въ Имеретіи.—379. Библ. Отрывокъ изъ „Диларіана“, изд. 3. Читанадзе.—384. Библ. Жизнь героя Саададзе въ XVII в. напис. Юсифъ Тбилили. (Изъ. Имедашвили и Чиададзе. Тиф. 1897).—403. Замѣтка по поводу изданія „Диларіана“.

Черниговская Губ. Вѣд. 1897. 1134. Новое племя карликовъ на Памирѣ (изъ „Нов. вр.“).—1160, 1184. Кустарная промышленность въ Чернигов. губ.—1187. Сіамъ.—1209. О вѣрахахъ и обычаяхъ племенъ, населяющихъ Индокитай (нѣсколько свидѣній о племенахъ „мон“ и „бунговъ“, взятыхъ изъ путешествія Россета).—1211. Золотопромышленность въ Бухарскомъ ханствѣ (артели для разработокъ приисковъ).—1213. Должны въ Японіи (изъ „Прав. В.“). 1235. Цѣть кожи негровъ (наблюденія д-ра Колинсона надъ постепеннымъ измѣненіемъ цѣты кожи новорожденныхъ негровъ. Изъ „Прав. Вѣст.“)—1239. *Тихановъ*. Старинныя „публики“ (публикаціи),—обновленіе примѣтъ въ документахъ; примѣты языка, прически и проч.—1247. Историческое становище въ Швейцаріи въ Шаагаузенскомъ кантонѣ (изъ „Прав. Вѣст.“)—1254. Китайская энциклопедія, приобретенная Берлин. этнограф. музеемъ.

Черноморскій Вѣстникъ. 1897. 36. Поклонники діавола. Изложеніе доклада В. А. Романова „Исслѣдованіе объ ісвидахъ“, читаннаго въ Геогр. Общ. (изъ

„Народа“).—Разныя разности. Косметика у японскихъ жевщицъ.—37. Медицина на Востока (изъ „Петербург. Листка“).—43.—Разныя разности. О правдовавѣи масляницы у грузинъ и армянъ.—46. Очерки Самурзанахи.—48. Тиввибульскія каменно-угольныя копи. (Наброски очевидца).—51. Хроника. Случай кровной мести.—56. Коловизація восточнаго Черноморья (книга Шаврова „О мѣрахъ для развитія русскаго торговаго мореходства“).—62. Разныя разности. Заединаніе духовъ у племени Оравъ-сламъ на Молуккскомъ островѣ Галимахера (изъ „Forschungsreise in den Molukken und in Borneo“, пров. Кюентала).—66. С. Ковалевскій. Женщины и дѣти въ Агстраліи (перенодъ).—69. А. Изъ жизни пятой части свѣта. Экономическій строй Новой Зеландіи.—70. Обзоръ періодической печати. Санитарное состояніе уральскихъ поселеній (изъ „Окраины“).—72. Давно прошедшее. Изъ воспоминаній о Кавказѣ. „Киришъ Сарай“. Очеркъ г. Сандра (изъ „Варшавска. Диеен.“).

Ярославскій Епарх. Вѣд. 1897. 3. Святотчныя празднества на Руси въ древности и въ XVIII вѣкѣ (изъ „Нов. Врем.“)—11. Вербныя празднества въ Россіи и другихъ странахъ (приведено много повѣрій и поговорокъ, относящихся къ Вербному воскресенію и вербѣ, преимущественно изъ сѣвер. губ.).—Къ вопросу объ евреяхъ въ древнемъ Египтѣ.—25. Праздникъ Ивана Купала и Аграены Купальницы.—26. Петровъ день на Русь (Рус. Сл.).—36. Распятіе въ Кятаѣ.

Новости этнографической литературы.

Адриановъ, С. А. Рецензія на кн.: *Дмитріевъ, А. А.* Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ, преимущественно о Пермскомъ краѣ (Оттискъ изъ отчета о присужденіи наградъ гр. Уварова). Спб. 1896. 4^о.

Анты XVI—XVIII вв., извлеченные *А. Н. Зерцаловымъ*. Изд. Моск. Архива Минист. Юстиціи. Москва. 1897.

Ананьевъ, П. А. Еъ предстоящему столѣтію города Василькова Киевской губ. Киевъ. 1897, брош.

Апостолиди, Е. К. Королевство Сіамъ. Историко-этнографическій очеркъ (По поводу прибытія сіамскаго короля Чулалонгкорна I въ Россію). Спб. 1897.

Апостоловъ, Л. Я. Географическій очеркъ Кубанской области. Приложенія: двѣ карты области (20-верстная и климатическая), планъ Екатеринодара и другіе рисунки (Изъ Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. 23). Тифлисъ. 1897.

Аристовъ, Н. А. Забѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія о ихъ численности (Изъ «Жив. Стар.»). Спб. 1896.

Архангельскій, А. С. Еъ исторіи вѣмецкаго и чепскаго луцидаріусовъ. Казань. 1897.

Аванасевъ, А. Н. Народныя русскія сказки. Изд. 3-е, дополненное біографическимъ очеркомъ и указателями, подъ ред. *А. Е. Грузинскаго*. (Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ). Москва. 1897. Ц. 3 р.

Багалъй, Д. И. Еъ исторіи заселенія и хозяйственнаго быта Воронежскаго и Бурскаго края (По поводу изслѣдованія Н. Н. Миглашевскаго: «Еъ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства»). Изъ отчета о присужденіи наградъ графа Уварова). Спб. 1897.

Баралевскій, В. Восточныя окраины Русскаго царства: Камчатка, Амуръ, Уссури. Съ картою. Изд. Высоч. учр. Постоянной комиссіи по устройству народн. чтеній. Спб. 1896.

Бонъ, В. Г. О коптскомъ искусствѣ. Коптскія узорчатыя ткани. Москва. 1897. 4^о, фас.

Бориневичъ, А. Новороссія въ царствованіе Имп. Екатерины II (Изъ Запис. И. Общ. сельск. хоз. южной Россіи. 1897). Одесса. 1897.

Бранденбургъ, Н. Е. Старая Ладога. Юбилейное изданіе Имп. Русс. Археологическаго Общества. Рисунки и техническое описаніе акад. В. В. Сулова. Спб. 1896. 4^о, 323 стр., карты, планы, рисунки, фототипіи.

Ч. I. Городъ Ладога: топографія, періодъ легендарный и доисторическій, періодъ историческій. Ч. II. Староладожское городище («Рюрикова крѣпость»). Ч. III. Атласъ рисунковъ и чертежей. Въ одномъ томѣ.

Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ. Съ рис., портретами, видами, типами и пр. Москва. 1897. Стр. 752+128. Ц. 5 р.

Будилловичъ, А. С. О значеніи русскаго похода въ 1849 г. для австро-угорскихъ народовъ (Оттискъ изъ «Русской Бесѣды»). Спб. 1896. 8°, бр.

Быль и легенды о могилѣ Аскольда. Съ прилож. древнихъ плановъ Кіева (1638 г.) и Печерской его части (1695 г.). И. Т—а. Кіевъ. 1897.

Бѣлловскій, Н. А. Къ вопросу объ антропологическомъ типѣ преступника. Спб. 1895.

Виды села Бняжей Пустыни (Костром. г. Кологривск. у.). Рисунки художника Г. А. Ладыженскаго. Одесса 1895. 4° (4 вида).

Водовозова, Е. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Съ 10 картин. Изд. 2-е. Спб. 1897.

Волягинъ, Ф. Амуръ (природа и люди Амурск. края). Полезная библіотека Сойкина: Спб. 1896. Ц. 50 к.

Выборки изъ свѣдѣній, доставленныхъ Имп. Московскому Археологическому Обществу православнымъ духовенствомъ, по распоряженію рижскаго архіепископа Арсенія. Москва. 1896. 4°.

Вышгородъ, Я. Д. Матеріалы для антропологій кабардинскаго народа (Адыге). Докт. диссерт. Спб. 1895.

Генкерь, Н. Л. Къ характеристикѣ физическаго типа якутовъ. Записки по этнографіи Имп. Русск. Геогр. Общества. Иркутскъ. 1896. Ц. 1 р.

Германъ, Н. А. Полный эстско-русскій словарь. Юрьевъ. 1896.

Гёрнесъ, М. Исторія первобытнаго человѣчества. Пер. съ нѣм. съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. Березина. Съ 45 рис. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Геронтій (іером. Задонскаго Богородицкаго монастыря). Историко-статистическое описаніе Кирилло-Бѣлозерскаго (Успенскаго) муж. первокласснаго монастыря Новгородской епархіи. Москва. 1897.

Гонеггеръ, I. Исторія человѣческой культуры. Пер. съ нѣм. М. Чепинской. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Грамматика нивхурскаго языка. Курсъ 3-й. Словосочиненіе.

Дерингъ, П. В. Путешествіе по Верхней Бирмавіи. Крайняя Индія. Изд. 6-е. Пенза. 1897.

Диваевъ, А. Древне-киргизскіе похоронные обычаи (Оттискъ изъ Извѣстій Общ. Археол., Исторіи и Этногр. при Казан. универс. 1897 г.). Казань. 1897.

Динари Африканскіе (Семья ашантиевъ въ Крестовскомъ саду и театрѣ). Изд. Касаткина. Спб. 1897. 24 стр. съ картинками.

Думы Кобзарьскіи. Выдано пидъ доглядомъ Б. Гринченка. У Чернигви. 1897.

Жбанковъ, Д. Н. Вліяніе отхожихъ заработковъ на движеніе населенія (Изъ «Врача», № 25). Спб. 1895, бр.

Заборовскій. Доисторическій человекъ, перев. съ франц. Общепользная бібліотека для самообразованія. Ц. 40 к. М. 1897.

Збирничокъ українських писень. Одесса. 1896.

Зерцаловъ, А. О раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ въ XVIII вѣкѣ. Москва, 1897.

Ивановскій, В., свящ. Къ исторіи древнихъ обитателей Тульской губерніи и ихъ удѣльныхъ князей. Тула, типогр. Губерн. правл. 38 стр.

Ивановъ, Ив. Ив. Путеводитель по Волгѣ на 1897 г. Казань. 1897. 8°, брош.

Изъ недавняго прошлаго Слободской Украины (Оттискъ изъ «Кіев. Стар.») Кіевъ. 1896.

Ильинскій, М. Народы земного шара. Номо зариєнс L. и его раздѣленіе на племена съ означеніемъ ихъ черепныхъ указателей. Таблица просмотрѣна проф. А. И. Таренцкимъ. Спб. 1897 г. Стр. 12.

Инграмъ, Д. Исторія рабства отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ.

Кавказъ. Изд. Высоч. учр. Постоянной комиссіи по устройству нар. чтеній. Съ картою Кавказа. Спб. 1897.

Канчаловскій, П. Отъ Москвы до Архангельска по Моск.-Яросл.-Архангельской ж. дор. Описаніе всѣхъ мѣстъ на пути и въ окрестностяхъ и имѣющихъ историческое или промышленное значеніе. Съ рис. въ текстѣ. Вып. I и II. Москва. 1897.

Карскій, Е. Ѳ. Матеріалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ. Вып. I. Сб. 1897. 8°, брош.

Каталогъ Абиссинско-санитарно-этнографической выставки. Москва. 1897.

Кирпичниковъ, А. И., проф. Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной (Отвѣтъ на 40 вопросъ программы VIII Археол. съѣзда). Москва. 1895. 4°.

Кирпичниковъ, А. И. Къ литературной исторіи русскихъ лѣтописныхъ сказаній. Спб. 1897. 8°, бр.

Клоустон, В. А. Народні казки та вигадки, їх вандрівки та переміни. 3 англійської мови переложив *А. Кримський*. Львів. 1896. 8°, 183 стр. Ц. 50 кр. («Літературно-наукова бібліотека», вид. Івана Франка, 2 серія, кн. 6).

Клячко, Л. Р. Руководство къ изученію религіозныхъ обрядовъ и обычаевъ. По кодексу «Шулханъ-Арухъ, Орахъ-Ханиъ», для юношества. Ч. I. Обряды и обычаи для будней. Варшава. 1897.

Кольбъ, Г. Фр. Исторія человеческой культуры. Съ очеркомъ формъ госуд. правленія, политики, развитія свободы и благосостоянія народовъ. Пер. съ 3-го изд. подъ ред. А. А. Рейнгольда. Вып. I и II. Кіевъ—Харьковъ. 1896.

Констанскій, М. А. Участіе Казанской губ. на XVI Всероссийской выставкѣ (1896) и труды мѣстнаго вспомоgetельн. комитета по экспонаціи. Казань. 1897.

Копаневичъ, И. К. Рождественскія снытки и сопровождающіи ихъ народныя игры и развлечения въ Псковской губ. Псковъ. 1896 (Оттискъ

изъ «Псков. Город. Листка» или «Пск. Губ. Вѣд.»?). Псковъ. 1896, брош.

Коршъ, Ѳ. Е. Мысли о происхожденіи новогреческаго языка. Одесса. 1896, бр.

Курчевичъ-Севрукъ, В. М. Выводъ о происхожденіи прозвищъ Севрукъ и Курчевичъ-Севрукъ, дополненный и исправленный. Минскъ. 1897.

Кушнеревъ, свящ. Судакская долина и генуэзская древняя бапелла. Феодосія. 1896.

Латышевъ, В. В. Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи. Съ 13 таблицами. Спб. 1896.

Литвиновъ, М. А. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Съ 3 портретами (Общепользная бібліотека, изд. М. В. Влукіна, № 5 — 6). Москва. 1896. 8°, брош.

Литвинъ, С. Н. Среди евреевъ. Спб. 1897.

Лозинскій, А. Еще о борьбѣ со знахарствомъ (Изъ «Врача», №26). Спб. 1895, бр.

Лоранъ, Эмиль. Уголовная антропология и новыя теоріи преступности. Пер. В. В. Баршевскаго, подъ ред. проф. И. А. Смирнскаго. Кіевъ. 1897.

Марануевъ, В. Н. Полѣсье и Полѣшукі (Изъ путевыхъ записокъ). Чтеніе для школъ. Изд. 4-е. Одесса. 1897.

Маривардтъ, Н. Самоняне и самонянны. Краткое описаніе страны и обитателей Самойскихъ острововъ въ южной части Великаго Океана. Вильна. 1896, брош.

Матеріалы по археологіи Кавказа (см. ниже: гр. Уварова).

Мейникъ-Саркисянъ, С. А. Муганская степь. Естественнo-историческій и сельско-хозяйственный очеркъ (Изд. Мин. Земледѣлія и Госуд. Икущ. Отдѣлъ земельныхъ улучшеній). Спб. 1897.

Мечъ, С. Центральная Азія. 4-е испр. изд. Москва. 1897.

Месодій, іеромон. Буддійское мировоззрѣніе или ламанизмъ и обличеніе его. Ставрополь. 1897.

Минлошичъ, Фр. Изобразительныя средства славянскаго эпоса. Переводъ А. Е. Грузинскаго (Изъ I вып. Трудовъ Славянской комиссіи при Имп. Моск. Археол. Общ.). Москва. 1895. 4°.

Мирошъ. Южнорусская пасхальная драма (Оттискъ изъ «Кіев. Стар.»). Кіевъ. 1896.

Михайловъ, П. П. Роль и значеніе первобытной женщины. Сообщ. въ Археологическомъ Институтѣ 23 марта 1895. Спб. 1897. Стр. 40.

Мошковъ, В. А. Скномы и ихъ соплеменники фракіяцы. Слѣды этихъ народовъ въ наше время. Этнографическій этюдъ. Варшава. 1896 г. Ц. 50 к.

Навроцкій, А. А. (Вроцкій, Н. А.). Изъ волжскихъ преданій. Коромылова башня. Бѣлжыя могила. Нижний-Новгородъ. 1897.

Ожеговъ, М. М. Молодецкая кручина. Пѣсенникъ Москва. 1896.

— Новый пѣсенникъ. Кіевъ. 1896.

Олексенио, С. Народное обычное право въ общинномъ землевладѣніи

Бердянского уѣз. Таврич. губ. (Изъ Записокъ И. Общ. сельск. хоз. южной Россіи 1897). Одесса. 1897.

Орглертъ, А. И. Медико-топографическое и статистическое описаніе слободы Головинны, села Антонова и дер. Тодолей Грайворонскаго уѣзда Курской губ., съ картами, планами, диаграммами и таблицами. Курскъ. 1896.

Оршанскій, М. Г., проф. Законы наследственности, извлеченные изъ сочиненія того же автора: «Etude sur l'hérédité» въ Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St. Pétersbourg, 1894. Съ предисловіемъ проф. Цезаря Ламброзо. Харьковъ. 1896. 8°.

Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1895 г. Спб. 1897. 158 стр. Разборъ сочиненія проф. Варш. ун-в. Г. К. Умлянова: «Значеніе глагольных основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ. I ч. Основы, обозначающія различія по залогамъ. Варшава. 1891. II ч. Основы, обозначающія различія по видамъ. Варш. 1895 (Разборъ составленъ проф. Моск. ун-в. Ф. Ф. Фортунатовымъ).

Отчетъ о присужденіи премій проф. А. Ботларевского въ 1895 г. Спб. 1896. (И. В. Ягича, разборъ сочиненія проф. П. А. Кулаковскаго: «Иллиризмъ. Исследование по исторіи хорватской литературы періода возрожденія». Варш. 1894 г.—В. Н. Щепкина, разборъ труда П. А. Лаврова: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка.»—А. И. Соболевскаго, разборъ посмертнаго труда проф. А. Л. Дювернуа: «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка». М. 1894). Пайсаль, Ш. Э. Матеріалы для антропологіи таранчей (Докт. дисс.). Спб. 1897.

Памятникъ українсько-руської мови і літератури, видає комісія археографічна Наукового товариства імені Шевченка. Т. I. Апокрифи старозавітні зібрані з рукописів українсько-руських (Monumenta linguae neopoli litterarum ukraino-russicarum Ruthenicarum a collegio archaeographico Societatis scientiarum Sévčenkianae editae). У Львові. 1896. 8°.

Площанскій, В. Нѣсколько словъ объ иностранной эксплуатаціи древней Руси (Изъ «Литовскихъ Вѣстк. Вѣдом.»). Вильно. 1897.

Погодинъ, А. Основной курсъ общаго языковѣдѣнія (Руководство къ самообразованію). Спб. 1897.

Пометтале, В. Морской путь на русскій дальній востокъ. Спб. 1897, брош.

Полтавцевъ, Алексѣй. Впечатлѣнія и очерки Кавказа. Харьковъ. 1897. 12°, брош.

Полѣновъ, А. Д. Оживающій сѣверъ (XX отдѣлъ Всероссійской выставки 1896 г. въ Нижн.-Новгородѣ. Крайній сѣверъ. Частный павильонъ Общества Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги). Съ 15 етотит. Москва. 1896 г.

Поротовъ, М. Т. Къ антропологіи бурятъ. Буряты-аларцы (Докт. диссерт.). Спб. 1895.

Поспѣловъ, С. Медвѣжья шкура. Разсказъ изъ жизни на сѣверѣ. (Съ рисунками). Изд. Ступина. Москва. 1896.

Поталенко, проф. По поводу статьи ч. пр. Э. Ф. Беллина: «Судебно-медицинская экспертиза въ дѣлѣ мултанскихъ вотиновъ, обвиняемыхъ въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ богамъ». Харьковъ. 1896.

Пташницій, С. А. Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянской литературахъ. I. Исторіи изъ Римскихъ Дѣяній. Спб. 1897.

Пустьинъ, Андрусова — Николаевская, Олонецкой губ. Историческо-статистическій очеркъ. Изд. 3-е, испр. Спб. 1897.

Путешествіе Антиохійскаго патріарха Макарія въ Россіи въ половинѣ XVII в., описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса (по рукописи Моск. Главн. Архива Минист. Иностранныхъ Дѣлъ). Вып. 2 й. Отъ Двѣстра до Москвы. Москва. 1897. 8°. 202 стр. + VI (Изъ «Чтевіи въ И. Общ. исторіи и древн. руссійскихъ», 1897, октябрь).

Савеловъ, Л. М. Коротоякскій уѣздъ въ историко-географическомъ отношеніи. Москва. 1897.

Совновъ, Г. А. Военный пѣсенникъ, заключающій въ себѣ триста военныхъ пѣсень. Пятисотъ-лѣтній юбилей русской артиллеріи (1389 — 1889, 8 ноября). Москва. 1897.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. Управленія Кавказск. Учебнаго Округа. Вып. XXII и XXIII. Тифлисъ. 1897. По 2 р.

Свѣдѣнія о Сибири. Описаніе Енисейской губерніи. Хозяйство у корейцевъ въ Уссурийскомъ краѣ (III-е прибавленіе къ «Календарю Сельскаго Вѣстника» 1895 г.). Спб. 1895.

Свѣдѣнія о Сибири. Сборникъ статей «Сельскаго Вѣстника» о Сибири и переселеніи. Съ картою Россійской имперіи. Изд. ред. «Сельск. Вѣстн». Спб. 1897.

Сениговъ, Іос. Народное воззрѣніе на ученіе и воспитаніе. Спб. 1896. 8°, брош.

Сибирь на Всероссийской выставкѣ 1896 г. Описаніе экспонатовъ Сибири, Степного края и Дальняго Востока, въ связи съ общимъ состояніемъ промышленности и торговли Сибири. Томскъ. 1897.

Сильницкій, А. Архивные матеріалы къ исторіи событій на дальнемъ востокѣ Россіи съ 1847—55 гг., извлеченные изъ дѣлъ Владивостокскаго портоваго архива. Хабаровскъ. 1897. 4°.

Симони, П. К. Миѣніе митроп. Евгенія (Болховитинова) о русскихъ нарѣчіяхъ, изложенное въ частномъ письмѣ къ акад. П. И. Бѣннену, 1820 г. (Изъ «Извѣстій Отдѣл. русс. яз. и словесности И. Ак. Наукъ»). Спб. 1896.

Сказаніе о хожденіи въ Тибетскую страну Мало-Дорбѣтскаго База-Бакши. Калмыцкій текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленнымъ А. Позднѣвымъ. Изд. факультета восточн. языковъ Имп. Спб.-скаго университета ко дню открытія XI международнаго съѣзда оріенталистовъ въ Парижѣ. Спб. 1897.

Слюзбергъ, Г. Б. Записка по вопросу о правахъ евреевъ на прїѣздъ и постоянное пребываніе въ Сибирѣ. Спб. 1896. 8°.

Словарь Киргизско-русскій. Оренбургъ. 1897.

Солоникю, А. Дневникъ сновидѣній (Матеріалъ къ психологіи сновидѣній). Николаевъ. 1897. 8°, брош.

Стверъ крайній и его просвѣтители (Изд. Высоч. учр. Ностоянной комиссіи по устройству народн. чтеній). Спб. 1897.

Тардъ, Г. Происхожденіе семьи и собственности. Перев. съ франц. съ прибавленіемъ очерка Л. Е. Оболенскаго. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Твори Степана Руданскаго. Виданне Василя Лукича. Т. I (1895) впорядкувавъ М. Комар., ц. 40 кр.; т. II (1896), ц. 50 кр. и т. III (1897), ц. 50 кр., впорядкувавъ А. Крымскій. У Львови коштомъ редакціи «Зорі» и Наукового Т-ва імени Шевченка (Ожидается т. IV и послѣдній. Во всѣхъ стихотворныхъ произведеніяхъ Руданскаго обработано множество народно-поэтическихъ темъ, въ томъ числѣ и апокрифическихъ).

Тиграновъ, Н. И. Закавказскія нар. пѣсни и танцы. См. въ Нов. Вр. 1897, № 7616, ст. Д. Борецкаго о сборникахъ закавказск. мелодій Н. И. Тигранова («Transkaukasische Volkslieder u. Tänze» и «Orientalweisen»).

Тонмаковъ, М. О. Историко-статистическое и археологическое описаніе города Устюжны съ уѣздомъ, Новгородской губерніи. Изд. П. Д. Иконникова. Москва. 1897.

Тороповъ, П., свящ. Трехсотлѣтіе города Верхотурья. Изд. 2-е, дополн. Пермь. 1897.

Уварова, гр. П. С. Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. IV. Христіанскіе памятники.

Уманецъ, М., і А. Спілна. Словарь російсько-український. Т. 3-й. П—С. Львів. 1897. Ц. 3 руб.

Филипповъ, Н. Н. Очеркъ тысячелѣтней борьбы Балтійско-Полабскаго славянства съ язицами до возрожденія Сербо-лужицкаго племени (IX в. — 1848 г.). Изд. книгопрод. Н. Г. Мартынова. Спб. 1897.

Фирсовъ, А. И. По Окѣ. Тула, тип. Губ. правл. 36 стр.

Хребтовъ, А. К. Положеніе жемчужной промышленности въ Россіи. (Исслѣдованія, сдѣланныя въ Олонекской губ. въ 1895 г. и въ Архангельской губ., въ уѣздахъ Онежскомъ и Кемскомъ въ 1896 г.). Спб. 1897.

Шендриновскій, И. И. Матеріалы къ антропологіи бурятъ-селенгинцевъ (Докт. диссерт.). Спб. 1894.

Шмоллеръ, Густ. Наука о народномъ хозяйствѣ, ея предметъ и методъ. Пер. Котляревской. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва 1897.

Штальбергъ, В. Гуманность въ исторіи человѣчества. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Леонтьевой. Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 1897.

Штернъ, Э., фонъ. О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи (Читано на X Арх. съѣздѣ въ Ригѣ). Спб. 1897.

Штраусъ, Ф. А. Путешествіе на востокъ. Египетъ и Св. писаніе. Переводъ Н. Виноградова. Сергіевъ Посадъ. 1897, брош.

Энгельдъ, Е. Р. Матеріалы къ антропологіи бѣлоруссовъ. Рославльскій уѣздъ Смолен. губ. (Докт. диссерт.). Спб. 1896.

Энгельгардтъ, А. П. Русскій сѣверъ. Путевыя записки. Изд. Суворина. Спб. 1897.

Этнографическій фондъ имени Н. О. Эммина при Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ.—Вып. II. Исслѣдованія и статьи Н. О. Эммина по армянской миеологіи, археологіи, исторіи и исторіи литературы (за 1858—1884 гг.), съ прилож. переводовъ изъ армянскихъ историковъ. Москва. 1896. Стр. VII+431. Ц. 2 р.—Вып. III. Переводы и статьи Н. Эммина по духовной армянской литературѣ (за 1859—1882 гг.). Апокрифы, житія, слова и пр. Москва. 1897. Стр. XII+367. Ц. 2 р. Выпускаемые всѣ три выпуска (вып. I—Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго) платятъ 5 р.

Этнографічний Збірник. Видає Наукове Товариство імені Шевченка, за редакцією *М. Грушевського*. Т. I—II. У Львові. 1895—96. 8°.

Юрасовскій, А. К. Легенда селца «Гремячаго Ключа» Мценскаго уѣзда. Изъ Орловскихъ преданій. Орелъ. 1897, брош.

Юшкевичъ, А. Литовскій словарь съ толкованіемъ словъ на русскомъ и польскомъ языкахъ. Вып. I. Изд. Отдѣленія русс. яз. и словесн. И. Ак. Наукъ. Спб. 1897.

Baedeker, K. La Russie. Manuel du voyageur. Avec 14 cartes et 22 plans, 2^e édition. Leipzig. 1897.

Bruns, Jvo, Die griechischen Tragödien als religionsgeschichtliche Quelle. Kiszъ. 1894.

Bücher, Karl. Arbeit und Rhythmus (Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Bd. XVII. № V). Leipzig. 1896, 8°, 130 стр. (Главы: Vorbemerkung.—I. Die Arbeitsweise der Naturvölker.—II. Rhythmische Gestaltung der Arbeit.—III. Arbeitsgesänge. 1. Einzelarbeit und Gesellschaftsarbeit. 2. Arbeiten im Wechseltakt. 3. Arbeiten im Gleichtakt.—IV. Ursprung der Poesie und Musik.—V. Der Rhythmus als ökonomisches Entwicklungsprincip.—Anhang. Schiffsgesänge.—Nachträge).

Delitzsch, Friedr. Das babylonische Welteschöpfungsepos (Abhandlungen der philolog.-hist. Glasse d. K. Sächs. Gesell. d. Wissensch. Bd. XVII. № II). Leipzig. 1896. 8°, 160 стр. (По глинообразнымъ таблицамъ).

Hurt, J., Pastor. Bericht über seine Sammlung estnischer Volksüberlieferungen. (Докладъ Арх. съѣзду въ Ригѣ. Оттискъ изъ «St.-Petersburger Zeitung»). St.-Petersburg. 1896.

Lindworm, Arn. Ueber die Geschlechtsliebe in social-ethischer Beziehung. Ein Beitrag zur Bevölkerungslehre. Leipzig. 1897. 8°

Pedersen, Holger. Albanesische Texte mit Glossar (Abhandl. der philol.-hist. Classe der K. Sächs. Gesellsch. der Wissensch. Bd. XV. № III). Leipzig. 1895. 8°, 208 стр. (35 выводов и болѣе 230 примеч., собр. въ 6-мѣсячную поездку въ Эпиръ въ 1893 г. Съ этимологич.-синтакс. введеніемъ)

Ribot, Th. L'évolution des idées générales (Bibliothèque de philosophie contemporaine). Paris. 1897.

Roscher, W. H. Das von der «Kynanthropie» handelnde Fragment des Marcellus von Side. Mit 3 Textfiguren (Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Bd. XVIII. № III). Leipzig. 1896. 8°, 92 pp. (главы: I. Das Märchen von den Töchtern des Pandareos und deren «Hundekrankheit» (κύων).—II. Die Beziehungen des Hundes zu den Dämonen des Todtenreiches.—III. Die Beziehungen des Wolfes zu den Dämonen des Todtenreiches.—IV. Schlussfolgerungen.—V. Anhang I. Die Beziehungen des Geiers zu den Dämonen des Todtenreiches.—Anh. II. Das Fragment des Marcellus Sidetes περί Λυκανθρώπου.—Nachträge. Alphabetische Uebersicht).

Seelig, Wilh. Die innere Colonisation in Schleswig-Holstein vor hundert Jahren. Kiel. 1895.

Ueber den vorbereitenden archäologischen Congres in Moskau (Оттискъ изъ «Sitzungsberichte d. Gelehrten Estnisch. Gesellschaft, 1897»). Jurjew. 1897. 8°, 6ром.

Извѣстія и замѣтки.

*Засѣданія Приамурскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества
11 и 13 ноября 1897 г.*

(Чествованіе Н. Л. Гондатти).

Въ виду живого общественнаго и научнаго интереса, возбужденнаго трехлѣтнимъ пребываніемъ нашего сочлена Николая Львовича Гондатти на крайнемъ сѣверо-востокѣ въ должности начальника Анадырскаго края, занимаемъ изъ „Приамурскихъ Вѣдомостей“ (№ 203, 1897 г.) свидѣнія о сдѣланныхъ имъ сообщеніяхъ о результатахъ своей дѣятельности на Анадырѣ въ торжественномъ собраніи Приамурскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. въ Хабаровскѣ, по возвращеніи его съ Анадыра прошлою осенью.

11 ноября въ залѣ Хабаровскаго Военнаго Собранія состоялось въ присутствіи главнаго начальника края, С. М. Духовскаго, первое въ этомъ сезонѣ общее собраніе членовъ Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О. Собраніе отличалось особою многочисленностью, такъ какъ было предназначено сообщеніе Н. Л. Гондатти, члена-основателя Приамурскаго Отдѣла.

„Имя Гондатти,—замѣчаетъ газета,—пользуется въ нашемъ край широкой популярностью, ибо слава о его плодотворной дѣятельности въ отдаленнѣйшемъ уголкѣ нашего отечества, въ дебряхъ приполярной Анадырской тундры, проникла не только на страницы мѣстной печати, но и печати всероссійской, какъ столичной, такъ и провинціальной.“ Населеніе, среди котораго пришлось дѣйствовать г. Гондатти,—это чукчи, главные насельники Анадырскаго края. Они почти до послѣдняго времени не желали признавать чьей-либо власти надъ собою, съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали свободу, завѣщанную предками, неоднократно одерживали побѣду надъ русскими казаками и въ теченіе почти столѣтія вели кровавую борьбу съ ними. 122 года тому назадъ на рѣкѣ Анадырѣ была заложена крѣпость „Анадырскій острогъ“, вооруженная пушками и имѣвшая свыше 700 человѣкъ гарнизона. Но ни громъ пушекъ, ни испытанная удача русскихъ казаковъ не могли привести чукчей къ покорности русскому правительству. Огромныя затраты на содержаніе войска, чрезвычайные труды и лишенія русскихъ служивыхъ людей и видная безрезультатность борьбы съ чукчами побудили русское правительство вывести изъ Анадырскаго края свою военную силу, и этотъ край, обильно орошенный кровью русскихъ казаковъ, былъ предоставленъ самому себѣ. Но въ то время какъ мы не обращали на Чукотскую землю никакого вниманія, на нее обратили

все свое вниманіе наши предпримчивые сосѣди—американцы. Было время, и не такъ давно, когда воды, омывающія Анадырскій край, славилась чрезвычайнымъ множествомъ морскихъ животныхъ: китовъ, моржей, лахтакоевъ, нерпъ. Эти богатства Берингова моря и Ледовитаго океана способствовали развитію у береговъ Чукотской земли китобойнаго и рыбнаго промысла, который американцы захватили въ свои руки и, производя его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, получали миллионныя барыши, эксплуатируя мѣстныхъ жителей. Вся торговля съ чукчами также была въ рукахъ американцевъ. Такимъ образомъ на русской землѣ увѣренно развивался американскій флагъ.

Со началомъ русской колонизаціи на Амурѣ и Уссуріи, болѣе вниманіе русскаго правительства было обращено именно на югъ Приамурья, а сѣверъ его, Охотскъ, Гижига, Камчатка и Анадырскій край—остались въ сторонѣ, въ забвеніи. Анадырскій край, дикій и суровый, но богатый морскими звѣрьми, пушиной и оленемъ, водящимся тамъ громадными стадами, сталъ предметомъ ближайшаго вниманія русскаго правительства лишь съ 1889 года, когда признано было необходимымъ, по крайней мѣрѣ, населять этотъ край, его населеніе, физическія свойства, его богатства и определять его роль въ экономической жизни нашего отечества.

Докторъ *Гриневскій* первый взялъ на себя эту тяжелую задачу, но за болѣзнью, а потомъ и смертію, оставилъ вопросъ о Чукотской землѣ открытымъ. Дѣло, начатое Гриневскимъ, продолжалъ *Н. Л. Гондатти*, назначенный на должность Анадырскаго окружнаго начальника приамурскаго генералъ-губернаторомъ, *С. М. Духовскимъ*, въ 1893 г. За 3 года своей службы въ Анадырскомъ край г. Гондатти изъяснилъ его изъ конца въ конецъ. Три года работы въ Анадырскомъ край, населенномъ свободолюбивыми и воинственными чукчами, имѣющей цѣлью, съ одной стороны, изученіе края, а съ другой—распространеніе русской власти на крайнихъ предѣлахъ Россіи и покореніе чукчей не силой оружія, а силой нравственнаго вліянія культурнаго человѣка на необузданнаго дикаря, есть дѣло, доступное человѣку, обладающему высокими нравственными свойствами.

Результаты трехлѣтняго пребыванія *Н. Л. Гондатти* въ Чукотской землѣ выразились: 1) обширными матеріалами, имѣющими составить всестороннее описаніе Анадырскаго края; 2) огромной естественно-исторической коллекціей, дающей полное представленіе о природѣ и населеніи, русскихъ и инородцахъ, крайняго сѣверо-востока Азіи, ихъ одеждѣ, жилищѣ, промыслахъ и т. д.; 3) въ сборѣ и доставленіи, куда слѣдуетъ, исака, собраннаго съ чукчей, какъ съ сидячыхъ, такъ и слевыхъ, и, наконецъ, 4) въ просьбѣ чукчей, представленной чрезъ Гондатти къ администраціи Приамурскаго края, принять ихъ подъ покровительство и защиту русскаго Царя, съ обязательствомъ вносить въ государеву казну то количество исака, какое будетъ указано.

Этимъ достаточно выясняется служба г. Гондатти въ Чукотской землѣ.

Передъ началомъ сообщенія г. Гондатти, предсѣдатель Приам. Отд. *И. Р. Г. О., Н. И. Гродековъ*, обратившись къ собранію, сказалъ:

„Въ прошломъ году, членъ Отдѣла, *А. П. Сильницкій*, дѣлалъ общему собранію сообщеніе объ Анадырскомъ край и тогда же демонстрировалъ приведенныя имъ съ Анадыра коллекціи, пожертвованныя Хабаровскому

музею Н. Л. Гондатти, и доложилъ собранію о той просвѣтительной дѣятельности, которую проявилъ среди чуждей членъ-учредитель нашего Отдѣла Н. Л. Гондатти. Сегодня мы услышимъ самого Н. Л., и сегодня онъ будетъ демонстрировать новыя подарки, привезенныя имъ въ даръ нашему музею. Эти коллекціи, съ привезенными въ прошломъ году, не поддаются никакой оцѣнкѣ. Достаточно указать на остатки мамонта, которые очень рѣдко попадаются въ европейскіихъ музеяхъ. Н. Л. есть членъ-учредитель Отдѣла, а его труды украшаютъ „Записки Отдѣла“. Согласно постановленію совѣта, приглашаю общее собраніе привѣтствовать Н. Л. съ прибытіемъ въ наши страны и благодарить его за ту дѣятельность, которую онъ проявлялъ и продолжаетъ на пользу нашего Отдѣла“.

Собраніе шумными рукоплесканими привѣтствовало г. Гондатти. Покровитель Отдѣла, С. М. Духовской, при неумолкающихъ рукописаніяхъ публики, подошелъ къ Гондатти, подаль ему руку и, отъ имени Приамурья, благодарилъ его за его полезную, самоотверженную дѣятельность въ Анадырскомъ краѣ.

Въ краткихъ, но прочувствованныхъ словахъ, помножавшихъ привѣтствовавшей его публикѣ, г. Гондатти благодарилъ за оказываемое ему вниманіе. Затѣмъ, съ приѣмами истого оратора, онъ разсказалъ публикѣ объ Анадырскомъ краѣ: топографіи, климатѣ, орошеніи, оловѣ и саунѣ, о его жителяхъ и ихъ нравахъ. Богатая содержаніемъ, мастерски наложенная лекція прослушалась публикой съ глубокимъ вниманіемъ. Послѣ часового чтенія и маленькаго перерыва, г. Гондатти демонстрировалъ свои коллекціи, выставленныя на эстрадѣ, при чемъ обнаружилъ въ себѣ глубокаго знатока Анадырскаго края; объясненія давались такъ просто и ясно, такъ заманчиво, что публика слушала эти объясненія съ тѣмъ же вниманіемъ, какъ и лекцію, въ теченіе около 1½ часовъ.

13 ноября состоялось второе сообщеніе Н. Л. Гондатти при громадномъ стеченіи публики. Лекція г. Гондатти была прослушана съ тѣмъ же захватывающимъ интересомъ, и лекторъ былъ награжденъ буквально громомъ аплодисментовъ или, точнѣе, оваціей. Чтеніе точно также закончилось демонстраціей коллекцій, съ мастерскими объясненіями. Нѣтъ словъ описать всю силу единодушнаго пріянія публики, который выразился врывомъ аплодисментовъ послѣ демонстраціи коллекцій по адресу талантливаго лектора.

Предсѣдатель Отдѣла, Н. И. Гродековъ, обратился къ многолюдному собранію съ слѣдующими словами: „Поблагодаримъ, гг., Николая Львовича за его прекрасное сообщеніе, обогатившее наши познанія о крайнемъ сѣверѣ; пожелаемъ Н. Л. окончательно поправить свое здоровье, дабы онъ, въ полномъ объемѣ силъ, могъ принести отечеству и наукѣ ту пользу, которую мы все отъ него ожидаемъ. Наибольшій успѣхъ всякаго дѣла даетъ гармоническое сочетаніе трехъ элементовъ: капитала, знанія и труда. У Николая Львовича знаній и труда много, но капиталъ, т. е. здоровье, сильно расшатано; во окончаніи вербаго сообщенія, онъ говорилъ имъ, какъ ему тяжело далось нахожденіе на ногахъ въ теченіе 4—5 часовъ. Вспомните, что Н. Л. провелъ три года въ тундрѣ и сдѣлалъ 8000 верстъ по

ледянымъ пустынямъ. Пусть же Н. Л., собиравшійся временно оставить нашъ край, въ болѣе низкихъ широтахъ и въ кругу своихъ родныхъ, наберется силъ и возвратится къ намъ обновленный и окрѣпшій.*

Несмолкаемые, дружные, громкіе аплодисменты публики покрыли слова Н. И. Гроденова.

Покровитель Отдѣла, С. М. Духовской, ставши близъ лектора, обратился къ собранію съ слѣдующими знаменательными словами:

„Съ особеннымъ удовольствіемъ и вѣну вниманіе Приамурскаго Отдѣла Географическаго Общества къ дѣятельности на нашемъ крайнемъ сѣверѣ Н. Л. Гондатти. Н. Л. подвигъ выше знамя именно того направленія, которое нинѣ наиболѣе желанно и наиболѣе полезно для Приамурскаго края. Нашъ край—молодой; каждый день все болѣе убѣждаетъ насъ, что мы его знаемъ еще мало, и, чтобы его узнать, требуется недчасъ необычайная борьба съ мѣстной природою и трудностями. Между тѣмъ, безъ основательнаго наученія мѣстнымъ условіямъ, никакая административная, ни иная дѣятельность не могутъ быть правдыными. Здѣшнему краю особенно нужны не тѣ люди, кои думаютъ кое-какъ исполнить свой долгъ и торопятся спрятаться въ безличную толпу; честь и слава поощраетъ работу отъ всего сердца и силъ, хотя скромной, но благородной, съ приѣмленіемъ запаса знаній, путеводимой сильною волею и крѣпкимъ характеромъ. Я очень счастливъ надѣяться, что такая работа въ нашемъ край не только поддерживается, но развивается, и что такіа учрежденія, какъ Приамурскій Отдѣлъ И. Р. Географическаго Общества, одобряютъ и укрѣпляютъ ее. Благодаря Николаю Львовичу, не могу не поблагодарить и членовъ Отдѣла общества. Въ заключеніе же, вмѣстѣ со всѣми присутствующими, вырази́мъ желаніе, да множатся въ нашемъ край дѣятели именно тѣ, кои теперь наиболѣе нужны, и да укрѣпляются и развиваются ихъ трудомъ сила, мощь и слава Россіи на дальнемъ Востокѣ“.

Слова главнаго начальника края вызвали единодушное, громкое „ура“ присутствовавшихъ; подъ громъ аплодисментовъ, подъ неумолкаемые, мощные клики „ура“, покровитель Отдѣла, С. М. Духовской, подойдя къ г. Гондатти, обнялъ его.

„Много труда и лишеній—говорить далѣе газета—встрѣтилъ г. Гондатти во время своей трехлѣтней службы въ Чукотской землѣ“), но пріемъ, ему оказанный въ Хабаровскѣ, сдѣлалъ высказать, нѣсколько окупаетъ ихъ. Въ нашей необъятной Россіи есть много тружениковъ, есть много примѣровъ высокаго самоотверженія, но не всѣ они дѣлаются извѣстными. Въ нашемъ же молодомъ, необъятномъ край труды и служба Гондатти на пользу отечества не остались безвѣстными. За его дѣятельностью внимательно слѣдила дѣлая корпорация приамурской интеллигенціи, именуемая Приамурскимъ От-

*) Объ этихъ лишеніяхъ писалъ, между прочимъ, г. Гондатти въ своемъ письмѣ, напечатанномъ въ „Землеводѣннѣ“ 1897 г., кн. I—II, стр. 137—143 а также д-ръ А. П. Сильницкій въ своемъ очеркѣ: „Поездка въ Камчатку и на р. Анадырь“—въ „Запискахъ Приамур. Отдѣла И. Р. Г. О.“, т. II, в. 3 (1897). *Ред.*

дѣломъ И. Р. Георг. Общества. Надежды, которыя возлагали на г. Гондатти Приамурскій Отдѣлъ и его покровитель, онъ оправдалъ въ полной мѣрѣ, и честное и публичное воздаяніе ему должное за его самоотверженные и полезные труды, понесенныя имъ въ Чукотской землѣ, укрѣпляетъ сознаніе, что каждый работникъ Приамурья, при всѣхъ невзгодахъ и лишеніяхъ, неизбежныхъ въ нашемъ суровомъ край, выйдетъ себя должную оцѣнку въ Приамурскомъ Отдѣлѣ И. Р. Г. Общества, въ составъ котораго входитъ вся интеллигенція Приамурскаго края.“ *)

Подробнаго содержанія сообщеній Н. Л. Гондатти газета не приводитъ, конечно, будутъ обработаны авторомъ и напечатаны въ видѣ отдѣльнаго изслѣдованія или оффиціальнаго отчета. Нѣсколько его работъ объ Анадырскомъ край, присланныхъ еще съ мѣста службы, напечатаны въ „Запискахъ Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О“, т. III, вып. 1 (1897). Именно: 1) „Свѣдѣнія о поселеніяхъ по Анадыру“, 2) „Осѣдлое населеніе р. Анадыра“, 3) „Составъ населенія Анадырской округи“. Замѣтка по языку, присланная имъ отсюда же въ Этногр. Отдѣлъ И. О. Л. Е., А. и В., имѣется въ виду для напечатанія.

Въ настоящее время Н. Л. Гондатти, пользуясь отпускомъ, возвращается сухимъ путемъ черезъ Сибирь въ Европейскую Россію и прежде всего въ Москву, чтобы повдаться съ родными, отдохнуть, заняться приведеніемъ въ порядокъ добытыхъ матеріаловъ и свѣдѣній, а также познакомить столичный ученый міръ съ результатами своихъ изслѣдованій.

Красноярскій музей.

Красноярскій городской музей основанъ въ 1889 году мѣстнымъ купцомъ Матвѣевымъ. Спустя годъ послѣ основанія Матвѣевъ пожертвовалъ его городу. Нынѣ музей помѣщается на Береговой улицѣ, въ городскомъ зданіи, выстѣ съ приходской школой. Не смотря на то, что музей существуетъ уже восемь лѣтъ, отчетовъ по нему было составлено только два: первый черезъ годъ послѣ основанія, а второй въ 1892 г. Сравнивая оба отчета, мы видимъ, что музей за годъ своего существованія пополнился многими предметами. Въ послѣднія же пять лѣтъ музей почти ничего не приобрѣлъ, а если и приобрѣлъ, то очень немного. Объясняется это тѣмъ, что нѣтъ почти никого, кто-бы принялъ на себя трудъ поспособствовать развитію музея. Въ этомъ

*) Въ томъ же засѣданіи Приамурскаго Отдѣла было объявлено, что, съ разрѣшенія г. генералъ-губернатора С. М. Духовского, открыта подписка въ предѣлахъ Приамурскаго края на памятныя въ г. Хабаровскѣ Семену Дежневу, открывшему въ 1648 г. проливъ, названный впоследствии Беринговымъ. О казацкѣ Дежневѣ см. соч. *Н. Олѣбина*: „Семенъ Дежневъ (1638—1671). Новыя данныя и пересмотръ старыхъ“. СПб. 1890. (Изъ Ж. Мин. Н. Пр. 1890 г., окт.). Краткія свѣдѣнія см. также въ брош.: „Замѣчательные русскіе люди Ерофей Хабаровъ и Семенъ Дежневъ“, под. ред. журн. „Досугъ и Дѣло“, СПб. 1891.

оташеніи сосѣдній Минусинскій музей находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, имѣя у себя такого сотрудника, какъ Н. М. Мартыявовъ.

Красноярскій музей состоитъ изъ шести отдѣловъ: естественно-историческаго, археологическаго, нумизматическаго, сельско-хозяйственнаго, этнографическаго и промышленнаго. Предметовъ во всѣхъ этихъ отдѣлахъ насчитывается до десяти тысячъ.

Въ этнографическомъ отдѣлѣ костюмовъ только восемь. Изъ нихъ особенно интересны три, а именно: 1) „Парка“ — верхняя одежда шамана Качинцевъ; состоитъ она изъ короткой кожаной куртки съ большимъ отложнымъ воротникомъ; воротникъ сдѣланъ тоже изъ кожи и украшенъ бѣлыми раковинами. Подъ воротникомъ пришиты длинные ленты, доходящія, вѣроятно, до голѣвъ. Ленты преимущественно красныя и зеленыя, на концѣ каждой изъ нихъ пришито по одной раковинѣ. Эти ленты, идя отъ воротника, прикрываютъ, следовательно, спину и бедра, тогда какъ передъ куртки нѣтъ только короткія висюльки, сдѣланныя изъ кожи, въ видѣ тонкихъ трубочекъ. Полы куртки и рукава расшиты красной лентой шириною вершка въ два. Застегивается куртка маленькими мѣдными пуговицами. Рукава небольшіе, къ нимъ снизу привѣшено по одному колокольцу и, кромѣ того, много мѣдныхъ, жестиныхъ и свинцовыхъ побрякушекъ. Къ воротнику пришито семь довольно большихъ колокольцевъ, а при каждомъ изъ нихъ — по одному круглому колокольцу. При этомъ костюмѣ находится головной уборъ. Это — конусообразная мягкая шапка, украшенная бѣлыми раковинами. Сверху прикрашены два желтыхъ пера, которые спадаютъ сваями на воротникъ. Къ одному краю шапки пришиты ленты длиною въ аршинъ. Судя по украшеніямъ на шапкѣ и перьямъ, ленты эти пришиты спереди и должны прикрывать лицо. Кромѣ этого костюма, есть цѣлая коллекція принадлежностей того-же шамана, употребляемыхъ имъ при камланіи. Состоитъ она изъ двадцати двухъ предметовъ. Здѣсь есть средства отъ головной боли, отъ ломоты лопатокъ, при трудныхъ родахъ, отъ падучей болѣзни, кашля, глазныхъ болѣзней и т. д. Всѣ они почти одинаковы, состоятъ или изъ прутиковъ, перевязанныхъ разными лентами, или просто куски древесной коры, есть также и металлическія пластинки.

2) Второй костюмъ шамана Соіотъ. Это — простой бараній полушубокъ, доходящій только до голѣвъ. Задъ полушубка увѣшанъ длинными лентами, передъ — короткими. Къ каждому изъ рукавовъ свая пришита по кольцу съ пучками лентъ. Цвѣта преобладаютъ свѣтлые. Свая, немного пониже плечъ, вшита также по кольцу съ пучками лентъ. На самой спинѣ прикрашены кольца съ конусообразными побрякушками изъ мѣди и жести. Головной уборъ состоитъ изъ околыша, сдѣланнаго изъ мягкой матеріи. Верхъ его закрытъ перьями, которыми торчатъ вверхъ. Спереди на околышѣ сдѣлано подобіе лица. Глаза изъ синихъ бусъ, носъ изъ куска жести. Немного выше глазъ по бокамъ прикрашены два тонкіе металлическіе прута длиною въ четверть, торчащіе впередъ. При этомъ костюмѣ находится семь штукъ маленькихъ щоловъ, употребляемыхъ шаманомъ при камланіи. Идолы эти имѣютъ видъ туловища чело-вѣка безъ ногъ. Туловище сдѣлано изъ тряпокъ. Само оно желтаго цвѣта, а голова красная съ бѣлымъ пояскомъ на лбу. Отъ шеи къ правому бедру идетъ красная лента. Величиной такой идолъ вершка три.

3) Третій костюмъ шамана якутовъ и самоедовъ; состоитъ онъ изъ кожаной куртки, такихъ же брюкъ и сапогъ. Полы куртки украшены длинными тонкими ремнями. Спереди куртки, начиная отъ ворота, виспадетъ кожаная пелерина, украшенная металлическими бляхами въ видѣ стрѣлъ. Края и низъ пелерины расшиты мелкими равноцѣтными бусами. Оба рукава украшены четырехугольными бляхами, а спина различными металлическими набрикушками продолговатой и круглой формы. Сапоги спереди расшиты металлическими пластинками шириною въ вершокъ. Головного убора при этомъ костюмѣ не имѣется, но есть принадлежности при камланин, состоящія изъ бляхъ, колокольцовъ, шкурокъ звѣрей и птицъ, металлическихъ прутьевъ. Кроме этихъ предметовъ, есть еще туловище челоука, сдѣланное изъ тряпки, и картина, изображающая пляшущихъ шамановъ.

Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на женскій костюмъ инородковъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ. Костюмъ этотъ, правда, очень не сложенъ, и состоитъ изъ ситцеваго балахона съ широкими рукавами. Концы рукавовъ и вставка подъ вѣсомъ сдѣланы изъ краснаго ситца, весь же костюмъ бѣлый съ различными рисунками. Остальные четыре костюма особеннаго интереса не представляютъ. Это — обыкновенные зимніе остиацкіе костюмы, сдѣланные изъ оленьихъ шкуръ, шерстью наизвѣрно.

Изъ отдѣльныхъ предметовъ въ этнографическомъ отдѣлѣ имѣются слѣдующіе: кожаные рукавицы инородцевъ Минусинскаго округа, меховая шапка (форма зимней татарской шапки), кисетъ для табака, обувь курдовъ — кожаные туфли съ поднятыми вверхъ носками, безъ украшеній, японскія туфли, монгольская икона, имѣющая видъ квадрата величиною четверти въ два (разобрать рисунокъ невозможно, потому что краски яркія и напылены очень густо, только по серединѣ иконы можно различить сидящую человѣческую фигуру). Есть также около двадцати предметовъ инородческой домашней утвари, состоящей изъ простыхъ деревянныхъ чашекъ, ложекъ, корытъ, кусокъ тиски (береста), употребляемой сѣверными инородцами для покрытия юртъ; остиацкія нарты; остиацкій лукъ съ стрѣлами, на стрѣлахъ сдѣланы различные металлические наконечники; наконецъ, шесть инородческихъ череповъ. — Вотъ всѣ предметы этнографическаго отдѣла.

Естественно-историческій отдѣлъ состоитъ изъ коллекцій извѣстныхъ птицъ (25 экз.), коллекцій извѣстныхъ мухъ (67 экз.), извѣстныхъ бабочекъ (52 экз.), и коллекцій жуковъ (69 экз.). Гербарій изъ 84 видовъ растений флоры Туруханской тундры. — Въ небольшомъ отдѣлѣ палеонтологіи находится черепъ ископаемаго зубра, два отдѣльныхъ отпечатка рыбъ, черепа мамонта и носорога. — Въ отдѣлѣ минералогіи — коллекція горныхъ породъ, изъ которыхъ образовалась почва Минусинскаго округа; 3 коллекціи полезныхъ ископаемыхъ, каковы: руды, соли, крапины, и строительный матеріалъ. — Въ палеонтологическомъ отдѣлѣ насчитывается 298 монетъ. — Въ археологическомъ отдѣлѣ — желѣзная козачуга и такой же шишакъ, мѣдная звѣлка, каменный топоръ и, наконецъ, большая коллекція, состоящая изъ ланговыхъ, косяныхъ, желѣзныхъ, мѣдныхъ и другихъ предметовъ, числомъ 2190. — Промышленный отдѣлъ состоитъ изъ коллекцій производства Алексѣевского крупчаточнаго завода, цѣлой группы принадлежностей охоты и рыболовства. — Въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ

нѣхаются коллекціи сѣмянъ полевыхъ растений, огородныхъ и бахчевыхъ, и, наконецъ, образцы провагодеи Абаканскаго желѣзодѣлательнаго завода и образцы Коноваловскаго сарѣевого и стекляннаго завода. Кромѣ того, три наглобійки, жатвенная машина системы Джовстона, ручная полотилка, сѣно-молотка и одноволосный плугъ.

Вотъ краткѣе описаніе состава всего Красноярскаго музея.

Въ концѣ считаю не лишнимъ упомянуть слѣдующее: авторъ одного изъ отчетовъ по музею пишетъ между прочимъ: „Намъ музей пополняется всевозможными предметами изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Сибири и сопредѣльныхъ съ нею странъ, и всего неменѣе предметами мѣстными. Причинъ тому весьма много, самая-же главная, по нашему мнѣнію, отсутствіе сотрудниковъ“.

То же самое говорилъ мнѣ теперешній хранитель музея Е. М. Кибертъ.

Д. Масюкевичъ.

Автобіографіи этнографовъ.

Вновь поступили, кромѣ упомянутыхъ въ ин. XXXIII „Этногр. Обзорѣніи“, автобіографическіе матеріалы для исторіи современной русской этнографіи отъ А. А. Диваева въ Ташкентѣ и С. и П. А. Дилакторскихъ въ Вологдѣ, съ приложеніемъ фотোগрафическихъ карточекъ.

А. А. Диваевъ посвящаетъ свои научныя занятія главнымъ образомъ изученію русскаго Туркестана. Его матеріалы и работы помѣщены: 1) въ издѣіи „Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области“, тт. I—VI (1891—97), 2) въ казанскихъ „Извѣстіяхъ Общ. Арх., Исторіи и Этнографіи“, тт. XIII, XIV, 3) въ „Ученыхъ запискахъ И. Казанскаго университета“ (1897), 4) въ „Запискахъ Вост. Отдѣленія И. Р. Археологич. Общ.“, т. X. Кромѣ того, въ періодич. мѣстныхъ изданіяхъ (напр. „Туркест. Вѣдомости“, „Окраина“ также помѣщаются время отъ времени его статьи.

Братья Серг. Ал-идр. и Прок. Ал-идр. Дилакторскіе, проживая въ Вологодской губ., собираютъ для мѣстныхъ изданій и для Этнографич. Отдѣла этнографическіе матеріалы. Имена ихъ можно встрѣтить въ „Вологодскомъ иллюстр. Календарѣ“ (1894), въ литературномъ сборникѣ „Вологжанинъ“ (1891—95), въ „Волог. Губ. Вѣдомостяхъ“ (1890—91—93—95), въ „Этногр. Обзорѣніи“ (XXI, XXIV). Нѣкоторые матеріалы по явыку П. А. Дилакторскій доставлялъ И. А. Науку; кое-что изъ его матеріаловъ и статей остается еще въ напечатанномъ у насъ. Подпись его иногда обозначена сокращенно: П. Д., или П. Вторскій, а также П. Александровъ („Этн. Обзор.“ XIX, 145).

Повторяемъ снова нашу просьбу о присылкѣ автобіографическихъ свѣдѣній въ редакцію „Этнографическаго Обзорѣнія“, съ приложеніемъ фотোগрафій.

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ“.

Періодическое изданіе Географическаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

выходить 4-мя книжками въ годъ, разбѣромъ въ 10—12 печати. листовъ, съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текстъ. Цѣна годовому изданію *шесть* рублей съ пересылкой. Гг. изгородные благоволятъ обращаться по адресу: *Москва, въ Географическое Отдѣленіе И. Общества Любителей Естествознанія, Политехнической Музей.*

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: рекомендовать издаваемый Геогр. Отдѣл. И. О. Л. Е. журналъ „Землеведѣніе“ особенному вниманію педагогическихъ совѣтовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и городскихъ училищъ для приобрѣтенія въ фундаментальныя и учительскія библіотеки“.

За 1897 г. вышли книжки I—II и III—IV. Цѣна мѣтъ, безъ приложеній, каждой по 1 р. 50 к. Приложеніями къ нимъ служатъ II—III и IV (последній) выпуски (въ двухъ книжкахъ) сочиненія Ф. Нансена.—*„Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи“*. Годовымъ подписчикамъ „Землеведѣнія“ за 1897 г. выпуски эти высылаются бесплатно Первый выпускъ Нансена вышелъ при последней книжкѣ „Землеведѣнія“ за 1896 годъ.

За 1896 г. вышли четыре книжки „Землеведѣнія“. Цѣна I-й книжки въ отдѣльной продажѣ 1 р. 50 к., II-ой—2 р., III—IV-ой—1 р. 75 к., съ отдѣльнымъ приложеніемъ (Нансенъ, вып. I)—2 р. 50 к., а несъ годъ 5 руб.

За 1895 г. вышли четыре книжки. Цѣна I-ой книжки въ отдѣльной продажѣ—2 р., II—III книжки 2 р. 50 к., IV-ой—1 р. 50 к., а несъ годъ 5 руб.

За 1894 г. вышли четыре книжки. I-ая книжка 1894 года осталась лишь въ немногихъ экземплярахъ и можетъ быть получена только при условіи выписки полной серіи за четыре первыхъ года (1894—1897).

Выписывающіе четыре года, 1894, 1895, 1896 и 1897, могутъ получать ихъ за 20 р., а съ 1898 годомъ за 25 р. съ пересылкой.

Другія изданія Географическаго Отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э.

А. Н. Красновъ. Травяныя степи сѣвернаго полушарія. М. 1894. Ц. 1 р. 50 к.
„Изъ путешествій по Восточной Сибири, Монголіи, Тибету и Китаю“. Сборникъ статей А. В. Потаниной. Съ біографіей путешественницы, ея портретомъ, пятью табличками рисунковъ и политипажамъ въ текстъ. М. 1895. Ц. 3 р.

Нансенъ. Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи. Переводъ А. А. Крубера, подъ ред. Д. Н. Анучина. Съ картами, табличками (автотипіями), рисунками въ текстъ и съ приложеніемъ статей: 1) Ф. Нансенъ, біографическій очеркъ, и 2) Неизвѣстныя полярныя области. М. 1897. 98. Ц. 4 р. Подписчики на „Землеведѣніе“ за 1897 г. получаютъ это сочиненіе бесплатно.